

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ВЫПУСК
XXXIV

№ 3
июль-сентябрь

ТАШКЕНТ
2014

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

- Стр. 1. Архимандрит Иоанн (Вендланд), начало 1950-х (из архива Ташкентской и Узбекистанской епархии) (С. 28).
Стр. 2. Сверху вниз: портрет С. Бакаловича; «Христианские мученики» (эскиз); «Римлянин в библиотеке» (С. 133).
Стр. 3. С. Бакалович. «Иисус Христос умывает ноги ученикам» (С. 135).

Восток Свыше. 2014, № 3 (XXXIV)

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Игорь МЕЛАМЕД. «В ненадежных и временных гнездах...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

«Большой Колпак». 425 лет преставления блаженного Иоанна,
Христа ради юродивого, Московского (3 июля 1589 года) 6

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

«Белый цветок», молодежная конференция и другие новости 10

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Роман ДОРОФЕЕВ. На пути из Верного в Ташкент.

К истории перенесения Туркестанской кафедры
в конце XIX – начале XX веков 13

Николай ВАСИЛЬКОВСКИЙ. «Попытаюсь уговорить его

бросить эту церковь...» Воспоминания о митрополите
Иоанне (Вендланде) 28

БИБЛИОТЕКИ, БИБЛИОТЕКАРИ, ЧИТАТЕЛИ

Святитель Фотий КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ. Библиотека. Отрывки.

Перевод с греческого и примечания
диакона Владимира Василика 37

Евгений БЕТГЕР. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...»

Ранние страницы истории Национальной библиотеки
Узбекистана имени А. Навои 48

Рубен НАЗАРЬЯН. «Идя навстречу нуждам Самарканда...»

Самаркандская областная библиотека имени Пушкина 59

Софья КРУКОВСКАЯ. «Она оказалась дарственной надписью

самого Жуковского...» Научная библиотека
Государственного музея искусств Узбекистана 65

Содержание (окончание)

Моя Библиотека.

- Вадим Муратханов, Алексей Устименко, Глеб Шульпяков,
Лилия Калаус, Бах Ахмедов, Александр Джумаев
рассказывают о своем «библиотечном» опыте 70

ДИСКУССИЯ

- Бахтияр БАБАДЖАНОВ.* Колониальная власть в Туркестане и ислам.
По поводу новой книги Ш. Мухамедова 84

ИЗ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ

- Наталья СЕЛУЯНОВА.* Семейная хроника Селуяновых
(Публикация О. Илюшкиной) 95

- Виктор МОИСЕЕНКО.* Войны никогда не кончались...
Сырдарьинские этюды 103

ОЙКУМЕНА

- Владимир САРИШВИЛИ.* От Сиони – до Кашвети.
Прогулка по православному Тбилиси 111

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

- Размышления над Евангелием:
страницы протоиерея *Сергия СТАЦЕНКО*
Кем был богатый юноша? 118

- Социальные страницы *Лилии КАЛАУС*
Реставрация души 121

Тема: Поэзия и Вера

- «Мы живем в языческом мире в его наихудшем варианте...»
На вопросы ВС отвечает поэт *Инна КУЛИШОВА* 123

- Ирина БОГОСЛОВСКАЯ.* Библейские сюжеты Стефана Бакаловича 133

- Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*
За пределы истории. Два романа о миссионерских
путешествиях в русские земли 138

РЕЦЕНЗИИ

- Бах АХМЕДОВ.* Собака, река, ветер... 141

- Авторы номера** 143
-

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Игорь МЕЛАМЕД

В ненадежных и временных гнездах
и тела обитают, и души.
Но Спаситель приходит, как воздух
посреди мирового удушья.

Посреди мирового мороза,
в безысходных глубинах страданья,
раскрывается сердце, как роза,
от Его дорогого дыханья.

Все оплачено было сторицей
и искуплено страшною кровью,
чтобы ты бесприютною птицей
возвратился под вечную кровлю.

Календарные страницы *главного редактора*

«Большой Колпак»

*425 лет преставления блаженного Иоанна, Христа ради юродивого, Московского
(3 июля 1589 года)*

В день третьего июля 1589 года вся Москва, невзирая на тяжелую и липкую духоту, собралась возле церкви Пресвятой Богородицы Покрова, что на Рву, более известной как «у Василия Блаженного».

Здесь, по воле государя Феодора Иоанновича, шло торжественное отпевание новопреставленного раба Божия Иоанна. Отпевание совершали два архиерея, «казанский митрополит да владыка рязанский, со архимандриты и игумены, протопопы, священники, диаконы и клирики».

Москва прощалась со своим юродивым, блаженным Иваном по прозвищу «Большой Колпак».

«Чу! шум. Не царь ли?» – «Нет; это юродивый».

(Входит юродивый, в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками.)

Мальчишки: «Николка, Николка – железный колпак!.. тр р р р...»

Старуха: «Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. – Помолись, Николка, за меня грешную».

Итак, звали его Иоанном.

Происходил он откуда-то из «страны Вологодской», и, как сказано в его житии, «от каких родителей родился, не вею, но токмо се реку: остави отца и мать и вся сродники и красоту мира». В молодости, для изнурения плоти, бесплатно трудился на соляных варницах водоносом. Затем удалился из Вологды в Ростов, где и начал подвиг юродства.

Последние годы своей жизни провел в Москве. Бродил по царствующему граду с распущенными власами, босой, в «празеленном» рубище, едва прикрывавшем наготу.

«Старообразен, брада не велика, главою плешив, лицом морщиноват, власы русы, назад свалилися, в левой руке клюка, и колпак велик, ноги босы».

На голове Иоанн носил железный колпак, на пальцах – тесные железные кольца, на теле – вериги из крестов. Питался хлебом и водой один раз в день.

Выйдя на улицу, он полагал на землю колпак и, стоя на нем, подолгу смотрел на солнце и молился, не обращая внимания на смех и шутки прохожих.

Мальчишки окружают его снова.

Один из них: «Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь? (Щелкает его по железной шапке). Эх она звонит!

Юродивый: «А у меня копеечка есть».

Мальчишка: «Неправда! ну покажи». (Вырывает копеечку и убегает.)

Юродивый (плачет): «Взяли мою копеечку, обижают Николку!».

Неизвестно, просил ли Иоанн Большой Колпак «копеечку»; скорее всего, Пушкин «списал» это с кого-то из современных ему юродивых. Но детскость, присущую юродству, поэт уловил точно.

Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мат. 18, 3).

Жития юродивых полны примерами такого детского самоумаления. Своим «детством» блаженные не только смиряли себя, но и вразумляли других. Поступал «по примеру детей» и другой известный юродивый того времени, Николай Псковский, чем однажды спас свой город. В феврале 1570 года царь Иоанн Грозный, разгромив Новгород, прибыл в Псков; поднесенное ему на въезде в город блюдо с хлебом-солью яростно оттолкнул... Вдруг навстречу царю, верхом на палочке, выскакал Никола. «Иванушка, – выкрикивал юродивый, – Иванушка, покушай хлеба-соли, а не человеческой крови!».

Царь неожиданно сменил гнев на милость...

Царь выходит из собора. Боярин впереди раздает нищим милостыню. Бояре.

Юродивый: «Борис! Борис! Николку дети обижают».

Царь: «Подать ему милостыню. О чем он плачет?»

Юродивый: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича».

Пушкин немного опозднил события: когда Борис стал царем, «Большого Колпака» уже девять лет как не было в живых. Но, когда Годунов был еще боярином, блаженный Иоанн с ним встречался. «Умная голова, разбирай Божьи дела: Бог долго ждет, да больно бьет», – поучал он Бориса, словно предвидя его недолгое и полное тревог царствование.

Дар предвидения «Большой Колпак» проявил, еще обитая в Ростове. Преподобный Иринарх, затворник Ростовский, сообщал, что Иоанн предсказал ему нашествие поляков: «Даст тебе Бог поучать людей от востока до запада, наполнять землю учениками, отводить людей от пьянства. За незаконное же пьянство и разврат Господь Бог нашет на Русскую землю иноплеменных... Но их Святая Троица Своею силою прогонит».

Другое предсказание было сделано Иоанном в Калуге. Целый день бегал он по

городу и кричал: «Железные ворота! Железные ворота!». Калужане догадались, что юродивый о чем-то предупреждает, – но о чем? Не крымчаки ли идут на них? На всякий случай попрятали добро в каменные амбары за железными воротами. На другой день Калуга горела и почти вся выгорела. Спаслось лишь то, что было упрячено за железные ворота.

Бояре. «Поди прочь, дурак! схватите дурака!»

Царь. «Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка». (Уходит.)

Юродивый (ему вслед). «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит».

Больше Николка – Железный колпак нигде не появится на страницах драмы, и что с ним стало в дальнейшем – неизвестно. Может, замерз в стужу, как другой Христа ради юродивый, Прокопий Устюжский, или погиб в Смутное время. Его роль в драме была сыграна – роль гласа безмолвствующего народа, его израненного, воспаленного языка.

У Иоанна «Большого Колпака», напротив, именно последний день жизни описан наиболее подробно.

В этот день блаженный пришел в церковь Покрова, что на Рву, и попросил у протоиерея места, «где бы ему положиться». Тот обещал юродивому похоронить его по чести, у гроба Василия Блаженного, ибо Иоанн «возлюбил место оно».

Выйдя из храма, Иоанн пошел к наплавному мосту через Москву-реку. Встретив по дороге хромого, как бы случайно наступил тому на больную ногу.

Нога тотчас стала здоровой.

«Человек Божий, не скрывай исцеления, которое дал тебе Господь чрез меня, – попросил блаженный. – Расскажи обо всем протоиерею и служащим при церкви Покрова Богородицы и святого Василия Блаженного».

Потом Иоанн пошел в баню и там в первый раз снял с себя вериги и «все свои обременительные тяжести». Трижды облившись водой, лег на скамью и снова повторил свою просьбу.

«Простите мне, братие; когда умру, отнесите к церкви Покрова Богородицы, ко гробу блаженного Василия, чтобы протоиерей с братиею похоронили мое тело».

Затем заповедал совершить погребение не ранее третьего дня, подложил под голову снятые «тяжести», перекрестился и закрыл глаза...

Ни в одной другой культуре юродивые, наверное, не занимают такого важного места. Трудно представить, чтобы в какой-то европейской столице главный городской храм носил имя юродивого. Чтобы где-то еще существовала целая житийная литература о блаженных юродивых, как она существовала о юродивых русских; чтобы их мощам поклонялись и получали от них исцеления.

Можно ли представить русскую живопись без юродивого из суриковской «Боярыни Морозовой» или из нестеровской «Души народа»? Русскую литературу – без пушкинского Николки, без толстовского Гриши из «Детства», без юродивого из «Странной истории» Тургенева?..

Парило в то утро не зря: когда приступили к погребению Иоанна, «бысть знамение небеси», над Москвой разразилась страшная гроза. Даже в храме попадали иконы и пострадало несколько клириков и мирян. Говорили, что это кара за то, что погребение совершалось не в указанный блаженным день, а раньше. Но в то же время многие болящие, как сообщает житие, получили исцеление. Всего же в записи собора Василия Блаженного указаны семнадцать исцелений, которые совершались вскоре после смерти Иоанна у его могилы.

«Женщина Варвара, болевшая 20 лет ногами...» «Боярский сын Тарасий Плохов, страдавший глазами 25 лет...» «Михаил, одержимый черным недугом...»

12 июня 1672 года мощи святого были обреты нетленными и погребены в приделе Рождества Пресвятой Богородицы. Там же хранятся вериги святого. В 1916 году этот придел был переименован во имя блаженного Иоанна, Христа ради юродивого, Московского чудотворца.

Юродивый (садится на землю и поет):

Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Мальчишки окружают его снова...

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

«Белый цветок», молодежная конференция и другие новости

Победа на международном фестивале православных СМИ. Этот обзор хочется начать с такой приятной новости: пресс-служба нашей епархии стала победительницей в трех номинациях VI фестиваля православных СМИ «Вера и Слово». Этот международный форум, организованный Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви, проходил 22–25 сентября в подмосковном поселке Поведники.

Первого места пресс-служба Ташкентской и Узбекистанской епархии была удостоена в номинациях «Лучшая презентация епархиальной пресс-службы» и «Лучший документальный фильм» за видеопроjekt о ташкентском периоде служения святителя Луки. В номинации «Церковная фотоистория» она заняла второе место за фоторепортаж о первом в истории епархии женском постриге в Великую схиму в Свято-Никольском женском монастыре города Ташкента*.

Узбекистан на страницах «Журнала Московской Патриархии». Центральной темой июльского номера стало Православие в Узбекистане. Постоянные читатели этого общецерковного издания смогли более подробно узнать о 140-летней истории нашей епархии, о том, чем живет епархия сегодня, о ее трудных и радостных моментах, о жизни на одном из приходов.... Интервью для «ЖМП» дали митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, глава Среднеазиатского митрополичьего округа; протоиерей Сергей Стаценко, настоятель Свято-Александрo-Невского храма, а также Ортикбек Юсупов, Председатель комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан.

Святыни. С 30 июня по 2 июля митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий посетил с архиастырским визитом Таджикистан. Владыка Викентий доставил для поклонения верующим Таджикистана ковчег с частицей мощей святителя Николая, архиепископа Мир Ликийского, чудотворца.

В праздник Рождества Пресвятой Богородицы, 21 сентября, в Свято-Успенский

* См. об этом событии: Новостные страницы *иеродиакона Михаила (Столярова)*. От Рождества до Петрова поста // ВС, 2014, № 1-2 (XXXIII). С. 8.

кафедральный собор была доставлена новая святыня – икона святителя Иоасафа Белгородского с частицей его нетленных мощей.

Новый архиерей на Бишкекской кафедре. На очередном заседании Священного Синода РПЦ 26 июля было принято решение о переводе епископа Феодосия с кафедры Бишкекской и Кыргызстанской епархии в Омскую митрополию, в Исилькульскую и Русско-Полянскую епархию. Возглавить Бишкекскую и Кыргызстанскую епархию определено епископу Даниилу, прежде бывшему епископом Уржумским и Омутнинским.

Третья годовщина образования Среднеазиатского митрополичьего округа была отмечена 8 сентября. Центром торжеств стал Свято-Успенский кафедральный собор города Ташкента. Божественную литургию возглавил глава Среднеазиатского митрополичьего округа Высокопреосвященнейший Викентий, митрополит Ташкентский и Узбекистанский. Ему сослужили архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт, временно управляющий приходами Патриаршего благочиния в Туркменистане, епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим, епископ Бишкекский и Кыргызстанский Даниил, а также духовенство Ташкентской епархии. По окончании богослужения митрополит Викентий поздравил архиепископа Феофилакта с прошедшим сорокалетним юбилеем и вручил ему почетную награду митрополичьего округа – орден святителя Луки (Войно-Ясенецкого) III степени.

В этот же день состоялось очередное заседание Синода Среднеазиатского митрополичьего округа. Члены Синода говорили об организации паломнических поездок, прошедших торжествах в СМО, рассмотрели и одобрили Устав Душанбинской и Таджикистанской епархии и ряд других вопросов.

День семьи в Ташкенте. 6–8 июля православные Ташкента отмечали День семьи, любви и верности. 6 июля в конференц-зале Духовно-административного центра епархии прошел праздничный концерт. Митрополит Викентий поздравил присутствующие супружеские пары, прожившие много лет вместе, и вручил им почетные грамоты. Были также награждены победители первого (регионального) этапа конкурса детского творчества, проводимого по благословению Святейшего Патриарха Кирилла в честь 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского.

В этот же день был дан старт акции «Белый цветок». С 6 по 8 июля на территории Свято-Успенского кафедрального собора были проведены благотворительная ярмарка изделий ручной работы и несколько благотворительных экскурсий по Свято-Успенскому кафедральному собору с восхождением на 54-метровую колокольню. Все собранные средства пошли на лечение детей, больных раком крови, находящихся на лечении в НИИ гематологии Ташкента.

8 июля, в День почитания памяти благоверных князей Петра и Февронии Муромских, торжества завершились Божественной литургией в Свято-Успенском кафедральном соборе. По окончании Литургии каждому пришедшему на службу в этот день были подарены ромашки – символ акции «Белый цветок».

Молодежная конференция, приуроченная к 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского, прошла 20 июля в конференц-зале Духовно-административного центра епархии. Она была организована епархиальным молодежным отделом и воскресной школой при Свято-Успенском кафедральном соборе.

На конференции были представлены доклады, рассказывающие о жизни и трудах преподобного Сергия, о его духовных последователях и учениках.

Паломнические поездки. Стало уже доброй традицией, что православные христиане Средней Азии ежегодно в рамках празднования Царских дней совершают паломничество по святым местам Урала. В этом году паломники посетили Свято-Троицкий мужской монастырь села Тарасково, мужской монастырь во имя Святых Царственных Страстотерпцев на Ганиной Яме, Свято-Николаевский мужской монастырь и Свято-Покровский женский монастырь в Верхотурье, мужской монастырь в честь святых новомучеников и исповедников Российских под Алапаевском, а также Среднеуральский женский монастырь в честь иконы Божией Матери «Спорительница хлебов».

В ночь с 16 на 17 июля паломники молились за Божественной литургией в Храме-на-Крови в Екатеринбурге, возведенном на месте убиения святых Царственных Страстотерпцев, а по окончании богослужения приняли участие в традиционном крестном ходе до монастыря во имя святых Царственных Страстотерпцев на Ганиной Яме.

С 19 по 26 августа паломники Ташкентской и Узбекистанской епархии посетили святыне места Москвы и Подмосковья. В состав группы вошли 48 человек: певчие детского хора «Звонница» и хора «Светилен» при Свято-Успенском кафедральном соборе Ташкента, педагоги воскресной школы, а также активисты приходов епархии.

Паломники посетили Спасо-Бородинский женский монастырь, Лужецкий Богородицерождественский Ферапонтов мужской монастырь, Можайский Кремль, Бородинское поле, Свято-Троице-Сергиеву Лавру, Оптину Пустынь, Саввино-Сторожевский монастырь, Троице-Одигитриеву Зосимову Пустынь, Новодевичий женский монастырь, Донской мужской монастырь, Храм Христа Спасителя, Московский Кремль.

Завершить обзор событий хотелось бы новостью о том, что 14 сентября, в день церковного новолетия, Ташкентская епархия пополнилась двумя новыми клириками. Во время Божественной литургии митрополит Викентий рукоположил диакона Александра Терещенко, студента 2 курса Ташкентской Духовной семинарии (ТДС), в сан пресвитера, а выпускника ТДС Антония Коршунова – в сан диакона.

Роман ДОРОФЕЕВ

На пути из Верного в Ташкент

*К истории перенесения Туркестанской кафедры в конце XIX – начале XX веков**

...Видно, что г. Верному нет желания отпустить от себя епископскую кафедру, а г. Ташкенту не хочется быть без епископской кафедры.
Протоиерей Михаил Колобов (1907 г.)¹

24 мая 1872 года в город Верный (ныне Алма-Ата) прибыл первый среднеазиатский православный архиерей – епископ Софония (Сокольский).

Столица Семиреченской области, в то время небольшой город с преимущественно русским населением, была избрана епархиальным центром активно нарождавшегося огромного Туркестанского генерал-губернаторства в основном по религиозно-политическим причинам. Первоустроитель края генерал-адъютант Константин Петрович фон Кауфман резонно полагал, что постоянное присутствие епископа в Ташкенте непременно будет осложнять и без того непростые взаимоотношения колониальной администрации с мусульманским населением новоприсоединенных территорий². После длительной переписки между Ташкентом и Петербургом епархиальная кафедра и архиерейский дом все-таки оказались не в Ташкенте, а в семиреченском Верном.

Даже если владыка Софония и имел какие-то возражения против такого, явно невыгодного для епархиального администрирования решения, переменить ситуацию он был не в состоянии – как в силу инертности российской имперской бюрократии (каждая инициатива в те времена требовала долгих и мелочных согласований на разных уровнях), так и по причине не сложившихся взаимоотношений с К.П. фон Кауфманом. Начав общение с «не особо дружественного» разговора, первый генерал-губернатор и первый архиерей так и не смогли найти общего языка³...

Не сильно изменилось сложившееся положение и при ближайших преемниках

* Журнальный вариант. Полный текст статьи выйдет в сборнике «Документы и комментарии к истории Туркестанской епархии. 1867–1918 гг.», подготовленном к печати совместными усилиями О. Илюшкиной, Т. Стекловой, А. Устименко, Р. Дорофеева, А. Ладиной и Е. Медведева.

владыки Софонии: епископах Александре (Кульчицком; 1878–1883), Неофите (Неводчикове; 1883–1892) и Григории (Полетаеве; 1892–1895). Все они носили титул «Туркестанский и Ташкентский», но на практике Ташкент и Сырдарьинская область долгое время существовали как бы в «автономном режиме» от правящих архиереев. Как сообщал А.И. Добросмыслов:

Вследствие отдаленности города Верного от Ташкента... а иногда и по другим причинам преосвященные епископы приезжали сюда редко, через четыре-пять лет⁴.

И даже после устройства кафедры и введения архиерейского управления здесь были весьма сильны позиции местных военных благочинных, которым фактически подчинялось духовенство области, состоящее в армейском ведомстве.

Наиболее крупной фигурой среди ташкентских благочинных был протоиерей Андрей Малов (1815–1899), военный священник, человек большого личного мужества, пользовавшийся неизменным уважением со стороны русских ташкентцев. В 1866 году он заступил на должность благочинного «Церквей Сыр-Дарьинской области» и вплоть до учреждения кафедры имел чрезвычайно широкие полномочия. В частности, он мог самостоятельно учреждать новые приходы и освящать церкви иерейским чином. При значительном участии прот. А. Малова были построены две главные ташкентские церкви – Иосифо-Георгиевский храм и Спасо-Преображенский собор⁵.

Фактическая «автономия» Сырдарьинского благочиния (а затем слабая подконтрольность прочих благочиннических округов) не могла не вызывать беспокойства у туркестанских архиереев. Но почти четыре десятилетия они были вынуждены непосредственно заниматься церковной жизнью Семиречья, появляясь в других округах своей обширной епархии эпизодически и, большей частью, с торжественными выездами⁶.

Первые шаги по перенесению кафедры в Ташкент были предприняты в 1893 году во времена епископа Григория (Полетаева)⁷. Однако ход долгому и тяжелому делу совмещения политического и церковного центров епархии смог дать только сменивший его на кафедре в 1895 году преосвященный Никон (Богоявленский). Как позже, в 1907 году, писал известный церковный публицист протоиерей Михаил Колобов:

До епископа Никона дело это носило характер желаний отдельных духов[ных] лиц и из области предположений еще не выходило. Епископ же Никон перевел его на реальную почву⁸.

Стремление переместить епархиальный центр в Ташкент имело под собой достаточно веские основания.

Во-первых, к концу XIX века существенно увеличилась территория Русского Туркестана*. Постепенное присоединение к нему все новых и новых областей привело к тому, что архиерейская кафедра оказалась на самом краю географически обширной

* В 1873 г. к Семиреченской и Сырдарьинской областям был присоединен Амударьинский отдел (образован в 1873 г. из присоединенных к России частей Хивинского и Бухарского ханств), в 1876 г. завоевано Кокандское ханство, преобразованное затем в Ферганскую область, в 1886 г. в состав генерал-губернаторства вошла Закаспийская область, а в 1907 г. второе Памирское разграничение обозначило рубежи Русского Туркестана по правому берегу реки Пяндж.

епархии. К которой, к тому же, прибавилось Закаспийское благочиние, выведенное в 1901 году Синодом из подчинения Грузинскому экзархату⁹.

Таким образом, те соображения, которые были вполне резонными в период правления К.П. фон Кауфмана, утратили свою актуальность. Прибавление новых земель и увеличение числа православных христиан вне Семиречья делали управление епархией плохо осуществимым¹⁰. Из отдаленного Верного архиереи уже не могли с необходимой периодичностью проводить положенную визитацию приходов и наладить систему своевременного исполнения консисторских постановлений.

Положение еще более усугубилось в 1882–1889 годах, когда Семиреченская область была временно выделена из состава Туркестанского края и включена в Степное генерал-губернаторство. Возник своего рода канонический парадокс: правящий архиерей находился уже даже не на окраине епархии, а на территории соседней гражданско-административной области.

В то же время, как справедливо замечает П.П. Литвинов, переезд в Ташкент открывал для архиереев определенные перспективы для участия в социально-политической жизни Туркестанского края¹¹. Для областей Центральной России того времени было нормальным участие правящих епископов (естественно, в определенной степени) в деятельности местной администрации¹². Но в Туркестанском генерал-губернаторстве архиереи почти совершенно не участвовали в работе колониальных властей.

Кроме того, со строительством Закаспийской (1880–1899) и Оренбург-Ташкентской (1890–1906) железных дорог Ташкент стал крупнейшим транспортным центром, из которого можно было относительно быстро добраться почти до любого периферийного города или поселка края, а также до центральных областей России.

Все это, возможно, и побудило епископа Никона к активным действиям. Во время своего визита в столицу края в июле 1865 года он уже осматривал места для возможного размещения архиерейского дома и консистории, а также вел переговоры на этот счет с Ташкентской городской думой¹³. В начале следующего года владыка уже поднял этот вопрос на более высоком официальном уровне.

В своем «представлении»* в Святейший Синод от 29 января 1896 года епископ Никон, вероятно, впервые поставил вопрос о «настоятельной необходимости» перенесения «кафедры епархиального архиерея в главный город Туркестанской области – Ташкент»¹⁴. Одновременно с этим епископ предлагал открыть в Ташкенте духовное учебное заведение по образцу Ардонского осетинского училища**, «каковое подготовляло бы по местным условиям достойных и благонадежных кандидатов для занятия церковно-служительских мест в епархии»¹⁵.

В этом же докладе епископ сообщал о том, что ташкентское городское правление уже выделило под консисторию и прочие епархиальные учреждения участок земли между Московской, Кокандской и Андижанской улицами¹⁶.

* В российском делопроизводстве XIX века термином «представление» обозначалась форма доклада с предложениями по какому-то конкретному вопросу.

** Ардонское училище – православное учебное заведение, открытое в 1887 г. в селении Ардон (Осетия). В задачу училища входила подготовка священнослужителей для осетинских приходов и учителей для церковно-приходских школ, с учетом местных условий и с изучением осетинского языка. В 1894 г. на базе училища была образована Ардонская Духовная семинария.

Ответ из Петербурга пришел через три месяца: довольно быстро для тягучей бюрократии того времени. 26 апреля 1897 года Синод рассмотрел «представление» епископа Никона и особым указом (№ 2071) постановил известить «Степного и Туркестанского Генерал-Губернатора о предположенном перемещении Туркестанской кафедры, просить их отзыва по сему делу»¹⁷. Также в указе давалось одобрение на устройство в Ташкенте квартир для архиерея и епархиальных учреждений «впредь до постройки для оных собственных помещений»¹⁸ и учреждение «духовно-учебного заведения, применительно к местным условиям, без древних и новых языков», но с обязательным изучением «сартовского» (узбекского) и «киргизского» (казахского)¹⁹.

Сейчас трудно предположить, какие именно исторические последствия мог бы иметь указ № 2071, если бы был реализован. Но 19 июня 1897 года владыка Никон скоропостижно скончался, а его инициативы оказались на некоторое время полностью замороженными.

Неожиданное противодействие этим планам оказали верненцы, не желавшие «отпускать» кафедру. 15 сентября 1897 года в Верном состоялось заседание городской думы, во время которого проекты владыки Никона были раскритикованы с позиций вполне понятного местного патриотизма. При этом верненские думцы, по всей видимости, не были подробно осведомлены ни о «представлении» владыки Никона, ни об ответе на него из Святейшего Синода. По большей части они полемизировали с материалами, исходящими из Ташкента: статьями, опубликованными в «Туркестанских ведомостях», и «журналами» * Ташкентской городской думы, откуда и черпали всю необходимую для полемики информацию²⁰.

По итогам заседания думцы составили особый «журнал» (№ 81), который приложили к прошению, направленному в Синод от лица верненского городского головы купца А.И. Путолова.

...Граждане г. Верного, – говорилось в прошении, – привыкшие в течение 25 лет быть под кровом православной кафедры, пережившие с ней грозное попущение Божие – полное разрушение города землетрясением – и находить около нее утешение и крепость к перенесению повторяющихся и поныне землетрясений, будучи оставлены своим архипастырем ... глубоко потрясены в лучших своих чувствах преданности к Святой, Православной, Русской Церкви. Благопочтительнейше представляя все вышеизложенное на милостивое благорассмотрение вашего святейшества, я от лица Верненской городской думы, представительницы города, благопокорно прошу оставить по-прежнему епископскую кафедру в г. Верном и тем успокоить смятенный дух большинства православных здешней епархии²¹.

Возможно, верненский городской голова и выражал общее мнение большей части православных семиреков, но, уж конечно, не чаяния всего диоцеза. По крайней мере, в Ташкенте, судя по постоянным отсылкам в вышеуказанных документах к «Туркестанским ведомостям», было совершенно противоположное мнение...

Но еще в большей степени процесс переноса кафедры затормозила смерть самого инициатора – владыки Никона. Неблагоприятную роль сыграло и почти полуго-

* «Журналами» в дореволюционном российском делопроизводстве именовались итоговые документы, совмещавшие в себе описание того или иного заседания, с некоторыми элементами протокольных записей.

довое отсутствие в диоцезе нового преосвященного. Епископ Анастасий (Опоцкий), назначенный на кафедру 27 июня 1897 года, возглавлял епархию только номинально. Он так и не появился в Туркестанских пределах и спустя несколько месяцев после назначения подал прошение об увольнении на покой по болезни, которое было удовлетворено Синодом 9 ноября 1897 года. За фактическим отсутствием правящего архиерея дело с перенесением кафедры, что называется, повисло в воздухе.

Впрочем, сотрудники Туркестанской Духовной консистории были все-таки намерены продолжать начинание почившего епископа Никона. Примерно через двадцать дней после смерти владыки ими были посланы запросы (от 10 июня 1897 года, №№ 2692, 2693) к генерал-губернаторам Туркестанского и Степного края по поводу воплощения в жизнь синодального указа № 2071²². «Отношение», адресованное в Ташкент, подписали прот. Владимир Невоструев, секретарь консистории и исполняющий обязанности столоначальника Н. Куликов²³.

Как отреагировал на консисторский запрос Туркестанский генерал-губернатор Б.А. Вревский, неизвестно, но если судить по не подписанной пометке на документе, явно сделанной кем-то из его секретарей, «отношение» было переправлено епископу Анастасию (Опоцкому)²⁴, вряд ли имевшему желание как-то рассматривать поднятые в нем вопросы.

Ответ из Омска, административного центра Степного генерал-губернаторства, пришел в Верный спустя полгода, 2 декабря 1897 года, и был, как и следовало ожидать, совершенно неблагоприятным. Генерал-губернатор барон М.А. Таубе уже успел получить копию сентябрьского «журнала» или прошения Путолова (скорее всего, от верненских думцев) и направил консисторским чинам следующий отзыв:

На представление от 10 июля 1897 года за номером 2693 имею честь уведомить Туркестанскую Духовную Консисторию, что верненская городская дума находит более удобным оставить архиерейскую кафедру в гор. Верном и что я, с своей стороны, признаю приводимые думою в журнале от 15 сентября по настоящему предмету мотивы вполне основательными²⁵.

Получив отзыв из Омска, сотрудники консистории не сдались и переправили всю документацию по перенесению кафедры в Ташкент ново назначенному епископу Аркадию (Карпинскому). «Благодаря этому докладу преосвященный Аркадий на месте лично ознакомился со всеми условиями, которые вызвали вопрос о перенесении кафедры и которые ожидали ее в г. Ташкенте»²⁶. В итоге, епископ стал явным сторонником ташкентского варианта и до самого перевода из Туркестана надеялся на перемещение епархиального центра в столицу края.

Получив по прибытии в Верный в марте 1898 года ответ Синода на прошение А.И. Путолова с поручением заново оценить проблему перенесения кафедры (с учетом мнения верненской думы и отзывом Степного генерал-губернатора), владыка Аркадий передал это дело на рассмотрение консистории, стараясь со своей стороны направлять процесс в сторону переезда в Ташкент.

Вскоре, однако, сказались особенности характера преосвященного, умевшего, по отзыву протоиерея Михаила Колобова, затягивать решение любого вопроса «до такого положения, что оно обыкновенно или ничем не кончалось, или же возвращалось

к своему источнику в прежнем виде»²⁷. Дело вязло в бесконечных бюрократических согласованиях и скрупулезном подборе разнообразных информационных справок. Только подробное рассмотрение всех необходимых обстоятельств заняло около двух лет – с марта 1898-го и до апреля 1900 года! Когда же по итогам консисторских исследований 12 июня 1900 года в Синод был направлен подробный доклад епископа Аркадия, Петербург ответил полным молчанием, длившимся еще один год²⁸...

Все же кое-что владыка Аркадий сделал для того, чтобы сдвинуть тонущее в бумагах дело с мертвой точки. В частности, он сумел добиться одобрения на пребывание кафедры в Ташкенте со стороны Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского (1898–1900). Отвечая на запрос владыки, в письме от 16 июня 1898 года генерал-губернатор писал, что территория края сделалась настолько обширной, что «необходимо иметь в крае не одну епархию, а две и было бы желательно, чтобы место пребывания одной из кафедр было бы в Ташкенте»²⁹. Тем самым С.М. Духовской впервые высказал идею о *естественном разделении* канонической территории Туркестанской епархии на несколько диоцезов. Эта мысль придется по душе епископу Аркадию, и он даже будет докладывать о мнении Духовского в Синод. Но практически это будет осуществлено только в 1916-1917 годах.

Еще большую поддержку в июне 1901 года преосвященный нашел у, пожалуй, одного из лучших туркестанских генерал-губернаторов Н.А. Иванова (1901–1904) – человека глубоко верующего и прекрасно разбиравшегося в специфике края³⁰. В том же 1901 году владыка попытался закрепить за кафедрой обещанный еще при епископе Никоне участок земли между улицами Московской, Кокандской и Андижанской. Однако, несмотря на поддержку Иванова, все усилия преосвященного разбились о нежелание Ташкентской городской думы отдавать выгодную землю, находившуюся в центре русской части столицы. Бумажная волокита и препирательства с думой завершились в октябре 1902 года не в пользу архиерея³¹.

19 апреля 1902 года епископ Аркадий письменно просил Н.А. Иванова ходатайствовать перед Синодом о перенесении кафедры в Ташкент и об устройстве в Верном особого викариатства. Николай Александрович и в этот раз не отказал в помощи. Официальным письмом от 12 мая 1902 года генерал-губернатор просил обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева оказать поддержку инициативам владыки³². Однако, несмотря на ходатайство со стороны «Главного начальника края», преосвященный так и не дождался осуществления своих планов. Письмо Н.А. Иванова начало медленное круговращение в сферах высшего имперского делопроизводства, и ответ на него пришел в Верный уже после того, как владыка Аркадий (Карпинский) был переведен на Рязанскую кафедру.

15 февраля 1903 года на имя нового туркестанского архиерея, епископа Паисия (Виноградова), от К.П. Победоносцева был направлен ответ, в котором обер-прокурор ставил преосвященного в известность о том, что военный министр А.Н. Куропаткин считает вопрос о перенесении центра епархии в Ташкент преждевременным и «полагает более соответственным оставить кафедру в г. Верном, без изменения»³³. Владыке же Паисию предлагалось *в очередной раз* рассмотреть этот вопрос и доложить о сделанных выводах.

На это епископ Паисий, человек не склонный к каким-либо переменам, предпо-

чел ответить, что «не только теперь, но и в будущем едва ли предвидится нужда в перенесении кафедры в гор. Ташкент из гор. Верного, из которого несравненно удобнее обозревать церкви и школы и вообще управлять епархией, чем из г. Ташкента»³⁴.

Тем самым владыка полностью похоронил все инициативы своих предшественников. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что к этому времени «кафедральный» вопрос давно уже превратился почти что в утопическую идею.

Новое звучание тема перемещения кафедры обрела только несколько лет спустя, во времена епископа Димитрия (Абашидзе; 1906–1912). Полная противоположность своему предшественнику, он успел сделать очень много для улучшения административных порядков и оздоровления жизни Туркестанской епархии. В частности, он постепенно добился передачи в епархиальное подчинение большей части приходов, «отчужденных» в 1900 году в военное ведомство³⁵.

Вопрос о смене кафедрального города поднимался при владыке Димитрии по крайней мере дважды.

В июле 1909 года в Верном прошел Первый Туркестанский Епархиальный съезд. 23 июля перед собравшимся духовенством выступил протоиерей Михаил Колобов с докладом «Об открытии в городе Ташкенте особой Архиепископской кафедры». В своем выступлении докладчик не только напомнил депутатам об истории вопроса, но и предложил как можно быстрее начать ходатайствовать перед Святейшим Синодом

об открытии в гор. Ташкенте, для областей Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Закаспийской и Тургайской, особой архиепископской кафедры, с присвоением ей названий Ташкентской и Туркестанской, а в гор. Верном оставить епископскую кафедру самостоятельной, с присвоением наименования ея Верненской и Семиреченской³⁶.

Фактически, отец Михаил призывал продолжить дело епископов Никона и Аркадия и заново запустить процесс по улучшению диоцезиального устройства огромной Туркестанской епархии.

Обсудив это предложение, съезд вынес достаточно осторожное, с вежливым поклоном в сторону Туркестанского генерал-губернатора, постановление:

Так как направление жизни в крае вообще и в г. Ташкенте в частности зависит от взглядов на это и распоряжений Главного Начальника края, как ставленника Его Императорского Величества, и находится поэтому в строгой связи с политическими соображениями нашего Государства, то вопрос об открытии в г. Ташкенте особой Архиепископской кафедры нельзя считать всецело входящим в компетенцию дел Епархиального Съезда депутатов духовенства, а поэтому и принимая во внимание, что служение Епископа должно иметь нравственное влияние по устройению новых приходов, церквей и школ, а также в наблюдении, руководстве и правильной постановке миссионерского дела, направлении борьбы с сектантской пропагандой, – выразить лишь пожелание о скорейшем открытии в г. Ташкенте, как главном административном центре края, особой Архиепископской кафедры³⁷.

Но призыв протоирея Колобова не пропал втуне: через полгода, 23 ноября 1911 года, в Ташкенте, опять же по благословию епископа Димитрия, было проведено чрезвычайное собрание городского духовенства. Это собрание, в котором также принимали участие благочинные и священнослужители из всех областей Туркеста-

на (кроме Семиреченской), постановило немедленно возбудить перед Святейшим Синодом ходатайство «о настоятельной необходимости скорейшего осуществления перенесения Епископской кафедры в гор. Ташкент»³⁸. Собрание также обратилось с просьбой к правящему архиерею поддержать эту инициативу личным ходатайством³⁹.

Однако, несмотря на все инициативы, изменить ситуацию с застопорившимся процессом перенесения кафедры не смог даже владыка Димитрий. К моменту его перемещения в Таврическую епархию в 1912 году центр епархии так и оставался в Семиреченской области.

...Как правило, ключевые исторические события происходят в результате причудливого переплетения трагических социальных процессов и психологических особенностей конкретных власть имущих людей. Этот социально-психологический механизм оказался решающим и для окончательного завершения более чем двадцатилетнего дела о переносе Туркестанской кафедры.

Главным героем завершающего акта рассматриваемой нами истории выпало стать епископу Иннокентию (Пустынскому), человеку весьма неоднозначному. Полиглот, одаренный музыкант, небесталаный администратор, он оказался совершенно не готовым к тревоблениям бурной революционной эпохи⁴⁰.

Ходатайствовать о перемещении кафедры епископа Иннокентия заставлял, скорее, страх перед киргизским восстанием, разразившимся в Семиречье в 1916 году. На фоне беспорядков в южных уездах области он начинает целенаправленно добиваться переноса епархиального центра, а затем, в октябре того же года, в экстренном порядке уезжает из Верного в Петроград.

В имперской столице владыка очень быстро добивается положительного решения проблемы, бывшей настоящим камнем преткновения для его непосредственных предшественников.

18 ноября 1916 года на заседании Святейшего Синода, по ходатайству епископа Иннокентия, был одобрен проект разделения Туркестанской епархии на две взаимосвязанные церковно-административные единицы. В Семиреченской области учреждалась викарная кафедра с центром в г. Верный; викарному епископу, соответственно, присваивался титул Семиреченского и Верненского. В Ташкенте же с этого времени должна была располагаться кафедра Туркестанской архиепископии, включавшей в свои канонические границы Сырдарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую и Закаспийскую области, Амударьинский отдел, Бухарский эмират, Хивинское ханство и Астрабадскую провинцию Персии⁴¹. Правящий архиерей архиепископии должен был носить уже ставший традиционным титул «Туркестанский и Ташкентский»⁴².

Через месяц проект был утвержден императором Николаем II. Как сообщали читателям «Туркестанские Епархиальные ведомости»:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР в 16 день декабря 1916 г., в Царской Ставке, ВЫСОЧАЙШЕ соизволил утвердить всеподданнейший доклад Святейшего Синода, согласно определению Оного от 22 ноября [и] 9 декабря за № 8662, о перенесении местопребывания Епископа Туркестанского и Ташкентского, с штатом кафедрального Собора и Архиерейского Дома и Туркестанской Духовной Консистории, из гор. Верного в гор. Ташкент и об учреждении в г. Верном, на мест[ные] средства, кафедры викарного Епископа...⁴³

Теперь владыка Иннокентий должен был в предписанном порядке перебираться в Ташкент. Но к весне 1917 года столица Туркестана уже потеряла для него всякую привлекательность. Восстание к тому времени было усмирено, а ташкентский покровитель епископа, генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, был отстранен от власти во время Февральской революции⁴⁴.

Теперь епископ, напротив, желал пересидеть беспокойное революционное время в безопасном, как ему казалось, Верном. 20 мая 1917 года он созвал собрание духовенства, от имени которого обер-прокурору Синода была отправлена телеграмма с просьбой оставить его на верненской кафедре⁴⁵.

Однако на проведенном несколько позднее съезде духовенства и мирян на владыку Иннокентия посыпался целый град обвинений. Духовенство не простило архиерею ни «побега» в Петроград, ни равнодушного отношения к нуждам пострадавшей во время восстания паствы. Съезд выразил ему свое недоверие и вынес следующее постановление: «Не просить Преосвященного Иннокентия о перемещении с Ташкентской кафедры на викарную Верненскую»⁴⁶.

Епископ Иннокентий уехал из Верного 14 июля 1917 года. Он направлялся в Ташкент, откуда должен был отъехать в Москву, чтобы принять участие в Поместном Соборе⁴⁷. Епископ полагал, что скоро вернется в Семиречье, не далее как осенью того же года. Но – не получилось.

В октябре 1917-го в Верный прибыл первый в истории Семиреченской кафедры викарный епископ – Пимен (Белоликов), перемещенный в Семиречье с поста начальника Урмийской Духовной миссии*.

А владыка Иннокентий будет возведен в сан архиепископа и пробудет в Ташкенте вплоть до начала 1923 года, когда опять «экстренно покинет» кафедру, спасаясь теперь уже от интриг работников собственного Епархиального совета и преследования со стороны советской власти. В Верный он попадет только в 1934 году, когда город станет советской Алма-Атой. И приедет сюда не в качестве епархиального архиерея, а как рядовой ссыльнопоселенец и заштатный обновленческий митрополит. Здесь же, в Алма-Ате, Иннокентий (Пустынский) будет расстрелян в декабре 1937 года⁴⁸...

Оба скоропалительных отъезда владыки Иннокентия, из Верного в 1916-м и из Ташкента – в 1923 году, завершили синодальную эпоху в жизни среднеазиатского православия. В Туркестане начиналось новое время, в полной мере отразившее все наиболее важные политические процессы, которые полностью изменили облик бывшей Российской империи. Впереди предстоял раскол епархии на староцерковников и обновленцев, репрессии против духовенства и планомерное наступление советской власти на Церковь. Но это уже другая история...

Ниже публикуются четыре документа из фонда И-1 ЦГА РУз, посвященные вопросу о перемещении Туркестанской кафедры. Текст приведен в соответствии с современной орфографией, но с сохранением стилистики и пунктуации. Документы снабжены комментариями.

* Расстрелян в 1918 г. красными партизанами-мамонтовцами. В 1997 г. канонизирован Синодом Русской Православной Церкви в лике местночтимых святых.

№ 1.

Копия Синодального указа о переносе Туркестанской Архиерейской кафедры из г. Верный в г. Ташкент. 26 апреля 1897 г.

Копия с Указа Святейшего Правительствующего Синода
Епископу Никону, Туркестанскому и Ташкентскому

№ 2071

По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали: представление Вашего Преосвященства, от 29 Января сего года № 10, о перенесении кафедры Туркестанского Епархиального Управления из Верного в Ташкент. И, по справке, приказали: Ваше Преосвященство донесите: назначенное в 1871 году, при учреждении самостоятельной Туркестанской епархии, место пребывания Епархиального Архиерея в городе Верном, бывшем в то время средоточием русского населения в крае, ныне не соответствует изменившимся за 25 лет условиям епархиальной жизни. Отдаленность сего города, оказавшегося, по присвоении к владениям России Ферганской области, Заравшанского края и Амударьинского отдела, на окраине, и неудобства сношения с Туркестанскою областью крайне затрудняют правильное наблюдение за церковно-религиозною жизнью сей области. Между тем население оной, пополняющееся в значительном количестве выходцами из внутренних губерний, ежегодно увеличивается, число поселений умножается, и, таким образом, Туркестанский край быстро обращается в средоточие епархиальной жизни. По сим соображениям перенесение кафедры Епархиального Архиерея в главный город Туркестанской области Ташкент представляется настоятельно необходимым. С другой стороны, выяснившаяся неудовлетворительность применявшегося доселе местным Епархиальным Начальством способа замещения священнослужительских вакансий лицами, вызываемыми из других епархий, указывает на необходимость открытия в Туркестанской епархии духовно-учебного заведения, на первых порах, по образу бывшего Ардонского осетинского училища, каковое подготовляло бы, применительно к местным условиям, достойных и благонадежных кандидатов для занятия священнослужительских мест в епархии. Учреждение такого духовно-учебного заведения целесообразнее в городе Ташкенте, как средоточии всего края, нежели на окраине, в Верном. Наконец, пребывание Туркестанской архиерейской кафедры в городе Верном неудобно и потому, что, вследствие бывающих разрушительных землетрясений, не представляется возможности построить в сем городе пригодные и безопасные в пожарном отношении помещения для Епархиального Архиерея и Духовной Консистории. Ваше Преосвященство ходатайствует о перенесении Туркестанской архиерейской кафедры из Верного в город Ташкент, присовокупляя, что Ташкентское городское общественное Управление уступает безвозмездно для сооружения архиерейского дома с церковью и помещений для Консистории с другими епархиальными учреждениями участок земли, в количестве 3 десятин 285 кв[адратных] саж[ен], между улицами: Московской, Кокан[д]ской и Андижанской. Обсудив обстоятельства настоящего дела и признавая соображения Вашего Преосвященства относительно перенесения туркестанской архиерейской кафедры с подлежащими учреждениями из Верного, Семиреченской области, в город Ташкент, Туркестанской области, заслуживающими особого внимания, Святейший Синод **определяет:**

1. поручить Вашему Преосвященству: а) поставить в известность Степного и Туркестанского Генерал-Губернатора о предположенном перемещении Туркестанской кафедры, просить их отзыва по сему делу и в последующем донести Святейшему Синоду; б) по ближайшем выяснении предстоящих расходов по перенесению означенной кафедры в город Ташкент, представить сведения Святейшему Синоду, какая приблизительно сумма требуется на наем в означенном городе квартир для Епархиального Архиерея, Духовной Консистории и других учреждений духовного ведомства, впредь до постройки для оных собственных помещений, а равно на сооружение таковых, на обращение одной из церквей города Ташкента в кафедральный собор и проч., с указанием имеющихся на покрытие означенных расходов местных средств, и в) уведомив Ташкентского Городского Главу, что Святейший Синод благословляет Епархиальное Начальство принять жерт-

уемый Ташкентским городским общественным Управлением для постройки в городе Ташкенте архиерейского дома и Консистории участок земли, в количестве 3 дес[ятин] 285 кв. сажен, просить главу сделать распоряжения о дальнейшем направлении дела по укреплению означенного участка за Туркестанским Епархиальным Начальством.

2. Ввиду крайних затруднений и неудобств в деле замещения священно церковнослужительских вакансий в Туркестанской епархии достойными и благонадежными лицами, указывающих на настоятельную и неотложную нужду в открытии в Ташкенте для приготовления кандидатов священства духовно-учебного заведения, применительно к местным условиям, без древних и новых языков, но с изучением киргизского и сартовского наречий, а равно противораскольнических и противосектантских предметов, поручить одновременно и Вашему Преосвященству и Учебному при Святейшем Синоде Комитету выработать и затем представить на рассмотрение и надлежащее распоряжение Синода общий план указанного духовно-учебного заведения и программы имеющих преподаваться в сем заведении предметов. Для исполнения настоящего определения послать Вашему Преосвященству указ, с возвращением, по принадлежности, отношения Ташкентского Городского Главы, от 2-го сентября 1896 года, № 2941.

Апреля 26 дня 1897 года. Подлинный за надлежащим подписан.

С подлинным верно:

Секретарь /подпись/

Сверял:

Вр[еменно] и[сполняющий] д[ела] Столоначальника /Н. Куликов/

№ 2.

Письмо из Туркестанской Духовной Консистории (г. Верный) к Туркестанскому Генерал-Губернатору. 10(?) июля 1897 г.

В.П.И.

**ТУРКЕСТАНСКАЯ
ДУХОВНАЯ КОНСИСТОРИЯ**

По II столу.

* * *

10 [(?)] июля 1897 г.

№ 2692

г. Верный

Его Высокопревосходительству,
Господину Туркестанскому
Генерал-Губернатору*

Вследствие указа Святейшего Правительствующего Синода от 26 апреля сего 1897 года за № 2071, относительно перемещения Туркестанской архиерейской кафедры из г. Верного в г. Ташкент, – за смертью Преосвященнейшего Никона, Туркестанская Духовная Консистория имеет честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство почтить ее своим отзывом: а) по сему делу, и б) не имеется ли в распоряжении Вашего Высокопревосходительства местных средств, на счет которых можно произвести расходы, вызываемые перемещением кафедры в Ташкент. Расходы же в главнейших своих частях предстоят первее всего следующие: а) построение здания

* Документ адресован Туркестанскому генерал-губернатору барону А.Б. Вревскому.

Кафедрального Собора и соборного дома для квартир соборного причта, с отводом для сих зданий мест в центре города, б) построение Архиерейского дома, с Крестовою при нем церковью, братскими для монашествующих (примерно 10-ти) кельями, надворными службами – для кухни, прислуги, лошадей, экипажей, ледника, бани, дровяника, амбара, кладовых для припасов и фуража и проч. – и загородной, на летнее время, дачи, в) построение здания Консistorии с архивом при ней, кладовой казначейской, одной по крайней мере квартирой для одного из Консistorских чиновников, надворными службами – дровяным сараем, помещением для сторожей и пр., и г) построение здания духовно-учебного заведения (училища-семинарии), в котором бы, сверх классных комнат, зала актового, рекреационного, библиотеки, учительской и проч., имелись помещения для воспитанников интернов* (примерно 40-50 человек), столовая, спальня, гардеробная, зал для внеклассных занятий, квартиры для ректора, инспектора, помощников инспектора (примерно 3-х) и эконома и надворные службы, подобные службам при архиерейском доме.

Исчислить и сообразить все эти расходы Епархиальное Управление, как некомпетентное в деле строительном вообще и в частности малознакомое с ценами на строительные материалы и рабочие руки, существующими в Ташкенте, не может непосредственно. Оно может только указать, что было бы желательно соорудить здания приблизительно по типу и размерам имеющихся уже в Ташкенте зданий: собор по типу и размеру военного собора, соборный дом – квартир инженерного ведомства; архиерейский дом – дома губернаторского, сверх братских келий для монашествующих; Крестовую церковь – церкви при учительской семинарии. – Затрудняется Епархиальное Управление и тем, по неимению достаточных сведений о Ташкенте, можно ли найти там свободные к временному найму помещения хотя бы для Архиерейского дома и Консistorии с необходимыми, соответственно их назначению, условиями и если можно, то как велика будет за них квартирная годовая плата. – Вследствие этого, Туркестанская Духовная Консistorия вынуждается затруднять Ваше Высокопревосходительство покорнейшею просьбою оказать ей благосклонное содействие и в сем случае: не найдете ли возможность поручить Строительному Отделению при Сыр-Дарьинском Областном Правлении составить примерные проекты планов и сметные исчисления на предполагаемые к постройке вышепоименованные здания, а Ташкентскому Городскому Общественному Управлению указать собрать сведения: имеются ли свободные к найму соответственные помещения для архиерейского дома и Консistorии и в каком количестве придется расходоваться на годовую квартирную плату за помещения для каждого из этих учреждений.

Кроме вышеизложенного необходимо знать, не имеется ли каких-либо препятствий со стороны военного ведомства существующий ныне Спасо-Преображенский Собор обратить временно в кафедральный.

При сем прилагается копия указа Святейшего Правительствующего Синода от 26 апреля 1897 года за № 2071.

Член Консistorии /Протоиерей Владимир Невоструев/
Секретарь /подпись/
Исполняющий д[ела] Столоначальника /Н. Куликов/

Надпись на документе: Преосвящ[енному] Туркест[анскому] и Ташк[ентскому] Анастасию 22/23 окт[ября] № 7899**.

ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, лл. 1-3

* В данном случае – ученики, проживающие при учебном заведении.

** Можно предполагать, что данный документ из Канцелярии генерал-губернатора был отослан епископу Анастасию (Опоцкому), находившемуся в то время в центральной России.

№ 3.

Краткий вариант журнала чрезвычайного собрания духовенства г. Ташкента. 23 ноября 1911 г.*

Ж У Р Н А Л

Чрезвычайного собрания духовенства г. Ташкента 23-го ноября 1911 г.

Присутствовали: все наличное духовенство г. Ташкента и его окрестностей, представители духовенства Ферганской, Закаспийской и Семиреченской областей**.

1. Об избрании председателя и секретаря собрания.

Единогласно избраны:

Протоиерей Алексей Марков Председателем, а священник Михаил Андреев Секретарем.

2. О перенесении кафедры Преосвященного Епископа Туркестанского из Г. Верного в Г. Ташкент.

Председатель собрания, протоиерей о[тец] Марков доложил вниманию духовенства краткую историю развития приходов в Туркестане и ходатайства прежних Епископов о нужде перенесения кафедры из окраинного города Верного в правительственный центр Туркестана, в гор. Ташкент.

После детальных рассуждений, собрание постановило:

а/ немедленно возбудить ходатайство от лица духовенства города Ташкента и областей: Сыр-Дарьинской, Закаспийской, Ферганской и Самаркандской – о настоятельной необходимости скорейшего осуществления перенесения Епископской кафедры в гор. Ташкент.

б/ Принимая во внимание, что в настоящем заседании пастырское собрание может лишь в общих чертах обсудить вопрос о перенесении Епископской кафедры и более или менее ясно выразить всю существенную верность возбужденного вопроса для Туркестанской епархии, собрание постановило: для разработки этого вопроса и для возбуждения соответствующих ходатайств избрать комиссию, поручив ей 1/ возбудить перед Святейшим Синодом ходатайство о перенесении Епископской кафедры в Ташкент, а вперед до разрешения этого вопроса – о постройке в гор. Ташкенте для Туркестанского Епископа подворья, 2/ избрать комисси[и], ~~которой~~ быть по этому вопросу выразительницей чувств и мнений всего духовенства Западной части русского Туркестана и вести это дело, входя в сношения для сего куда будет следовать. Единогласно избрали: [З] [Единогласно избранный] Председателем комиссии Законоучител[ь] Туркестанской учительной Семинарии, благочинн[ый] Церквей города Ташкента Протоиере[й] Марков, и членами Законоучител[я] Ташкентской муж[ской] Гимназии протоиере[я] Сергия Уклонск[ого], Благочинн[ого] церковей Ташкентского округа, Настоятеля Ташкентского Иосифо-Георгиев[ского] соб[ора] Протоиерея Петра Богородицкого, Благочинного железно-дорожных Церквей Настоятеля Ташкентской железно-дорожной церкви священника Михаила Андреева и Законоучителя Ташкентской жен[ской] гимназии священника Григория Брицкого.

[От духовенства] Благочинные [областей] Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей состоят в числе член[ами] комиссии с правом голоса.

ЦГА РУз. И-182, оп. 1, д. 34, лл. 6-7.

* Текст документа отпечатан на пишущей машинке, присутствует небольшое количество зачеркиваний и исправлений, сделанных от руки. При публикации были сохранены эти особенности документа. В квадратных скобках курсивом обозначаются рукописные исправления, в квадратных скобках без курсива – раскрыты сокращения, зачеркнутый текст выделен соответствующим образом.

** В тексте явная ошибка: судя по списку подписавшего документ духовенства, семиреченские священники в собрании не участвовали. Зато присутствует подпись самаркандского благочинного прот. В. Моталева. Поэтому, скорее всего, в названии документа вместо Семиреченской должна была упоминаться Самаркандская область.

№ 4.

Копия доклада доверенных от духовенства четырех областей епархии епископу Димитрию (Абашидзе)

23 ноября 1911 г.

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ

Преосвященнейшему ДИМИТРИЮ, Епископу Туркестанскому и Ташкентскому

Доверенных от духовенства областей:

Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской

ДОКЛАД

Представляя при сем: а/ журнал чрезвычайного пастырского собрания духовенства Г[орода] Ташкента, с участием представителей от Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей, за подписью всех присутствующих; б/ прошение на имя СВЯТЕЙШАГО СИНОДА о перенесении Епископской кафедры в Г. Ташкент – мы осмеливаемся почтительнейше просить ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО поддержать своим личным ходатайством пред СВЯТЕЙШИМ СИНОДОМ предпринятое нами дело.

В настоящем докладе мы не делаем никаких стараний убедить ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО в целесообразности и благовременности возбужденного нами ходатайства пред СВЯТЕЙШИМ СИНОДОМ в полной уверенности, что 6-ти летнее управление Туркестанской епархией дало ВАШЕМУ ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ более чем достаточно материала, неотразимо свидетельствующаго, что высказанные в нашем докладе СВЯТЕЙШЕМУ СИНОДУ соображения и опасения имеют под собой действительныя основания.

Мы твердо надеемся, что ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО в этом деле всецело присоединитесь к усердному ходатайству подчиненных ВАМ пастырей четырех областей и усилив его значение личным АРХИПАСТЫРСКИМ авторитетом и таким образом дадите ему надлежащее пред Высшей Церковною Властью направление.

ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА, МИЛОСТИВОГО АРХИПАСТЫРЯ И ОТЦА

покорнейшии послушники

ЦГА РУз. И-182, оп. 1, д. 34, лл. 8-8 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Туркестанские Епархиальные ведомости (ТЕВ). № 12, 15 июня 1907 г. – С. 291.

² Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). И-1, оп. 20, д. 6464, лл. 2-3 об.

³ См.: *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания 1877–1881 гг. – Ташкент: Типолитография бр. Каменских, 1899. – С. 81-82.

⁴ *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Типо-литография О.А. Порша, 1912. – С. 319-320.

⁵ См. об этом мою статью: Протоиерей Андрей Малов: вымыслы и факты о жизни знаменитого туркестанского священника // ВС. 2012, № 2 (XXVI). – С. 31-52.

⁶ См. об этом: *Литвинов П.П.* Неисламские религии

Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Елец: ЕГПИ, 1996. – С. 13.

⁷ ТЕВ. № 12, 15 июня 1907 г. – С. 292.

⁸ ТЕВ. № 18, 15 сентября 1907 г. – С. 439.

⁹ По оценке епископа Димитрия (Абашидзе), вместе с Закаспийским благочинием каноническая территория Туркестанской епархии составляла более 1 750 000 квадратных верст (см.: *Димитрий (Абашидзе), епископ Туркестанский и Ташкентский.* Из истории православных приходов Туркестана. Цит. по: *Озмитель Е.Е.* Православие в Киргизии XIX–XX вв. Исторический очерк. Бишкек: КРСУ, 2003. – С. 135). По другим оценкам – 1 684 901 кв. верст (см.: *Литвинов П.П.* Указ. соч. – С. 10).

¹⁰ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, лл. 6-6 об.

¹¹ *Литвинов П.П.* Указ. соч. – С. 14.

- ¹² По табели о рангах митрополиты, архиепископы и епископы приравнивались к трем первым классам военных и гражданских начальников. См.: *Цыпин В., прот.* Церковное право. 2-е изд. М.: МФТИ, 1996. – С. 286.
- ¹³ ТЕВ. № 12, 15 июня 1907 г. – С. 292-293.
- ¹⁴ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, л. 6 об. ТЕВ.
- ¹⁵ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, лл. 6 об-7.
- ¹⁶ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, лл. 7-7 об. (Московская улица после 1917 г. была переименована в ул. Энгельса, после 1991 г. – в улицу Амира Темура. – Прим. ВС.)
- ¹⁷ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, л. 7 об.
- ¹⁸ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, л. 8.
- ¹⁹ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, лл. 8-8 об. – Примечательно, что в учебную программу современной Ташкентской Духовной семинарии (ТДС) входит изучение узбекского и киргизского языков. Первый изучается на Пастырском и Катехизаторском отделениях в Ташкенте, а второй – в Бишкекском филиале ТДС.
- ²⁰ ТЕВ. № 12, 15 июня 1907 г. – С. 292-302.
- ²¹ Там же. – С. 304.
- ²² ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, лл. 1-3. – ТЕВ. № 18, 15 сентября 1907 г. – С. 439.
- ²³ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, л. 3.
- ²⁴ ЦГА РУз. И-1, оп. 5, д. 867, л. 1.
- ²⁵ ТЕВ. № 18, 15 сентября 1907 г. – С. 439, прим. 1.
- ²⁶ Там же. – С. 441.
- ²⁷ Там же. ТЕВ. № 12, 15 июня 1907 г. – С. 288.
- ²⁸ ТЕВ. № 18, 15 сентября 1907 г. – С. 442-447.
- ²⁹ ТЕВ. № 4, 15 февраля 1910 г. – С. 76.
- ³⁰ ТЕВ. № 18, 15 сентября 1907 г. – С. 447-448.
- ³¹ Там же. – С. 448-452.
- ³² ТЕВ. № 22, 15 ноября 1907 г. – С. 560-562.
- ³³ Там же. – С. 563.
- ³⁴ Там же. – С. 567.
- ³⁵ См. об этом: *Литвинов П.П.* Указ. соч. – С. 10-13.
- ³⁶ ТЕВ. № 23, 1 декабря 1909 г. – С. 153. ТЕВ. № 4, 15 февраля 1910 г. – С. 76-77.
- ³⁷ ТЕВ. № 23, 1 декабря 1909 г. – С. 154.
- ³⁸ ЦГА РУз. И-182, оп. 1, д. 34, лл. 7. (Пояснения в квадратных скобках мои – Р.Д.)
- ³⁹ ЦГА РУз. И-182, оп. 1, д. 34, лл. 8-8 об.
- ⁴⁰ См.: *Ходаковская О.И.* Там, где сияют горные вершины. Документальное исследование жизни и трудов Преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика. Бишкек: Информационно-издательский центр во имя с. равноап. Кирилла и Мефодия Бишкекской и Кыргызстанской епархии, 2014. – С. 227.
- ⁴¹ *Астрабадская провинция* – прикаспийская провинция Персии с центром в г. Астрабаде (с 1937 г. – Горган). Провинция отличалась присутствием большого количества русского населения и с 1723 по 1739 гг. считалась частью Российской империи. В наше время Астрабадская провинция разделена на два остана/провинции – Мазендеран и Голестан. Обе эти административные единицы входят в Исламскую Республику Иран.
- ⁴² ЦГА РУз. И-1, оп. 7, д. 604, лл. 8-10.
- ⁴³ ТЕВ. № 2, 15 января 1917 г. – С. 26.
- ⁴⁴ См.: *Ходаковская О.И.* Указ. соч. – С. 227.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 228.
- ⁴⁷ Там же. С. 228-229.
- ⁴⁸ См.: *Мануил (Лемешевский), митр.* Каталог русских архиереев-обновленцев. Материал для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922-1944) // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). Сост. И.В. Соловьев. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. – С. 764-766.

Николай ВАСИЛЬКОВСКИЙ

«Попытаюсь уговорить его бросить эту церковь...»

Воспоминания о митрополите Иоанне (Вендланде)

Публикация Николая Гомолицкого

От редакции. В этом году исполнилось 105 лет со дня рождения одного из выдающихся русских архиереев второй половины прошлого века – митрополита Иоанна (в миру – Константина Николаевича Вендланда; 1909, Петербург, – 1989, Ярославль).

С конца 1920-х годов он участвовал в деятельности православной общины в Ленинграде (в киновии Александро-Невской лавры), окормлявшейся архимандритом Гурием (Егоровым, будущим епископом Ташкентским и Среднеазиатским), был внештатным псаломщиком. В 1933 году архимандрит Гурий освободился из заключения и вместе с К.Н. Венландом поселился в Бийске. В том же году Венланд, геолог по образованию, получил приглашение от профессора В.А. Николаева занять место ассистента кафедры петрографии Ташкентского Индустриального института, и они с Гурием перебрались в Ташкент. Здесь, помимо работы на названной кафедре, Константин Николаевич также преподавал на факультете геологии САГУ. Одновременно работал в Узбекском геологическом управлении, вел геологическую съемку Алмалыкского рудного региона, поисковые работы. Во время Великой Отечественной войны занимался поисками месторождений редких металлов для военной промышленности. Был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Создал в Ташкенте школу геологов-петрографов.

В те же самые годы будущий архиерей подвизался на духовном поприще. В 1934 году был тайно пострижен в монашество, в 1936 году – так же тайно рукоположен во иеродиакона и, следом, – во иеромонаха. Когда, в середине сороковых, гонения на Церковь ослабли и стали открываться храмы, Николай Константинович решил полностью посвятить себя служению Церкви. С 1945 по 1953 годы он был священником Ташкентского Свято-Успенского собора (в 1950 году возведен в сан архимандрита). В 1953-м, после перевода владыки Гурия с Ташкентской кафедры на Саратовскую, покинул Ташкент и четыре года служил настоятелем Духосошестввенского собора в Саратове. В течение 1957–1958 учебного года был ректором Киевской духовной семинарии. В 1958 году – представителем РПЦ при Патриархе Антиохийском. В 1958 году хиротонисан во епископа, с титулом епископа Подольского, викария Московской епархии. В 1960 году – епископ Среднеевропейский, Экзарх Московской Патриархии в Средней Европе, в 1962-м – архиепископ Алеутский и Североамериканский, Экзарх Северной и Южной Америки, в 1963-м – архиепископ и в том же году – митрополит Нью-Йоркский и Алеутский. Последним местом архиерейского служения владыки Иоанна, с 1967 года, стала Ярославская кафедра, которую он возглавлял вплоть до выхода за штат в 1984 году.

Публикуемые нами воспоминания относятся, главным образом, к ташкентскому периоду жизни будущего митрополита, тогда еще – ученого-геолога. Автор их – коллега владыки Иоанна по геологической работе в Узбекистане, известный геолог Николай Петрович Васильковский (1904–1992), более тридцати лет посвятивший изучению геологии Средней Азии*. Человек ярко выраженных атеистических взглядов (чего нельзя не почувствовать при чтении), он, однако, с большой теплотой рисует облик своего друга и коллеги, сообщая множество ценных деталей о его жизни.

Судя по одной фразе из текста: «недавно (теперь уже в прошлом 1985 году)...», воспоминания были написаны в 1986-м, т.е. приблизительно через сорок лет после описанных в них событий, а самому мемуаристу было уже 80 лет; этим объясняется ряд неточностей, которые указаны и исправлены в сносках.

Текст печатается по машинописи воспоминаний, озаглавленной «О Константине Николаевиче» и хранящейся в личном архиве постоянного автора нашего журнала и старейшего прихожанина Свято-Успенского собора Ташкента Николая Гомолицкого; ему же принадлежит ряд примечаний. Опущены места, содержащие наиболее одиозные ошибки мемуариста, связанные с его полным незнанием православной службы и иерархии православной церкви, одеяния священников и т.д. (чтобы не множить пояснительные сноски).

ВС благодарит Романа Дорофеева за консультации при подготовке материала к печати.

Когда-то я жил со своей первой (покойной уже) женой Ниной Евгеньевной вместе с двумя сыновьями, тогда еще совсем маленькими, на Алайской улице в доме № 12 (позже снесенном после землетрясения). Дом этот принадлежал Среднеазиатскому политехническому институту, мне дали в нем квартиру в 1930 году, когда я стал преподавателем геологического факультета Политехнического института (откуда в 1936 году перешел в Среднеазиатский государственный университет).

Вскоре я стал замечать жильцов соседней квартиры – очень неразговорчивую старушку и ее молодого сына. Сын-то и был «дядя Костя». Но он был еще скромнее, чем мать, и мы долго не знакомились, хотя я уже знал, что он тоже преподает на том же факультете, где работает (как и я) в качестве ассистента, но на другой кафедре – петрографии. Мы и там почти не виделись друг с другом и так и оставались долго незнакомыми.

Только в 1937 году я узнал, что он недавно защитил диссертацию и стал кандидатом наук**, а затем доцентом (я защитился и стал доцентом двумя-тремя годами позже). В 1938 году он стал работать также в Среднеазиатском геологическом тресте, где его вскоре назначили в мой отдел (отдел геологического картирования)***. Тогда-то мы и познакомились и сдружились, после чего наша дружба продолжалась почти до 50-х годов, пока он не уехал из Ташкента.

Сначала года три подряд он работал в моей полевой партии, а потом в других

* См. его краткую биографию: Николай Петрович Васильковский (к 70-летию со дня рождения) // Узбекский геологический журнал, № 2, 1975. С. 82-83. Частично воспоминания Н.П. Васильковского о его детских годах, проведенных в Фергане, были опубликованы: Васильковский Н. Воспоминания о Фергане // Звезда Востока, № 2, 2012.

** Кандидатская диссертация К.Н. Вендланда «Петрология вулканических толщ Приташкентского района» была защищена позже, в 1942 году.

*** Отдел геологической съемки, который возглавлял Н.П. Васильковский, вел в те годы геологическое картирование в Копет-даге, Фергане и в Чаткал-Кураминском районе, на основании чего была издана геологическая карта Юго-Западной Ферганы и карта северо-западной части Тянь-Шаня и Кара-Тау. (Прим. ВС.)

партиях моего отдела. Не раз нам приходилось жить в одной палатке и вместе совершать геологические маршруты.

Постепенно мы узнавали и понимали друг друга, взаимно уважали и делились даже сокровенными мыслями, хотя все время нас что-то разделяло, что-то я не знал о нем, что-то важное о его прошлом и настоящем. Это рассеялось неожиданно только в годы войны, где-то в конце 1944 или начале 1945 года. Но уже тогда я знал, что он из семьи обрусевшего прибалтийского (остзейского) немца, жившего в Ленинграде, где отец его (может быть, в войну 1914 года) умер и он остался вдвоем с матерью*.

Родился он, кажется, в 1908 или 1907 году, т.е. был года на три-четыре моложе меня. Но окончил он Ленинградский Горный институт в том же 1930 году, что и я – Среднеазиатский Геологоразведочный, или даже на год раньше меня, т.е. когда ему было 20-21 год. Как талантливого молодого геолога, его быстро направили на полевые работы в Среднюю Азию, в район Алмалыка, где он уже не более чем через три года завершил диссертацию на петрографическую тему об алмалыкских силенитах, после чего его направили в Ташкент на преподавательскую работу в Политехнический институт и научно-производственную – в Среднеазиатский геологический трест, т.е. туда же в оба места, где работал и я. Ему покровительствовал замечательный геолог-петрограф того времени Виктор Арсеньевич Николаев, от которого он перенял многое и из научного, и педагогического опыта. Виктор Арсеньевич в те годы не раз приезжал в Ташкент, и мы втроем совершали кратковременные геологические маршруты в Западном Тянь-Шане.

С дядей Костей мы не раз жили в одной палатке, и понятно, что я много узнал о нем, о его характере, восхищался его умом, широкой эрудицией, глубокой образованностью.

Мы часто вечерами беседовали допоздна – и у костра, и на лошадях, и на привалах. Приходилось видеть его вечерами шагающим в одиночестве по тропинке, в задумчивости, со сложенными накрест руками и что-то шепчущим про себя. Однажды на его постели увидели забытую маленькую книжку – карманное Евангелие <...>. Тогда я еще не придавал всему этому значения и относил это к странностям его замкнутого характера. И это тем более, что его замкнутость временами чередовалась с жизнерадостным настроением и остроумием и даже легкомысленным остроумием. Как ни странно, не обращало на себя моего внимания даже его полное равнодушие к девушкам, иногда проявлявшим к нему особый интерес. Во всем этом я находил только некоторые странности, не более. Наша дружба была хорошей, совместная работа интересной, плодотворной. Одно лишь немного смущало: его мать (как он рассказывал) была очень набожной и дома у них во всех комнатах были иконы, лампы и пр. Впрочем, вместе с матерью жил он очень замкнуто и, хотя наши квартиры были дверь в дверь, никогда не заходил ко мне и никогда не приглашал меня к себе.

Но вот наступили и шли годы войны, в течение которых нам чаще приходилось проводить работы врозь.

Однажды (в 1944 или 1945 году) я засиделся в своем служебном кабинете (на ул.

* Отец К.Н. Вендланда, Николай Антонович, умер 11 июня 1919 года в Крыму. Его мать – Нина Петровна (урожденная Кашнева) – была врачом. В семье помимо сына Константина были еще две старшие сестры – Елизавета и Евгения.

Шевченко) и он вдруг зашел ко мне и спросил, не прочел ли я его рукопись «О геосо-мологии» (науке о геологических телах), которую он мне недавно дал ознакомиться.

– Да, прочел, и, в общем, она мне понравилась. Написана оригинально и в фило-софском стиле. Только на таких-то страницах, по-моему, надо кое-что изменить, а то выходит, если вчитаться, что в природе все исходит откуда-то из неведомого, откуда-то свыше, вроде как от Бога.

И тут разгорелся спор. Он уверял, что так понять его можно только при особом желании. Но я находил по несколько (даже много) строк, которые нельзя было по-нять иначе. В конце концов, он согласился исправить отдельные места в статье, но согласился нехотя. Потом взял рукопись и, так как наступал уже вечер, поблагодарил и скрылся за дверь. Я остался и сидел в глубокой задумчивости. Было еще не очень поздно, и я не особенно торопился. Но все же собрался было идти домой, как вдруг стук в дверь... И появился он же, дядя Костя. Я с удивлением взглянул на него, а он:

– Я вернулся, чтобы сказать вам, Николай Петрович, – да, я все же верю, я верю...

Во что же? И тут последовал очень долгий разговор, затянувшийся почти до по-луночи. Его невозможно передать кратко. Но сводился он, в основном, к следующему, причем говорил главным образом дядя Костя:

– Да, я верю в Бога! Да, и еще раз повторяю, верю в Бога! <...> Ведь все в приро-де устроено так целесообразно, так разумно и так взаимосвязано, непостижимо для нас, и так, если хотите, научно, что невозможно себе представить, чтобы все возник-ло само собой. Ведь получился бы хаос. Проще всего допустить, что нами и приро-дой управляет некая извечная неземная цивилизация, достигшая неизмеримо более высокого уровня, чем наша. Но ведь для дикаря или первобытного человека и наша цивилизация представляется как нисшедшая с небес, всемогущая. Опять-таки, если хотите, то творцом можно считать Бога, но условного, конечно, по существу не под-дающегося пока олицетворению и описанию. И вообще Бог, пусть такой даже услов-ный, необходим человечеству, нуждающемуся подчас даже в самой вере в Провиде-ние, а потом и в Бога, что может отвратить его от бед или покарать...

Он много говорил, что-то в этом духе, а также и о том, что в этом научный смысл его убеждений и веры.

Другое дело – религия, обряды, религиозные обычаи, что сводится к тем или иным нужным условностям, но иногда и к ненужной мишуре. Потом говорил об отце (духовном отце) Гурии, который, когда дядя Костя был еще мальчиком, а отца его не стало, вошел в семью Вендландов и стал в ней своим человеком. Он с большой силой влиял на мать Кости, и в ленинградском их доме появилось слишком много икон и неугасавших лампад перед ними. Долго говорить об этом, но кончилось тем, что этот духовный отец повлиял и на мальчика, довел его до принятия православной рели-гии, а потом даже до пострижения в монахи <...>*.

– Да, я иеромонах, тайный пока, конечно. Я всегда скрывал это, и, кажется, пока

* На самом деле семья Вендландов была искренне религиозной еще до смерти отца: родители воспитывали детей в христианском духе. Первая встреча К.Н. Вендланда и архим. Гурия (Егорова) произошла в 1928 году, когда К.Н. Вендланд уже не был мальчиком или подростком – ему исполнилось 18 лет. А в 1927 году обе сестры Вендланда по-сещали занятия в Богословско-Пастырском училище при православной Эстонской церкви (Петроград), которым также заведовал о. Гурий. Более или менее верным в данном сообщении является только то, что архим. Гурий был дружен с семьей Вендландов и оказал огромное влияние на духовную жизнь будущего митр. Иоанна. (Прим. ВС.)

никто об этом не догадывается, а вы первый, кому я признался. Да, я принадлежу к черному духовенству, я монах в сане иеромонаха. И если иерей (из белого духовенства) после посвящения его в этот духовный сан обязан жениться*, то я, иеромонах, после пострижения и посвящения не имею права жениться до конца жизни...

После памятного вечера прошло всего лишь не больше двух недель, как меня однажды вызвали к начальнику Геологического управления, им был тогда Михаил Герасимович Казаков, дурак дураком и упрям, как осел. Это в честь него был назван Мишкой (иногда его звали даже Михаилом Герасимовичем) серый ишак, тоже упрямый дурак. В геологической полевой партии он ходил у нас под вьюком... Но об этом – в другой раз.

Так вот, являюсь я в кабинет начальника и вижу перед собой сидящий за большим столом ко мне лицом целый синклит. В центре восседал Михаил Герасимович, угрюмо нахмуренный, без признаков приветливости. Слева от него – замполит, справа – секретарь парторганизации, а по бокам от них – еще какая-то знатная челядь. И обращается ко мне сам Михаил Герасимович:

– Так что же это у вас в отделе геосъемки делается, Николай Петрович? Так-то вы ведете воспитательную работу со своими сотрудниками! – Длинная пауза, после которой он подает мне бумагу. – Читайте! Что это значит? Может быть, сможете объяснить?

Я взял бумагу, и первое, что бросилось мне в глаза, это штамп, в котором вместо герба (серп и молот) красовался восьмиконечный православный крест, под текстом – печать, тоже с крестом, а рядом подпись: Патриарх всея Руси Алексей. Я начал читать и прочел примерно следующее: прошу отпустить на постоянную работу для служения православной церкви донныне работавшего у вас в качестве геолога иеромонаха Иоанна, в миру Константина Николаевича Вендланда.

Я почти сразу все понял. Дядя Костя ни за что бы передо мной не открылся, если бы не знал, что такая бумага должна вот-вот поступить в Геологическое управление. Да и очевидно было, что с ним велись переговоры. Кстати, недавно до этого он был в командировке в Москве, оттуда рукой подать до резиденции Алексея.

Я не сразу нашелся что сказать. Общее молчание мне казалось очень долгим, но оно все же было нарушено замполитом:

– Что же, вам нечего сказать, Николай Петрович? Ну и не нужно. Мы его отпустим спасать заблудшие души. Нам в геологии попы не нужны.

Все остальные выразительно молчали. А потом я был отпущен. И ушел, не проронив ни слова.

После этого я долго не виделся с дядей Костей и знал о нем из рассказов своих друзей. Он быстро исчез из Геологического управления**, но перед этим хотел встре-

* Один из многочисленных примеров незнания мемуаристом православия: женятся будущие иереи, как правило, до рукоположения; никакого правила, предписывающего жениться после, в РПЦ не существует.

** По воспоминаниям самого митрополита Иоанна, в 1945 году (можно предполагать, что примерно в ноябре) он под влиянием архимандрита Гурия решил выйти на открытое служение. Он уволился из Геологического управления и института, заявив, что является священнослужителем. Этот шаг остался без относительно болезненных последствий благодаря поддержке, оказанной ему настоятелем ташкентского Александро-Невского храма протоиереем Григорием Брицким, имевшим связи во властных структурах того времени. Вопреки сообщению Н.П. Васильковского, Вендланд какое-то время все-таки работал в Геологическом управлении и одновременно служил в Успенском соборе сверх штата. (См.: Иоанн (Вендланд), митр. Митрополит Гурий (Егоров). // Иоанн (Вендланд), митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. – Ярославль, 1999. С. 127-129.) (Прим. ВС.)

титься со мной, но что-то ему помешало. Просил передать от него благословение и обещание увидеться со мной позже, для чего он найдет способ. А потом стало известно, что он исполняет службу священника в Госпитальной церкви*. А Геологическое управление жужжало, как рой пчел. Все были взволнованы свершившимся, особенно женщины. Именно они стали первыми ходить в Госпитальную церковь и, конечно, не для того, чтобы молиться (хотя может быть, это не исключалось). В Управлении ходили рассказы и возгласы:

– Ах, как он быстро отрастил себе бороду, темно-рыжую, но она ему так идет!

– Каким он стал симпатичным с бородкой, а я раньше и не замечала дядю Костю.

– А вчера... ты слышала, какую он проповедь читал? Как он хорошо говорил о заблудших душах...

Я так и не видел его в поповском облачении – в торжественной рясе и с клобуком на голове. И когда однажды он меня навестил дома, то был в обычной штатской одежде, в которой ходил на работу в Геологическое управление. Ну прямо прежний дядя Костя. Но и не он, так изменила его ставшая к тому времени уже окладистой борода.

Беседа была такой, какой можно было ожидать. Я пытался его уговорить:

– Ведь вы же – ученый и не можете всерьез верить в Бога, а главное – во всю парчовую мишуру...

– Нет, Николай Петрович, я верю. И главное мое призвание теперь не наука (которую я по-прежнему люблю и уважаю), а служение людям, служение поучать добру и истине, спасать их заблудшие души <...>

Шли месяцы. А следующей весной, когда стали собираться в горы на полевые работы, обратилась ко мне Нина Дмитриевна Зленко, собиравшаяся в район Каратюбинских гор (что за Самаркандом). Просьба ее заключалась в том, чтобы я уговорил М.Г. Казакова и его синклит разрешить зачислить дядю Костю в полевую партию.

– Да разве дядя Костя согласится?

– Да, я его почти уговорила. У него двухмесячный отпуск, а он так стосковался по горам и геологическому молотку, что... А я попытаюсь уговорить его бросить эту церковь.

После этого был разговор с М.Г. Казаковым. Он советовался со своим синклитом, и все вместе решили – а почему бы не попробовать. Ведь дядя Костя – прекрасный геолог.

– Только вот в качестве кого его оформить в партию? Он согласен хоть временным рабочим. Но ведь неудобно рабочим. Как ни говори, все же доцент, чуть ли не профессор.

Я сказал, что лучше всего оформить его все же рабочим, тем более что он настолько много получает в церкви, что не нуждается в лишнем заработке.

– Все же, думаю предложить ему быть консультантом.

* Так ташкентцы продолжали называть Свято-Успенский кафедральный собор, прежде (с момента своего основания в 1871 году и до закрытия в 1933-м) называвшийся Пантелеимоновской Госпитальной церковью. (Прим. ВС.)

Но я возразил:

– Что вы, Михаил Герасимович! Ну представьте себе, Нина Дмитриевна завершит геологический отчет и, конечно, обязана будет указать, что полевые работы велись под консультацией иеромонаха Иоанна.

Дядя Костя был зачислен экспедиционным рабочим, и партия благополучно отправилась на полевые работы. Но прошло два месяца, и снова появился в Госпитальной церкви отец Иоанн. Говорят, загоревший, с облупленным носом, пободревший... А потом, еще через два месяца, вернулась и Нина Дмитриевна. Отчиталась за полевой сезон передо мной как зав. отделом.

Вскоре Нина Дмитриевна уехала из Ташкента. Она перевелась из Узбекского геологического управления в какое-то геологическое учреждение московское, где работала до 60-х–70-х годов. Живет до сих пор в Подмосковье в дачном местечке – деревне Малаховке, где ей по наследству от матери достался четырехкомнатный дом с садом за высокой оградой. Там она и стала жить со своим сыном, ставшим потом известным геологом. Я у них в 50-х годах бывал частым гостем. Впрочем, уехала она из Ташкента после того, как и отец Иоанн выехал в Москву, куда его отозвало руководство Русской православной церкви, чуть ли не по распоряжению самого патриарха всея Руси Алексия. Так или иначе, я, и не только я, а и другие ташкентские геологи поначалу потеряли его из виду. И года два ничего о нем не слышали, кроме того, что куда-то он был откомандирован из Москвы. Ясное дело, что ташкентская Госпитальная церковь несколько опустела, потеряв таких усердных богомольцев и богомолков, как геологи и геологини с улицы Тараса Шевченко. Потом стали доноситься слухи, что дядя Костя читает свои пламенные проповеди в Сирии, затем – что спасает заблудшие души в Ливане, Ираке, т.е. в столице его Багдаде, чуть ли не там, где располагался греховный Вавилон в древней стране Месопотамии... Потом он побывал еще в нескольких странах Ближнего Востока и Африки, временами возвращаясь в подмосковный Переславль-Залесский (резиденция Алексия)*, чтобы получать новые назначения и представлять очередную миссию православной (чуть было не сказал – советской) церкви в разных странах. Так он побывал в 16-ти неевропейских странах**, что и понятно, так как он был широко образованным, просвещенным и даже талантливым, еще молодым человеком, которому во многом можно было позавидовать, если бы не одно «но» – что некогда он был пострижен в монахи. При его принципиальности и беспредельной честности <...> он мог стать новым святым, так как обладал еще даром красноречия, бесподобной образной речью.

Проходили годы. Я уже в Новосибирске; потом Катя Радкевич (которую я знаю с 1928 года, со студенческих лет) завлекла меня во Владивосток, где она была директором Дальневосточного геологического института, а я стал ее замом. И вот однажды довелось быть в очередной командировке в Москве, и пришло мне в голову вдруг сесть в автобус, идущий прямо в Малаховку, и не более чем через час, еще в начале дня, я уже оказался в доме Нины Дмитриевны и целовал ее приветливую руку. Это

* Резиденция патриарха находилась в Переделкино.

** Количество стран, в которых побывал владыка Иоанн, в несколько раз преувеличено.

было где-то около 1965 года (мне уже было 60, а ей под 50, дяде же Косте – около 55). Вспоминали мы с ней прошлое и говорили о текущем.

– Да. Да! Ну, конечно, я часто вижу теперь дядю Костю... Вы знаете, Николай Петрович, кто он теперь? Митрополит Ярославский <...>*. Обождите, я вам сейчас покажу его портрет.

И, скрывшись в соседнюю комнату, она тут же вышла ко мне с широколистым журналом в руке. Это был Вестник русской православной церкви или что-то вроде этого, издаваемый в Переславле-Залесском (под Москвой). Нина Дмитриевна раскрыла первую страницу. На ней были помещены портреты православного синклита с подписями под каждым из них в верхнем ряду посередине, <...> и, Боже мой, в окладисто-бородатом полустарце с высокой митрой на голове <...> я узнал (правда, с некоторым трудом) своего славного друга, умновзорого дядю Костю. <...> Кроме большого православного креста на груди моего отца Иоанна красовались две медали (их у него тогда было чуть ли не двадцать, но на фотографии только две). Одна от правительства США, а другая от Совета Министров СССР. Последняя – за заслуги перед СССР в деле развития добрососедской и мирной дружбы между христианскими народами СССР и США, – так мне пояснила Нина Дмитриевна. Я был в восторге от всего. Но Нина Дмитриевна мне сообщила, что с этого года он уже не экзарх, т.к. после успешного завершения трехлетней миссии в США был с почетом переведен на «должность» митрополита Ярославского. И сейчас живет недалеко от Ярославля в своей (митрополичьей) резиденции в монастыре в Переславле Загорском.

– И если хотите, Николай Петрович, – сказала она мне, – мы завтра же съездим к нему в гости, если он прийдет за нами машину.

Тут же она позвонила по телефону в Переславль Загорский (а, впрочем, я сейчас забыл, какой из них Загорский, какой Залесский Переславль, что под Ярославлем, что подмосковный)**.

Так или иначе, на следующее утро к нам в Малаховку подъехала великолепная машина, и мы с Ниной Дмитриевной покатали по Ярославскому асфальтированному шоссе, чтобы часа через два с половиной – три быть Переславле... где после многолетней разлуки, наконец, встретились два соратника в протаптывании геологических троп – Николай Петрович и дядя Костя. Это была великая радость, а для меня и великое утешение. Нужно ли говорить о том, как много и о чем было переговорено за этот памятный день и затем до самой поздней ночи. Начал он с того, что провел нас по всем своим владениям, т.е. по монастырским церквям, и даже заглядывали в монашьи кельи. Осмотрели его митрополитову канцелярию, кафедральный собор, да и саму кафедру, с которой он, митрополит, произносит свои проповеди, – реликвии XIII–XVIII столетий. Отметили гордость, с которой ярославцы говорят, что они (как и новгородцы) никогда не были под пятой монголо-татар и вообще под чьим бы то ни было гнетом... Подходили облаченные в пурпур (так! – Н.Г.) священнослужители

* Назначение митрополита Иоанна на Ярославскую кафедру произошло в 1967 году, следовательно, описываемые события могли происходить не «около 1965 года», а, как минимум, двумя-тремя годами позже.

** Скорее всего, имеется в виду город Переславль-Залесский, что под Ярославлем, где митрополит Иоанн еще в 1960-е годы купил небольшой дом. Мемуарист путает Переславль с Загорском – так в советское время именовался подмосковный Сергиев Посад; города с названием Переславль-Загорский не существует. (Прим. ВС.)

и смиренные служки, встречались простые монахи и скромные псаломщики, и все со смиренным почтением подходили, становились на одно или оба колена и целовали протянутую руку, принимая затем его, митрополита, благословение, произносимое, как мне слышалось, торжественным и в то же время проникающим в душу полуговором, полупшепотом. Потом устал, – так и пояснил нам, – утомился от всего этого: вижу мало искренности, больше желания выслужиться, желания к стяжательству. Показал свои митрополитовы апартаменты – богато, но скромно убранные. А затем сели мы в автомобиль и поехали в сторону Ярославля, чтобы не более чем через 20 минут войти в скромный одноэтажный особняк (за оградой которого был виден теннисный сад).

– Это мое собственное жилище, частное, не принадлежащее приходу.

И мы вошли в его дом. Нас встретили двое-трое слуг (служек).

– Вот мой домашний кабинет, в котором я уединяюсь, к сожалению, редко...

И я увидел библиотечные шкафы с книгами, большой письменный стол с чернильным прибором, а около – столик с поляризационным микроскопом на нем, рядом – ящики с петрографическими шлифами.

– Вот мое рабочее место, на котором я тружусь, как бывало, и отдыхаю душой. Вон, видите, Николай Петрович, за окном в саду гряда валунов. Здесь остаток ледниковой морены вюрмского оледенения, а валуны принесены ледником из Карелии, Центральной Финляндии. Это финляндские граниты, гнейсы, кристаллические сланцы... Это не только труд мой любимый, но и отдых душой, милые воспоминания о безвозвратном прошлом*.

Так он говорил. О многом, о чем мы вспоминали, говорил грустным, пожалуй, тоскующим голосом. А я, скользнув взглядом по стенам, сквозь спускающиеся сумерки заметил портреты Д.С. Белянкина, А.Н. Заварицкого, А.Е. Ферсмана и его учителя (и моего тоже), только что скончавшегося в то время Виктора Арсеньевича Николаева. Этот портрет был обтянут черным крепом, и заметно было, что это сделано недавно, может быть – скорбной рукой самого дяди Кости, иеромонаха (так! – Н.Г.) митрополита Ярославского. Потом – домашний ужин. А затем, где-то около 12 часов ночи, – сердечное прощание...

Недавно (теперь уже в прошлом 1985 году) до меня дошло, что дядю Костю священный православный синклит уволил на пенсию и он уже не митрополит <...> Конечно, он удалился в свой особняк в саду и теперь чаще и чаще смотрит свои шлифы.

* «Геологическое прошлое» митрополита Иоанна не было таким уж и безвозвратным. Его заслуги все-таки признавались в советской геологической науке. В частности, он был приглашен в качестве действительного участника на XXVII Международный Геологический конгресс 1984 года. (Прим. В.С.)

Святитель ФОТИЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

Библиотека

Отрывки

Перевод с греческого и примечания диакона Владимира Василика

От редакции. Новая рубрика нашего журнала «Библиотеки, библиотекари, читатели» открывается публикацией отрывков из знаменитого сочинения св. Фотия, патриарха Константинопольского (ок. 820–896) «Библиотека» (*Myriobiblion*). Сочинение это имело подзаголовок «Список и перечисление книг, прочитанных нами, которые запросил наш возлюбленный брат Тарасий для общего представления, триста без двадцати». Этот библиографический труд содержал реферативные обзоры и извлечения из 386 сочинений ораторов, грамматиков, врачей, историков, географов, христианских богословов, из соборных постановлений, житий святых и др. Особую ценность представляют извлечения из исторических сочинений, так как Фотий располагал документами, которые впоследствии были утеряны. Первый комментированный полный перевод этого труда на русский язык подготовил доцент исторического факультета Санкт-Петербургского университета диакон Владимир Василик, который любезно предоставил для публикации отрывки из этого пока еще не изданного перевода. Печатается в журнальном варианте (незначительно сокращены примечания).

После единодушного решения посольского [ведомства] и царя избрать нас для посольства к ассирийцам¹, ты попросил, о любезнейший из моих братьев Тарасий, написать тебе о сюжетах тех книг, которых тебе не довелось прочесть, чтобы, с одной стороны, ты имел утешение в разлуке, которую тяжело переносишь, а с другой – более общее и отчетливое знание о тех книгах, которые ты еще не прочел с нами (а их осталось числом триста без пятнадцатой части и одной, думаю, что столько нам выпало прочесть в твое отсутствие). Поэтому, может быть, слишком поздно в ответ на твое пламенное желание и горячую просьбу, и быстрее, чем мог другой надеяться, мы нашли секретаря и издали то, что сохранила нам память, как бы почитая твое желание и просьбу.

Эти пересказы расположены в таком порядке, в котором предложила их память, и их нетрудно расположить в соответствии с историей или же в соответствии с целью повествования, и во многих из них видно многообразие и нет насыщения в рождении... Не удивляйся, если при работе над книгами некоторые из пересказов

покажутся недостаточными или неточными. Ведь при желании для читающего одну книгу несложно ухватить ее сюжет, сохранить его в памяти и передать его письму, однако, думаю, нелегко будет привести его по памяти в случае многих [книг] и после того, как протекло столь много времени. А что у нас было в ходу из прочитанного и равным образом из-за доступности не избежало твоих ученых занятий, то мы не приложили к этим книгам такой же заботы, как к прочим, но намеренно не стали описывать их детально. Если же есть и нечто другое полезное, то ты сам поймешь, что соответствует твоим запросам.

Эти данные будут полезны тебе для общей памяти и воспоминания того, с чем ты встретился сам в своем чтении, и ты не только найдешь в готовом виде то, что ищешь, но и более легко постигнешь то, что еще не вошло в сферу твоего чтения.

Кодекс 1

Прочел сочинение Феодора Пресвитера² «О том, что книга св. Дионисия [Ареопагита] подлинна». В этой работе опровергаются четыре возражения [против подлинности].

Первое: если бы она была подлинна, то почему об ее изречениях и наставлениях не вспомнили хотя бы некоторые из более поздних отцов?³

Второе: то, что Евсевий Памфил, составивший список книг, написанных нашими блаженными отцами, нигде не упоминает о ней.

Третье: каким образом эта книга дает столь подробное изъяснение преданий, возросших в Церкви постепенно и в течение долгого времени?⁴ Ведь, как явствует из Деяний, св. Дионисий был современником Апостолов⁵, а то, что содержит книга, по большей части описывает предания, возросшие в Церкви в процессе развития и в гораздо более позднее время. И, как говорят, будет невероятным и, более того, скверной выдумкой, если мы будем считать, что св. Дионисий принялся описывать то, что развилось в Церкви спустя долгое время после кончины великого Дионисия.

Четвертое: как же в этой книге упоминается послание Игнатия Богоносца?⁶ Ведь Дионисий был зрелым мужем во времена Апостолов. А Игнатий совершил подвиг мученичества при Траяне, и послание, о котором упоминает книга [Дионисия], он написал незадолго до своей кончины.

Итак, автор, стремясь разрешить эти четыре недоумения, утверждает, что, по его мнению, книга великого Дионисия подлинна⁷.

Кодекс 2

Прочел «Введение в [Священное] Писание» Адриана⁸. Книга эта полезна для новоначальных.

Кодекс 3

Прочел истории Нонноса⁹, в которых он рассказывает о своем посольстве к эфиопам¹⁰ и химьяритам, и сарацинам, сильнейшим народам того времени, а также – к другим восточным народам. Тогда Ромейское государство унаследовал Юстиниан. Вождем¹¹ сарацин был Кайс¹², потомок Арефы, также вождя, к которому дед Нонноса

был отправлен с посольством от царствовавшего тогда Анастасия. Но и отец Нонноса был [послан] как посол к Аламундару¹³, вождю сарацин, и спас двух ромейских военачальников – Тимострата и Иоанна, взятых в плен по закону войны. Освобождением военачальников он послужил царю Юстину.

А Кайс, к которому был послан Ноннос, предводительствовал самыми значительными племенами среди сарацин – киндитами и маадинами. К этому же Кайсу был отправлен Юстинианом и отец Нонноса до его избрания послом и заключил мирный договор, по которому взял в заложники сына Кайса (по имени Мавия) и послал его к Юстиниану в Византий. Через некоторое время с посольством был отправлен Ноннос с двумя задачами: если возможно, привести Кайса к императору и добраться к царю аксумитов (тогда этим народом правил Элесбаас¹⁴), и при этом проникнуть и к химьяритам¹⁵.

Аксум – весьма великий город, своего рода столица всей Эфиопии, лежит же южнее и восточнее державы ромеев¹⁶.

Ноннос, много раз страдая от засад язычников и нападений диких зверей и часто попадая в затруднительное положение, тем не менее, исполнил задуманное и невредимым вернулся на родину. Ведь Кайс, после второго к нему посольства Авраама, пришел в Византий и, разделив власть над племенем между своими братьями Амвром и Езидом, сам принял от царя военную власть над Палестиной, приведя с собой множество своих подданных¹⁷.

Он (Ноннос – *В.В.*) также говорит, что древние называли сандалии «сапогом», а тюрбан – «фасолью».

Также он рассказывает, что большинство сарацин, живущих в Финикии и вокруг нее, а также по ту сторону так называемых Таврийских гор, почитают некое священное место, посвященное неведомо какому богу, и там собираются два раза в год. Один из этих праздников продолжается целый месяц и празднуется почти до середины весны, когда солнце входит в созвездие Тельца. А второй праздник длится два месяца. Его отмечают после летнего солнцеворота. Во время этого праздника они полностью соблюдают мир, не только между собою, но и со всеми людьми, живущими в их стране. Они говорят, что и дикие звери хранят в это время мир, и не только с людьми, но и между собою. Ноннос рассказывает и о многом ином удивительном, ничем не отличающемся от мифов.

Он говорит, что Адулис¹⁸ отстоит от Аксума на пятнадцать дней пути¹⁹. Когда же Ноннос со своими спутниками направлялся в Аксум, то у деревни, называемой Аве²⁰, лежащей посередине Аксума и Адулиса, он увидел необыкновенное зрелище: огромное стадо слонов – почти пять тысяч²¹. Эти слоны паслись на просторной равнине, и никому из путников было невозможно ни миновать их, ни прогнать с пастбища. Вот какое зрелище ожидало их на середине пути.

Следует рассказать о климате, изменяющемся от Аве до Аксума. Ибо он представляет резкую противоположность между зимой и летом. Ведь когда солнце проходит знаки Рака, Льва и Девы, то до Аве, как и у нас, в воздухе господствуют жар и сухость. От Аве и до Аксума над всей Эфиопией царствует суровая зима, но не целый день, а начиная от полудня в воздухе собираются облака и затапливают землю ливнями.

Именно тогда и Нил, приходя в Египет, обильно разливается и орошает землю.

Когда же солнце проходит знаки Козерога, Водолея и Рыб, то, наоборот, от Адулиса и до Аве небо дождями заливают землю, а от Аве до Аксума и в прочей Эфиопии – лето, и тогда земля приносит жителям свои прекрасные плоды.

Когда же Ноннос плыл от Фарсана²² и причалил к последнему из островов, то с ним произошло чудо, о котором удивительно и слушать. Встретились ему некие [существа], имеющие человеческий вид и облик, но очень маленькие ростом и черные кожей, покрытые волосами по всему телу. За мужчинами следовали похожие на них женщины и дети – еще более маленькие, чем мужчины. Все они были голыми, однако взрослые мужчины и женщины покрывали свой срам маленькими кусочками кожи. Они ни в чем не показывали дикости или звериного характера, но обладали языком, хотя и человеческим, но неизвестным для их соседей, тем более – для тех, кто был с Нонносом. Они добывали пропитание благодаря морским раковинам и рыбам, выбрасываемым на остров с моря. У них не было никакой дерзости, но, глядя на наших людей, они трепетали от удивления, как если бы мы были гигантскими животными.

<...>

Кодекс 48

Прочитана книга Иосифа «О вселенной»²³, которую я читал в другом издании под названием «О причине всего», в другом месте – «О сущности всего». Она состоит из двух небольших трактатов.

Иосиф показывает в них, как Платон борется сам с собою, обличает Алкиноя²⁴; высказывавшего абсурдные и ложные суждения о душе, материи и воскресении, в противовес ему приводит свои собственные мнения об этих предметах и показывает, что иудейский народ намного старше эллинов²⁵.

Он считает, что человек состоит из огня, земли и воды, а также из духа, который называет также душой²⁶. О духе он говорит такими словами: «Взяв дух, как самое господствующее, Он (т.е. Бог – В.В.) создал его вместе с телом и приготовил ему путь чрез всякий орган и член. Дух, созданный одновременно с телом и проходящий чрез все [тело], запечатлен в самом образе видимого тела, но по своей сущности он более прохладный, чем три элемента, из которых составлено тело». Высказав эти взгляды, не согласующиеся ни с иудейским учением о природе человека, ни с иными его собственными сочинениями, он в сжатом виде рассматривает сотворение мира.

О Христе же, истинном Боге нашем, он богословствует очень точно, возвещая Само Имя Христа, и безупречно описывает Его неизреченное рождение от Отца²⁷. Посему некоторые и сомневаются, принадлежит ли это сочинение Иосифу. Однако ничто в стиле не отличается от прочих сочинений этого мужа. Но в схолиях я обнаружил, что это сочинение – не Иосифа, а Гая, пресвитера, жившего в Риме²⁸, который, как говорят, составил «Лабиринт». Ему также приписывается диалог против некоего Прокла, защитника ереси монтанистов²⁹. А поскольку это сочинение [«О вселенной»] осталось неопубликованным, то одни приписывают его Иосифу, другие – Юстину мученику, третьи – Иринею, подобно тому, как некоторые приписывали «Лабиринт» Оригену³⁰. Однако это все-таки труд Гая, действительно написавшего сочинение «Лабиринт»,

поскольку он сам в конце «Лабиринта» засвидетельствовал, что «О сущности всего» – его произведение. Если же это – другая книга, то вопрос для меня неясен.

Этот Гай, как говорят, был пресвитером в Римской Церкви, при первосвященниках Викторе и Зефирине, и его рукоположили во епископа народов³¹. Он составил и другое сочинение против ереси Артемона³², а против Прокла, сторонника Монтана, написал серьезное опровержение, в котором он насчитывает только тринадцать посланий [апостола] Павла, не включая в их число Послание к Евреям³³.

Кодекс 49

Прочел сочинение иже во святых Кирилла Александрийского «Против богохульств Нестория» в пяти книгах³⁴. И здесь он сохраняет характер и особенность своих произведений, но оно яснее его книги «К Ермию»³⁵ и «О поклонении в духе [и истине]»³⁶. Стилль его отделан и направлен на выражение определенной идеи и представляет как бы свободный стих, не связанный размером³⁷.

Кодекс 50

Прочел сочинение Никия Монаха «Против семи основных положений Филопона», которые он привел в своей книге, озаглавленной «Третейский судья». Он придерживается простого и сжатого стиля, приличествующего полемике, и без излишеств.

Прочитано также сочинение против нечестивого Севира, а также две книги «Против язычников»³⁸.

Кодекс 51

Прочел Исихия, пресвитера Константинопольского, четыре книги «О медном змие»³⁹. Стилль его направлен на впечатляющую доказательность и разработан в подражание языку, присущему действующим лицам. [В этом сочинении] изображены речи Моисея к народу, а также придуманы обращения народа к Моисею, а также – речи Бога к Моисею и народу и обращения Моисея и народа к Богу в виде молитв и апологий. Именно на эти речи и тратится обширное красноречие книги, что делает ее напыщенной и раздутой. Ее автор – православный, как он и сам свидетельствует об этом в сочинении.

Кодекс 52

Прочел деяния собора в Сиде против ереси мессалиан, или евхитов, или адельфиан⁴⁰. На соборе председательствовал Амфилохий Иконийский⁴¹, сопредседествовали и другие епископы, числом сорок пять. В этой же самой книге я прочел окружное послание того же самого собора⁴² к Флавиану Великому, епископу Антиохийскому⁴³, в котором содержалось учение собора и его деяния. Ведь и сам он собрал собор против тех же самых еретиков, на котором вместе с ним было три епископа – Виз Селевкийский, Марута, епископ народа Суфаренов, и Самос. Пресвитеров же и диаконов на нем было около тридцати.

На этом соборе не приняли в общение Адельфия, хотя он и принес покаяние и отрекся от своей ереси. Ибо не было видно, что его покаяние или отвержение ереси шли от сердца⁴⁴.

Родителями этой ереси были вышеназванный Адельфий, не причисленный ни к жребию монашествующих, ни к причту священников, но живший мирской жизнью, и Сава, самозванно надевший на себя монашескую одежду, которого из-за этого называли «скопцом», и другой Сава и Евстафий Эдесский, и Дадой и Симеон – плевелы лукавого и иные, выросшие вместе с ними⁴⁵.

Итак, Адельфий и его сторонники были осуждены, хотя, как мы уже сказали, они искали возможности предъявить свое покаяние. Однако они не получили прощения, поскольку они общались с теми, кого письменно анафематствовали как мессалиан, как с единомысленными. А Флавиан написал письмо к жителям Осроэны⁴⁶, сообщающее о деяниях собора, в котором рассказывается, как еретики были посрамлены и анафематствованы. А епископы, получившие это письмо, написали Флавиану ответ с выражением благодарности и единомыслия.

Написал также ему и Литой, епископ Армении⁴⁷, желая получить сведения о мессалианитах, и ему было прислано соборное решение и определение относительно них. Великий Флавиан написал и второе письмо некоему армянскому епископу, по тому же самому поводу. Во втором письме он бросает [армянам] упрек, что мессалиане находят у них некоторую защиту⁴⁸. Но и Аттик Константинопольский⁴⁹ писал памфилийским епископам с тем, чтобы они отовсюду изгоняли мессалиан, как нечистых и нечестивцев. Подобное письмо он же написал и к Амфилохию, епископу Сидскому⁵⁰. Также Сисиний Константинопольский⁵¹ и Феодот Антиохийский⁵² написали совместное послание к Верниану, Амфилохию и прочим памфилийским епископам, которое озаглавлено так: «Боголюбивейшим сослужителям [нашим], Верниану, Амфилохию и всем епископам Памфилии Сисиний и Феодот, и весь священный собор, собранный по благодати Божией в великом граде Константинополе для хиротонии боголюбивейшего и святейшего епископа Сисиния решением благочестивейшего и христоролюбивейшего царя нашего Феодосия⁵³, радоваться о Господе».

В этом соборном послании и епископ Неон провозгласил, что если кто после [своего] анафематствования ереси когда бы то ни было или благодаря словам или делам подпадет под подозрение, что он впал в эту же самую болезнь, то такого уже не принимать в общение, даже если он десятки тысяч раз заявит, что пополнит чин кающихся. Такой же опасности подвергается и тот, кто будет заступаться за него, будь это епископ или кто-нибудь другой.

Также, Иоанн Антиохийский⁵⁴ написал послание к Несторию о мессалианах. О них вынес определение и святой Третий Вселенский собор в Эфесе, открывший в их так называемой аскетической книге богохульство и еретические положения и подвергший их анафеме. И Архелай, епископ Кесарии Каппадокийской, написал двадцать четыре анафематизма против этих положений⁵⁵. Против них и Ираклид, епископ Нисский, составил два послания, во втором из которых содержится свидетельство о древности честных икон.

В более позднее время Геронтий, пресвитер и игумен Глитидских монахов, писал к Алипию⁵⁶, архиепископу Кесарии Каппадокийской, обвиняя [некоего] Лампетия⁵⁷ в том, что он, предводитель вышеназванной ереси, ухитрился украсть и получить честь священства, будучи сквернавцем и обманщиком. Алипий, получив письмо, пересылает его к епископу Команскому⁵⁸ Ормизде с поручением расследовать напи-

санное о Лампетии. Его обвиняли в том, что он обнимал и целовал в уста девушку, и сам Лампетий говорил, что в Иерусалиме он согрешил с одной диаконисой, и когда к нему пришли просить исцеления от болезни, то он сказал: «Приведите ко мне красивую девушку, и я покажу вам, что такое святость». А также обвиняли его в том, что он поносил поющих часы и осмеивал их, как находящихся еще под Законом⁵⁹. Обвинялся он и в других непотребных вещах, которые совершают и произносят мессалиане. Также и мы, отвращая, насколько возможно, некоторых людей от этого лжеучения, начавшего уже произрастать в них, увидели великую гнилость страстей и злобы, воспитанных в их душах⁶⁰.

А Лампетий, которого судил епископ Ормизда и обвинял пресвитер Геронтий, с одной стороны был изобличен свидетелями, с другой – своими собственными устами, по единодушному решению был извергнут из священства. Этому же приговору подвергся и Алипий Кесарийский, который, будучи обманут этим окаяннм, возвел его в степень священства.

Этот трижды преступный Лампетий составил некое сочинение, которое назвал «Заветом». В нем рассеян ряд его еретических мнений. Это сочинение опроверг Севир, захватчик Антиохийского престола, когда он был еще священником⁶¹.

Однако некий Алфей, епископ Ринокоруры⁶², выступил в защиту Лампетия, так как якобы он ничего не говорил и не делал из того, в чем его обвиняли. Алфей составил и сочинение, в котором, как можно видеть, нет ничего богохульного, однако и он был низложен, как единомысленный с Лампетием. И какой-то другой Алфей, соименный своему учителю, рукоположенный Тимофеем Александрийским, был низложен за ту же самую ересь, как сообщает послание Птолемея, епископа Ринокорурского к вышеупомянутому Тимофею.

Кодекс 53

Прочел книгу о соборе⁶³ против Пелагия и Целестина⁶⁴, состоявшемся в Карфагене, в Великой церкви, когда Фавст Гонорий⁶⁵ обладал властью над Западной империей. На этом соборе председательствовал епископ Аврелий [Карфагенский]⁶⁶ и Дотиан, епископ Тептенесса, первопрестольного города провинции Бизацены⁶⁷, с которыми заседали мужи из различных епархий, первенствовавшие во священстве, числом двести двадцать пять.

Этот собор анафематствовал тех, кто говорит, что Адам был создан смертным, а не осужден на это (смертность – *В.В.*) из-за [своего] преступления⁶⁸. Подобно анафематствует он и тех, кто утверждает, что только что родившиеся младенцы не имеют нужды в крещении, так как не наследуют первородный грех от Адама⁶⁹. Анафематствуются также и говорящие, что посреди места мучения и рая есть некое среднее место, в котором блаженно живут поселенные там некрещенные дети⁷⁰.

Анафематствует собор и другие, близкие к тому шесть положений, провозглашенные пелагианитами и келестианами. Между тем и Константин, муж Плакидии и отец Валентиниана младшего, писал о том, чтобы изгнать еретика Келестия, а приговор против него прислал Волусиану, епарху города. И Лев Римский⁷¹ написал об обращающихся пелагианистах, о том, чтобы при их обращении они должны приниматься в общение тогда, когда письменно анафематствуют свое лжемудрие.

Более того, обвинения против них содержатся и в послании к Несторию Целестина, епископа Римского⁷². Ведь тот же Целестин написал галльским епископам о вере св. Августина и против тех, кто хвастался своей властью среди еретиков. И пресвитер Иероним⁷³ написал ко Ктесифонту против проповедующих бесстрашие, то есть против Пелагия. Этот Пелагий был монахом и приобрел в Целестине своего ученика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так Фотий, согласно византийской архаизирующей традиции, называет арабов, исходя из того, что столица Халифата – Багдад – находилась на территории древней Ассирии.

² Жил в VI веке. Сочинение утеряно. Об авторе см.: *Bardenhewer O. Patrologie. Freiburg: Herder, 1910. Bd. IV. – S. 296.*

³ Это возражение выдвигал еще Ипатий Эфесский на собеседовании с монофизитами в 531 г.

⁴ Особенно это характерно для «Церковной иерархии», где излагается антиохийский богослужебный чин V – нач. VI веков; одна из наиболее поздних деталей – пение Символа Веры за литургией, введенное при патриархе Петре Монге в 471 году.

⁵ См.: Деян. 17, 34.

⁶ Раннехристианский богослов, мученик (†107). См.: *Левбедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. 2-е изд. СПб.: Тузов, 1903. – С. 100-110.*

⁷ По поводу этой фразы в науке издавна шла дискуссия. Если Хергенрётер считал, что Фотий разделял общее для средневековья мнение о подлинности сочинений Дионисия Ареопагита (*Hergenröter J. Photius, Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. – 3 Bände. – Regensburg: G.J. Manz: 1867-1869. – В. III. – 1869. – S. 29*), то Сеилье полагал, что Фотий считал Ареопагитики подложными (*Ceillier R. Histoire generale des auteurs sacres et ecclesiastiques. – In 24 tomes. – Paris: chez P.A. Le Mercier pere. – Т. XIX. – 1754. – р. 431*). Сама по себе эта фраза не может служить в защиту ни той, ни другой точки зрения. Однако то значительное внимание, которое Фотий уделяет опровергающей аргументации и полное отсутствие аргументации Феодора в защиту подлинности Ареопагитик как будто свидетельствует в пользу того, что Фотий, как минимум, сомневался в их аутентичности, но из богословской осторожности не спешил этими соображениями напрямую делиться с читателями.

⁸ Автор V века. Книга сохранилась и издана. См.: *Hadrianus. Introductio in Sacram Scripturam / Ed. K. Gossling. Berlin, 1887.*

⁹ Автор жил в первой половине VI века. Происходил из Сирии. Сохранились лишь фрагменты его сочинений в «Библиотеке», а также в хрониках Иоанна Малалы и Феофана Исповедника. См.: *Nonossus. Fragmenta, ed. K. Müller, FHG 4. Paris: Didot, 1841-1870. – р. 178-180. Frt.1-2. Fragmentum e Ioanne Malala (fr. 1): pp. 178-179. Fragmentum e Photio (fr. 2): pp. 179-180. О нем см.: *Laqueur S.N. Nonnosus // Pauly-Wissowa Reallexicon fuer**

Antike und Christentum. 1937. Т. XVII. Col. 920. Показателен интерес Фотия к Востоку, в особенности к Аравии и Эфиопии. Вероятно, это связано с посольствами к багдадскому халифу, в частности с миссией самого Фотия 846 года.

¹⁰ Об Эфиопии VI в. см.: *Французов С.А. Аксумское царство // Православная Энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2000 - ...; Т. 1. – 2000. – С. 415-417.*

¹¹ Буквально – «филарх», «вождь племени».

¹² Имруулькайс (500–550 гг.) – знаменитый доисламский поэт, воин, вождь ряда низаритских племен. По легенде, сохранившейся в «Днях арабов», значительную часть жизни посвятил мести за своего отца Худжра, был принят византийским императором с честью и получил военную помощь, но затем, как гласит предание, был отравлен по обвинению в совращении дочери императора Юстиниана (которой у того в действительности не было). О нем см., в частности: *Гибб Х.А.Р. Арабская литература. Классический период. М.: Издательство восточной литературы, 1960.* Его стихи частично переведены на русский язык. См.: *Аравийская старина. М.: Наука, 1983. – С. 23-28, 100-110.*

¹³ Его арабское имя – Аль Мунзир.

¹⁴ Аксумский царь Элла Ацбэха (другое имя – Калев). В православной традиции известен как святой благочестивый царь Елезвой, после 520 года восстановивший христианскую веру в южноаравийском городе Награние и убивший свирепого гонителя христиан узурпатора Йосефа Асара Ясара Зу-Нуvasа. О нем см.: *Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви в 4-х тт. – СПб.: Типография М. Меркушева (Т. 1-3); Петроград: Третья Государственная Типография (Т. 4). – Т. 2. – 1910. – С. 265-277; *Кобищанов Ю.М. Аксум. М.: Наука, 1966.**

¹⁵ Прокопий Кесарийский в своем сочинении «Война с персами» сообщает об этих посольствах несколько иначе. Во-первых, вместо Нонноса он упоминает Юлиана, во-вторых, среди целей посольства обозначает вовлечение эфиопов и химьяритов в войну против Персии и экспорт шелка в Византию, минуя Персию (*De bello persico I. XX. 9*). См.: *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. / Пер. с греч., вступит. ст., коммент. А.А. Чекаловой. Изд. 2-е, доп. (Сер. «Византийская библиотека»: разд. «Источники»). СПб.: Алетейя, 1998. – С. 65.*

¹⁶ Столица мощного Аксумского царства в I–VII веках, важный торговый центр. Площадь города в VI в. насчитывала 24 кв. км (8 км в длину, 3 км в ширину). В городе находилось несколько дворцов, из них известно четыре – Такха-Марьям (IV в.), Энда-Сэмон, Энда Микаэл (V в.);

собор Богоматери Сионской (предполагаемое место хранения Ковчега Завета), стелы-obelisks, гробницы и т.д.

¹⁷ Об обстоятельствах прихода Имруулькайса в Константинополь и особенностях службы арабов Византийской империи см.: *Пигулевская Н.В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.- Л., 1964.

¹⁸ Возник в III в. до н.э. В I–VII веках – основной порт Аксумского царства. О нем подробно пишет Косма Индикоплов (русский перевод см.: История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. М.: Наука, 1990. – С. 189-198). Вероятно, погиб в огне во время мусульманского нашествия 640 года. Раскопки выявили остатки портовых сооружений и двух базиликальных церквей. Новейшее и наиболее подробное исследование – *Munro-Hay S.* Aksum. An African Civilization of late Antiquity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1991. Полную библиографию см.: *Французов С.А.* Адулис // Православная Энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2000 – ...; Т. 1. – 2000. – С. 326-327.

¹⁹ Прокопий Кесарийский (De bello Persico I. XIX. 22) дает несколько иную цифру – 12 дней.

²⁰ Современное селение Йеха. Вероятно, в древности называлось Хоу. О нем см.: *Pietschmann R.* Aua // Pauly-Wissowa Reallexicon fuer Antike und Christentum. 1894. Т. II. Col. 2263.

²¹ Об изобилии слонов в Эфиопии упоминает также Косма Индикоплов, сообщая об экспорте бивней в Византию, Персию, Индию (Торография Christiana. 325, 3-8). Русский перевод – История Африки... С. 190. О множестве слонов сообщает и Агафархид Книдский («Библиотека», кодекс 250).

²² Вероятно, речь идет об островах Фарасан в Аравийском море, жители которого, действительно, малы ростом и живут благодаря добыче жемчуга и черепаха.

²³ Полное название этого произведения – «Против Платона, о сущности всего». В настоящее время авторство этого текста атрибутируют св. Ипполиту Римскому, см.: *Geerard G.* Clavis patrum graecorum, in 5 vol. – Turnhout: Brepols, 1974–1987. – Т. I – 1974 – р. 271, № 198. До нас дошли фрагменты этого памятника на греческом и армянском языках.

²⁴ Комментатор Платона, живший в I – начале II вв. См.: *Robin F.* La pensee grecque et les origines de l'esprit scientifique. Paris: Renaissance du livre, 1932. – р. 437.

²⁵ Возможно, этот тезис автора привел переписчиков ранневизантийского времени к мысли о том, что автором является Иосиф Флавий (см. его сочинение «Против Апиона»), однако это – общий топос апологетов (встречается у Феофила Антиохийского, Тертуллиана и т.д.).

²⁶ Здесь отчасти предвосхищаются более поздние взгляды Немесия и Григория Нисского. Дихотомическая антропология (тело и дух) типична для доникейского времени.

²⁷ Св. Ипполит Римский, по сравнению с другими богословами III века (в особенности александрийцами – Климентом и Оригеном), действительно весьма точен в своих христологических формулировках. См., в частности, его сочинение «Против Ноэа».

²⁸ Гай, пресвитер римский. Жил во второй половине II – начале III вв. во время понтификата пап Виктора и Зе-

фирина, возможно – миссионерский епископ. Автор антиеретического сочинения «Диалог против монтаниста Прокла» (сохранился фрагмент у Евсевия, см.: *Routh M.J.* Reliquiae Sacrae, vol. 2, 2nd edn., Oxford: Oxford University Press, 1846. – р. 127-134).

²⁹ Ересь монтанистов зародилась во втором веке во Фригии. Ее основатель Монтан учил о некоем особом сошествии Святого Духа, отличном от Пятидесятницы. Для секты монтанистов была характерна экстаичность, женское пророчество, крайний аскетизм. Монтанизмом увлекался, в частности, Тертуллиан. Возможно, Прокл жил в Риме и распространял там ересь монтанизма.

³⁰ Такое мнение встречается, в частности, у блаженно-го Феодорита Кирского. См.: *Haereticarum fabularum compendium. De Theodoto* [Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca, 83, 392 A].

³¹ Ситуация конца II века (целое столетие отлучения христиан от синагоги, греческий характер римской общины и, наконец, меры, принятые папой Виктором против празднования Пасхи с иудеями) не позволяет предполагать наличие в Риме двух епископов – одного для язычников, другого для иудеев, и соответственно переводить данное словосочетание «епископ язычников». Это словосочетание могло быть понято как епископ народов, находящихся за пределами империи, не имеющий своей постоянной кафедры, то есть миссионерский епископ. О миссии в ранней Церкви см., в частности: *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: можно ли сделать из варвара христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 17–60.

³² Это сочинение не сохранилось даже во фрагментах. Блаженный Феодорит его не знает. По мнению Евсевия, автором трактата «Против Артемона» мог быть кто-либо из христианских авторов времени Коммода: Гераклит, Максим, Кандид, Арабиан, но не Гай.

³³ Из западных доникейских авторов такой же позиции придерживался Ипполит Римский, см.: *Метцгер Б.* Канон Нового Завета. М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 1994. – С. 149), а также Тертуллиан, приписывавший его Варнаве (там же, с. 158).

³⁴ Скорее всего, имеется в виду одно из первых анти-несториянских произведений «Опровержение богохульств Нестория в пяти книгах». См.: *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca, 76, col. 9–248.* Этот труд был написан около 430 года и представляет собой собрание цитат из гомилий Нестория, произнесенных в 428–429 годах, с соответствующим разбором и критикой на основании Писания и святоотеческих свидетельств.

³⁵ Речь идет о сочинении, посвященном Ермию, – «Диалоги о святой и единосущной Троице». Издание см.: *Cyrille d'Alexandrie.* Dialogues sur la Trinite, 3 vols. Paris: Cerf, vol. 1, 1976, vol. 2, 1977, vol. 3, 1978 (Sources chretiennes, 231, 237, 246).

³⁶ «De adoratione et cultu in spiritu et veritate» [Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca, 68, col. 132–1125].

³⁷ Это замечание показывает, что текст, о котором говорил Фотий, мог быть гомилетическим, и, соответственно, это свидетельствует против указанной выше атрибуции. Однако наблюдение Фотия может относиться к гомилетическим цитатам Нестория.

³⁸ О Никие и его сочинениях, кроме этого свидетельства

Фотия, мы почти ничего не знаем. См.: *Janin R. Nikias // Dictionnaire de Theologie Catholique, sous la direction de S. Vacant, E. Mangenot. Paris: Letouzey et Ane, 1903–1950. 15 tomes in 29 vol. – Т. XI. – p. 486.*

³⁹ Сочинение утрачено. Идентифицировать этого автора невозможно.

⁴⁰ Собор состоялся в 390 году. Название мессалиан происходит, вероятно, от сирийского *mašline* – молящиеся. По-видимому, представляли собой тоталитарную секту, выросшую из египетского монашества, в которой крайний аскетизм, проявлявшийся, в частности, на уровне литургических обычаев, уживался с либертинизмом и распушенностью. Мессалиане отрицали (или по крайней мере принижали) значение иерархии, их основной целью было психофизическое переживание благодати Духа Святого, призываемого через постоянное повторение одной и той же молитвенной формулы, которая у них приобретала черты автоматической психофизической техники. Мессалиане, вслед за антропоморфитами, учили о возможности видеть Бога телесными очами. О них см.: *Gribomont J. Le dossier des origines du Messalianisme // Epektasis: Melanges patristiques offerts au Card. J. Danielou. Paris: Beauchesne, 1972; Stewart C. Working the earth of hearth: the Messalian Controversy in History, Text and Language to AD 431. Oxford: Clarendon Press, 1991.*

⁴¹ Амфилохий Иконийский (314 – после 394). Двоюродный брат и друг св. Григория Богослова, член каппадокийского кружка. Вначале – юрист, с 373 года – епископ Иконийский (современная Конья). Автор ряда проповедей – на Рождество, Сретение, Преполовление Пятидесятницы и т.д. – и ряда других произведений. Внес значительный вклад в развитие мариологии. О нем см.: *Holl K. Amphilochius von Ikonium in seinem Verhältnis zu den grossen Kappadoziern. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1904. Сударов А.И., Лосева О.В. Амфилохий Иконийский // Православная Энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2000 – ...; Т. 2. – С. 150. Произведения изданы в 31 томе «Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca». Современное издание (критическое): *Amphilochii Iconiensis opera, ed. C. Datema (Corpus Christianorum, Series Graeca, t. 3, Turnhout: Brepols, 1978).**

⁴² См.: *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca, 39, col. 93–98.*

⁴³ Св. Флавиан Антиохийский (330–404) – епископ Антиохии с 381 года. Показал выдающиеся пастырские таланты, в частности, спас антиохийцев от карательных мер императора после мятежа 386 года. Был наставником св. Иоанна Златоуста, которого рукоположил во пресвитеры (386 г.). О нем см.: *Devresse R. Le Patriarcat d'Antiochie depuis la paix de l'Eglise jusqu'à la conquete arabe. Paris, 1945. – p. 1–45.*

⁴⁴ Адельфий – ересиарх мессалиан, живший в конце IV – начале V вв. Характерен принцип либертинистских ересиархов – каяться, чтобы затем вновь грешить.

⁴⁵ Об упомянутых еретиках известно в основном благодаря Фотию. О мессалианской ереси из последних работ см.: *Преп. Макарий Египетский. Духовные слова и послания: собрание типа I (Vatic. graec. 694). Изд. подготовил А.Г. Дунаев. М.: Индрик, 2002. – С. 159–245.*

⁴⁶ Область в Месопотамии, окружавшая Эдессу.

⁴⁷ Св. Литой, друг св. Григория Нисского, адресат его так наз. канонического послания.

⁴⁸ Письма не сохранились, мы знаем о них только от Фотия. Из жития известно, что он встречался с Адельфием и благодаря хитрости выпытал у него тайны мессалианского учения, после чего изгнал еретиков из своего диоцеза. Позднее этим примером воспользовался Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе».

⁴⁹ Св. Аттик, патриарх Константинопольский (†425). Обвинитель св. Иоанна Златоуста, затем его преемник. В 417 году восстановил его память, чтобы ликвидировать схизму. О нем см.: *Lebon J. Discours d' Atticus de Constantinople «Sur la Sainte Mère de Dieu» // Le Muséon, 1933, t. 46. – p. 17–202.*

⁵⁰ Амфилохий Сидский († после 457). Епископ города Сиды в Памфилии, на западе Малой Азии, не позднее 425 года. Показал замечательную гибкость убеждений: то объединялся со св. Кириллом Александрийским на III Вселенском соборе, то выступал против него. В 449 году выступил в поддержку Диоскора, в 451 году вместе со всеми низлагал его и принял решение Халкидонского собора, который в 457 году анафематствовал, но позднее опять принял его под воздействием императорского указа. Вероятно, что подобная богословская бесхребетность могла способствовать распространению мессалиан в его епархии. О нем см.: *Lightfoot J.B. Amphilochius (2) // A Dictionary of Christian Biography. Ed. Henry Wace and William C. Percy. Peabody, MA: Hendrickson, 1999. – p. 25.*

⁵¹ Константинопольский патриарх в 426–427 годах.

⁵² Епископ Антиохийский (421–429). Автор труда против аполлинаристов «К Гераклиду против синусиастов». Отрывки см.: *Diekamp F. (ed.). Doctrina Patrum de incarnatione verbi. Münster: Aschendorff, 1907. – p. 34.*

⁵³ Император Феодосий правил на Востоке с 379-го по 395 год. Известен как сторонник Никейского православия, которое указом от 380 года сделал государственной религией. Миланским эдиктом 391 года объявил язычество вне закона.

⁵⁴ Епископ Антиохийский в 429–442 годах. Противник св. Кирилла Александрийского на III Вселенском Соборе, а также один из инициаторов примирения 433 года, когда был осужден Несторий и его учение. От его творчества сохранилась лишь одна проповедь и некоторые письма к св. Кириллу и блаж. Феодориту, см.: *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca, 77, col. 1449–1462). О нем см.: Richard M. Theodoret, Jean d' Antioche et les moines d'Orient // Opera Minora, II, Turnhout: Brepols, 1977. Послание, о котором сообщает св. Фотий, до нас не дошло.*

⁵⁵ Эти утраченные ныне анафематизмы были написаны около 440 года. Об Архелае см.: *Julicher A. Archelaos (41) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft; Series A-Q (1893–1963). – В. II, 1.1896, col. 455.*

⁵⁶ Епископ Кесарии Каппадокийской в конце IV века.

⁵⁷ Лампетий, равно как и прочие участники этой скандальной истории, известны нам только благодаря 52 кодексу «Библиотеки».

⁵⁸ Имеются в виду Команы в Писидии (Малая Азия).

⁵⁹ В IV веке пение часов не принимали и вполне благочестивые люди, вроде св. Епифания Саламинского. В

мессалианстве сказался радикализм египетского монашества, который некоторыми еретиками был доведен до либертинизма.

⁶⁰ Очень важное свидетельство о существовании мессалианства еще в IX веке. Возможно, они были связаны с богомилами.

⁶¹ Имеется в виду Севир (†538), патриарх Антиохийского престола в 512–519 годах, основатель умеренного монофизитства и духовный отец монофелитства и моноэнергизма. О нем см.: *Lebon J. Le Monophysitisme severien, etude his-tonque, litteraire et theologique sur la resistance monophysite an Concile de Chalcedoine jusqu'a la constitution de l'Eglise Jacobite.* Louvain: без изд., 1909.

⁶² Город в Нижнем Египте, пограничная крепость на Востоке. Показательно, что именно один из египетских епископов поддержал мессалианина.

⁶³ Собор состоялся в 411–412 годах. Акты собора не дошли целиком, сохранился лишь фрагмент в сочинении блаж. Августина «О Благодати Христовой и о первородном грехе против Пелагия и Целестия» (*De gratia Christi et peccato originali*), II, 21.4.

⁶⁴ Пелагий – монах, живший во второй половине IV – начале V века. Келестий – его ученик. Проблематика пелагианства состояла не только в совершенном отрицании первородного греха и его воздействии на человека, но и в отрицании спасающей роли благодати и ее связи со свободной волей человека. Антропология пелагиан подготовила представления Просвещения о человеке в начале своего пути как о «чистой доске» (*tabula rasa*) и о том, что он «по природе добр» (Ж.-Ж. Руссо), что в свою очередь сформировало климат Французской революции 1789 года. О пелагианах и их ереси см.: *Welter G. Histoire des sectes chretiennes.* Paris: Payot, 1950. Новейшую литературу и детали спора см.: *Фокин Р.А.* Августин Блаженный // Православная Энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2000 - ...; Т. 1. – 2000. – С. 94, 95, 97, 102–104.

⁶⁵ Годы правления – 395–425. При нем Рим был захвачен готами в 410 году, а Западная империя начала разваливаться.

⁶⁶ Управлял Карфагенской церковью в 391–430 годах. Провел более двадцати соборов против пелагиан. О нем см.: *Фокин А.Р.* Аврелий // Православная Энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2000 - ...; Т. 1. – 2000. – С. 184.

⁶⁷ Тептенес. Другое название – Тебеста. Бизацена – юг современного Туниса.

⁶⁸ Изначальная посылка раннехристианского богословия – в том, что человек был создан посреди смерти и бессмертия и только за грех получил наказание в виде смерти. (Феофил Антиохийский I. «Книга к Автолику». Гл. 19; Мелитон Сардийский. «О Пасхе», 47–49). Пелагиане своим учением делали Бога виновником смерти (в противоречие со словами Писания: «Смерти Бог не сотворил» (Сир. 22, 33)) и, следовательно, зла.

⁶⁹ Раннехристианскую практику крещения во взрослом

возрасте (не имевшую, однако, тотального характера) пелагиане пытались осмыслить с антропологических позиций, как свидетельство невиновности человека во младенчестве. В противовес им блаженный Августин настаивал на практике крещения младенцев, постулируя изначальную греховность человека и привлекая свидетельства Писания, в т.ч. знаменитое место в *Послании к Римлянам* (5, 12–14): «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили. Ибо и до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона. Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея и над не согрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего». Вопрос и на Западе, и на Востоке ставился в объеме понятия «грех». Если восточная традиция, начиная со св. Ирины Лионского, акцентировала свободу воли человека и определяла первородный грех лишь как немощь и смертность, достигающую человека от праотца (см., в частности, *Жильсон Э.* Философия в средние века. М.: Республика, 2004. – С. 34), то, в немалой степени благодаря римским правовым понятиям и блаженному Августину, на Западе сформировалось представление о первородном грехе как о наследственно передаваемой вине. Крайности учения блаж. Августина оспаривались и на Западе, в частности преп. Иоанном Кассианом Римлянином.

⁷⁰ Подобные представления засвидетельствованы и для Византии IX–X веков. Например, в «Житии Василия Нового» говорится о некоем месте покоя, в котором живут некрещенные дети, не видя лица Господня. Возможно, что эта проблема была актуальна для современников Фотия. Не исключено, что лимб Дантова Ада является отголоском таких представлений.

⁷¹ Лев Великий, понтифик в 432–453 годах. Самый великий из пап V века и один из наиболее крупных богословов Запада этого времени, сформулировавший ряд положений Халкидонского ороса (определения веры). О нем см., в частности: *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Курс лекций. Нижний Новгород: Издательство Братства во имя св. князя Александра Невского, 2005 (глава XIX, «Папа Лев Великий и развитие идеи примата»). О его борьбе с пелагианами и взаимоотношениях с Проспером Аквитанским см. также: *James N.W.* Leo the Great and Prosper of Aquitaine: a Pope and his advisor // *Journal of Theological Studies, New series*, 44/2, 1993. – p. 554–584.

⁷² Римский папа, годы понтификата – 422–432. Основная богословская заслуга – поддержка св. Кирилла Александрийского на Эфесском соборе. Письмо, о котором идет речь, дошло до нас, см.: *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*, 50, col. 530.

⁷³ Блаженный Иероним Стридонский (350–420), переводчик Священного Писания на латынь, создатель Вульгаты, автор ряда сочинений: «О знаменитых мужах» (*De viris illustribus*) и др. Он вмешался в пелагианский спор против Пелагия. См. о нем: *Steinmann J.* Saint Jerome / *Trans. R. Matthews.* London: Geoffrey Chapman, 1959.

Евгений БЕТГЕР

«Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...»

*Ранние страницы истории Национальной библиотеки Узбекистана
имени А. Навои*

От редакции. Имя Евгения Карловича Бетгера (1887–1956) – одно из самых ярких в истории библиотечного дела Узбекистана*. Коренной ташкентец, он получил блестящее образование на историко-филологическом факультете Московского университета, историческом отделении философского факультета Гейдельбергского университета и на историко-филологическом факультете Киевского университета; кроме того, в 1924 году окончил арабское отделение Туркестанского восточного института. С 1917 года и до конца жизни Евгений Карлович работал в Туркестанской публичной библиотеке (впоследствии – Государственная публичная библиотека УзССР имени А. Навои, ныне – Национальная библиотека Узбекистана имени А. Навои). За четыре десятилетия работы в богатейшем книгохранилище он написал более 150 научных трудов и статей, прежде всего библиографического характера. Немалое практическое значение имели и имеют по сей день составленные им указатели к газете «Туркестанские ведомости» и к «Туркестанскому сборнику», к материалам статистических комитетов Туркестанского края и др.

Монография Е.К. Бетгера «Три четверти века культурной работы», подготовленная им к 75-летию библиотеки в 1945 году, до сих пор не опубликована и хранится в виде машинописной рукописи в отделе редких книг Государственной библиотеки Республики Узбекистан**. Ниже публикуется первая глава этого фундаментального труда, обозначенная автором датами «1867–1882», что совпадает с периодом генерал-губернаторства К.П. Кауфмана, по инициативе которого в Ташкенте была создана публичная библиотека. В последующих номерах редакция планирует продолжить публикацию этого замечательного труда по истории крупнейшей в Средней Азии публичной библиотеки.

* См. о нем подробнее: *Авшарова М.П., Виридарский М.С.* Евгений Карлович Бетгер (1887–1956 гг.): Очерк жизни и деятельности. – Ташкент, 1960.

** На титульном листе: «Е.К. Бетгер, кандидат исторических наук, ученый секретарь ГПБ УзССР. Три четверти века культурной работы. К 75-летию юбилею Государственной Публичной Библиотеки УзССР (1870–1945). Ташкент, 1945». На втором листе: «Памяти выдающихся знатоков средне-азиатской (так! – ВС) книги и подлинных друзей Библиотеки Н.В. Дмитровского, акад. В.В. Бартольда и Ибадуллы Адилова свой труд посвящает автор. Ташкент, май 1945 г.». Печатается по ксерокопии, хранящейся в личном архиве О. Илюшкиной.

Учреждение Туркестанского генерал-губернаторства в апреле 1867 года и назначение в июле того же года генерала К.П. Кауфмана на пост главного начальника вновь присоединенного к России края явились важнейшей вехой в дореволюционной истории среднеазиатских республик. Подчиненная Оренбургу т[ак] н[азываемая] Туркестанская область, отделенная от своего административного центра труднопроходимыми степями и песками, требовала радикального организационного переустройства и создания авторитетной власти, военной и гражданской, на месте. Эта власть и была вручена новому генерал-губернатору.

Ген[ерал] Кауфман, пользовавшийся большим доверием Александра II, был личностью весьма незаурядною и отличался несомненными административными и военными способностями. Он был вполне культурным и широко образованным человеком, военным инженером по специальности. С самого начала своей деятельности, едва приступив к выполнению своих генерал-губернаторских обязанностей, он совершенно отчетливо понял, какую громадную помощь в деле изучения и освоения только что приобретенной колонии может оказать книга. Отсюда у него родилась мысль о необходимости создания общественной библиотеки в административном центре Туркестана, каковым был намечен Ташкент. Это мероприятие, по-видимому, казалось новому генерал-губернатору одним из самых важных и первоочередных, так как Кауфман приступил к проведению его в жизнь с самых же первых своих шагов в Петербурге, где он провел несколько месяцев перед тем, как отправиться в Среднюю Азию.

Имея в виду положить начало ташкентской публичной библиотеке при содействии столичных ученых учреждений и книгохранилищ, Кауфман уже 16 августа 1867 года обратился с просьбой к министру народного просвещения, а также в Академию наук, Публичную Библиотеку, Географическое общество и Главный штаб с призывом о пожертвовании излишних для них дублетов книг научного содержания во вновь организуемое туркестанское книгохранилище¹. Просьба Кауфмана была встречена весьма сочувственно, и тогдашний управляющий министерством народного просвещения (он же директор Публичной Библиотеки) И.Д. Делянов предложил Академии наук, университетам и Археологической комиссии выделить для будущей ташкентской библиотеки как свои издания, так и дублеты из состоящих при них книгохранилищ. Все эти издания в течение ближайших лет были предоставлены в распоряжение Кауфмана для организуемого им книгохранилища и присланы в Ташкент, а некоторые университеты, [такие] как Харьковский, начали регулярно снабжать ташкентскую библиотеку своими вновь выходящими изданиями, делая это в течение нескольких лет. Первые тюки с адресованными библиотеке книгами прибыли в Ташкент зимой 1867-68 годов, правда, не совсем без приключений, связанных с малоудовлетворительным состоянием тогдашних туркестанских путей сообщения². Всего было получено таким образом несколько сот книг, которые и были сложены в кладовой при генерал-губернаторской канцелярии.

Приехав в Петербург после похода на Самарканд в 1868 году, Кауфман снова обратился в ученые учреждения невольской столицы с просьбой о книжных пожертвованиях в Ташкентскую публичную библиотеку. На этот раз это были Археологическое общество и Азиатский музей Академии наук. Оба они выделили свои издания по востоковедным вопросам и таким образом положили начало краеведческому отделу, со-

ставлявшему в продолжение всей истории библиотеки главнейшую ее научную ценность. Интересно, что в своем обращении в названные организации Кауфман вполне ясно и точно выразил свою мысль о необходимости концентрации в Ташкенте литературы по азиатским вопросам.

В том же 1868 году начали поступать в библиотеку и пожертвования от частных лиц. Из числа этих приношений заслуживает внимания превосходная коллекция собраний сочинений русских авторов, от Кантемира до Гоголя, в знаменитом смирдинском издании, ряд сочинений иностранных классиков в оригиналах и древних авторов во французских и немецких переводах, а также книги географического, исторического, филологического и естественно-исторического содержания. Всего в этом собрании было передано библиотеке до 400 томов. Этим ценным вкладом вновь организуемая библиотека была обязана судье П.П. Пукалову, который вскоре переселился в Туркестан и до 1884 года служил в Чимкенте и Ташкенте. В числе жертвователей необходимо указать и самого учредителя библиотеки, который имел обыкновение передавать в ее собственность все те издания, которые посылались ему, как генерал-губернатору, от авторов и издательств. На многих из этих книг мы находим надписи Кауфмана, передающие их в библиотеку, а на некоторых сохранились даже его собственноручные пометки, представляющие иной раз немалый исторический интерес³. Пожертвования в библиотеку делались время от времени и другими лицами, память о которых сохранилась в летописях Ташкентской библиотеки.

Не был забыт и такой источник комплектования, как покупка книг у частных лиц, хотя в условиях Ташкента конца 1860-х годов таких лиц было очень немного. К их числу принадлежал известный знаток азиатских вопросов, особенно же киргизских степей генерал А.К. Гейнс, располагавший довольно хорошо подобранной библиотекою, в которой было немало важных и редких сочинений по Средней Азии. Будучи в первые два года существования туркестанского генерал-губернаторства правителем кауфманской канцелярии, Гейнс после войны с Бухарою уехал вместе с Кауфманом в Петербург и более к своей должности не вернулся. Свои книги он поручил продать, и по распоряжению Кауфмана из их числа 450 томов были куплены за 784 руб. Известно также, что вслед за тем были приобретены у делопроизводителя канцелярии генерал-губернатора А.К. Лазарева книги по естествознанию и беллетристике, а у небезызвестного П.И. Пашино⁴ – 40 книг различного содержания.

В течение 2 лет, протекших с начала формирования библиотеки, к апрелю месяцу 1870 года собрано было таким образом для будущего книгохранилища всего около 2 200 томов, помещавшихся в генерал-губернаторской канцелярии. Зимой 1869/70 годов по распоряжению Кауфмана всем этим книгам была составлена первым ее заведующим Н.В. Дмитровским, тогда еще молодым библиофилом, подробная опись, просмотрев которую генерал-губернатор нашел, что с наличными книгами уже можно открыть публичную библиотеку. Тогда же Кауфман утвердил первые правила пользования библиотекой⁵.

В качестве помещения для библиотеки Кауфман предусмотрел часть будущего здания Химической лаборатории⁶, которое, однако, еще не было выстроено. Поэтому было решено библиотеку открыть временно в доме, где находилась канцелярия генерал-губернатора, принадлежавшем известному ташкентскому купцу Д.Н. Захо⁷.

Под библиотеку была отведена в нем небольшая комната площадью около 30 кв. м⁸.

О предстоящем открытии библиотеки было дано извещение в № 1 «Туркестанских ведомостей», вышедшем в свет 28 апреля 1870 года. Заметка озаглавлена «Общественная библиотека в Ташкенте». В ней, между прочим, сказано, что

в непродолжительном времени предполагается открыть в Ташкенте общественную библиотеку, основание которой положено было г. генерал-губернатором еще в 1867 году. Библиотека обещает быть особенно богатою сочинениями, касающимися стран Средней Азии. В числе ее книг находится несколько довольно редких изданий, относящихся к концу XVIII и к первым годам XIX столетий. Кроме книг, купленных по распоряжению г. генерал-губернатора в Петербурге, в состав публичной ташкентской библиотеки вошло также много книг из библиотеки... ген[ерал]-м[айора] Гейнса, а также книги и издания, пожертвованные библиотеке... В настоящее время в ташкентской библиотеке имеется уже более 2200 томов (до 1200 наименований). Кроме того, в библиотеке имеются отдельные сборники статей, относящихся до среднеазиатских ханств, Киргизской степи и вообще всего Арало-Каспийского бассейна и помещенных в разное время в журналах и других повременных изданиях; сборники эти куплены в числе книг генерал-майора Гейнса⁹.

Как необходимое пособие для пользования библиотекой и вообще для изучения материалов по Средней Азии библиотекарем ташкентской библиотеки Н.В. Дмитриевским составляется в настоящее время библиографический указатель всех книг, брошюр и статей о Средней Азии, помещенных в разное время в газетах, альманахах и сборниках и изданных отдельно¹⁰.

Вход в библиотеку – бесплатный, а за право брать книги на дом положена незначительная плата (6 р. в год).

О точной дате начала работы Ташкентской публичной библиотеки, к сожалению, сведений никаких нет. Неопределенное выражение «в непродолжительном времени», которое было употреблено в только что процитированной заметке «Туркестанских ведомостей», не было уточнено и в следующем, 2-м номере той же газеты от 21 мая 1870 года. В относящейся к библиотеке заметке по этому поводу сказано лишь, что «в конце мая откроется в Ташкенте публичная библиотека». О дне открытия библиотеки не сообщает, как это ни странно, и Н.В. Дмитриевский, ее первый заведующий и ее первый историк¹¹. Таким образом, если отнестись с доверием к заметке в № 2 «Турк[естанских] ведом[остей]» (а других источников никаких нет) и под «концом мая» разуместь шестидневку между 26 и 31 числами мая ст[арого] ст[иля], то открытие деятельности библиотеки придется отнести на какой-то день между 7 и 12 июня н[ового] ст[иля].

Столь важное в истории Ташкента событие, по-видимому, не сопровождалось никаким торжеством и прошло совершенно без всякой помпы. Н.В. Дмитриевский приписывает это малочисленности книг, притом в большинстве антикварного характера¹². Я думаю, что главную роль здесь играло более чем скромное и к тому же временное помещение. Тем не менее, новость эта быстро сделалась известной среди немногочисленного тогда русского населения и большого энтузиазма не вызвала. В делах библиотеки сохранились статистические сведения за первые 15 месяцев ее существования, из которых видно, что с конца мая 1870 по 1 сентября 1871 года абонентов было всего... 75 человек. Нечего и говорить, что все они были европейцы и принадлежали в

подавляющем большинстве к служилой интеллигенции, а именно: офицеров было 45, чиновников 19, купцов 5, духовных 2, военных писарей 2, учеников 1 и дам 1.

В доме Захо библиотека находилась лишь несколько месяцев, так как с осени 1870 года канцелярия генерал-губернатора перешла в собственное помещение, выстроенное для нее на нынешней ул. А. Тукаева, примерно там, где в нее упирается ул. Сталина¹³. Для библиотеки в этом доме была назначена столь же тесная комната, что и ранее, так что книги не умещались на полках, а заниматься в библиотеке стало совершенно невозможно. К тому же новое помещение оказалось сырым. Кауфман, лично осмотревший его весной 1871 года, остался им очень недоволен и решил выстроить для библиотеки специальное здание из двух комнат. По его собственноручному эскизу был сделан проект и составлена смета на 3½ тыс. руб.

Строительство это, однако, не состоялось, так как библиотеку по ходатайству Ташкентского общественного собрания, которое в это время строило свой дом и очень нуждалось в деньгах, решено было соединить воедино с клубом. С целью раздобыть средства, старшины собрания обратились к Кауфману с просьбой об отпуске собранию ссуды в 4000 руб. с тем, что в будущем клубном здании будут отведены две комнаты в распоряжение публичной библиотеки. Собрание обязывалось обеспечить последнюю мебелью, отоплением и освещением, а также прислугой, взамен чего члены клуба получали право бесплатного чтения библиотечной литературы. По отзыву первого историка библиотеки, вся эта комбинация была задумана лишь как средство получения денег, а Кауфман пошел на нее под воздействием «влиятельного лица» из своей канцелярии¹⁴. Помещение Общественного собрания было выстроено на нынешней ул. Ленина¹⁵ в том месте, где сейчас дубовая роща Дворца пионеров, напротив здания Наркомводхоза¹⁶.

Переход библиотеки в клубное помещение состоялся в ноябре 1871 года после временного закрытия ее по случаю ремонта генерал-губернаторской канцелярии. Об этом было возведено заметкой и объявлением¹⁷.

Симбиоз Публичной библиотеки и клуба оказался в высшей степени невыгоден для нее, так как со стороны правления Общественного собрания библиотека не встречала никакого содействия, испытывая в то же время ряд больших неудобств¹⁸. Совместное существование «благородного» собрания и библиотеки продолжалось несколько лет, несмотря на вопиющее несоответствие этих двух учреждений, так как тогдашний клуб ничего общего не имел с культурно-просветительными задачами и в нем подвизались за выпивкой и зеленым столом увековеченные Салтыковым «господа ташкентцы»¹⁹.

Ненормальность такого положения, а особенно обязанность бесплатно и без залогов снабжать книгами членов собрания в ущерб читателям, привели, наконец, к необходимости отделить Публичную библиотеку от клуба, тем более что к 1876 году библиотека сильно разрослась и имела уже более 4400 томов. Это решение зафиксировано в специальном приказе по краю от 9 декабря 1875 года за № 197, в котором сказано:

Ввиду крайне неудовлетворительного состояния Ташкентской публичной библиотеки, происходящего как от материальной ее обстановки, так и от внутренней органи-

зации... Библиотеку отделить от клуба и перевести в особое помещение с 1-го января будущего, 1876 года, наняв для того частную квартиру впредь до постройки отдельного приспособленного к данной цели здания²⁰.

Тогда же были опубликованы новые «Правила о Ташкентской публичной библиотеке», состоявшие из 17 параграфов и уточнявшие как пользование библиотекой, так и обязанности библиотекаря.

В результате приведенного приказа библиотека была переведена в два дома А.И. Глуховского из 3 и 7 комнат, оказавшихся также негодными для библиотечных целей²¹. Поэтому в 1877 году библиотеку пришлось переместить на новую квартиру, состоявшую из 9 комнат, в доме возле Кашгарской²². Таким образом, за первые семь лет своего существования библиотека оказалась уже в пятом помещении. В доме Е.В. Николаева она провела годы 1877–1882, несмотря на то, что местоположение ее было довольно отдалено от центральной части города, что «отбивало у многих охоту иметь дело с библиотекой»²³.

Комплектование библиотеки шло за эти годы довольно интенсивно. В первые годы деятельности ташкентского книгохранилища были куплены в значительном количестве книги у целого ряда лиц, в том числе сочинения по медицине и естествознанию у П.И. Хомутова, б[ывшего] студента С[анкт-]П[етер]б[ургской] медико-хирургической академии²⁴, архитектора С.В. Леханова, М.И. Бродовского, горн[ого] инж[енера] Д.К. Мышенкова и др. На эти приобретения было истрачено 1500 руб. Одновременно выписывались книги и из Петербурга, причем все списки приобретаемых изданий просматривались самим Кауфманом и им утверждались. Поступали в библиотеку книги и в качестве пожертвований. Так, сохранились сведения о некоем Н.А. Виноградове, который неоднократно присылал в нашу библиотеку довольно ценные книги на различных языках²⁵. В 1873 году библиотека получила крупный вклад от Главного штаба, именно 1726 наименований в 2838 томах на русском и различных европейских языках²⁶.

Особенно ценный дар поступил от него же в 1877 году, когда Библиотека Штаба прислала в ответ на просьбу Кауфмана от июля 1876 года 3242 тома (1974 названия) своих дублетов, в числе коих оказалось большое количество различных увражей XVI–XVIII веков на многих европейских языках, исторического, географического, филологического и главным образом военного содержания. Эта превосходная коллекция легла в основу нынешнего отдела старинных и редких книг Гос[ударственной] публ[ичной] библиотеки и представляет выдающийся интерес не только тем, что в ней имеются важнейшие военные труды XVII–XVIII веков, являющиеся классическими, вроде работ Вальгаузена, Кугорна, Вобана, Фридриха II и мн. других, но и благодаря тому, что в ней находятся 189 томов (39 названий) из библиотеки И.П. Липранди, приятеля Пушкина в кишиневский период его жизни. Книгами Липранди великий поэт нередко пользовался²⁷. Одна из этих книг, находящаяся в Гос[ударственной] публ[ичной] библиотеке, несомненно побывала в руках Пушкина²⁸. К 1882 году общее число томов, которыми располагала библиотека, равнялось 10½ тысячам и они составляли около 5 500 названий²⁹.

Средства, коими располагала Ташкентская публичная библиотека, были в эту эпо-

ху крайне незначительны. На доходы, получаемые от читателей за чтение книг, невозможно было окупить даже расходы на выпуск новых книг и журналов. С 1872 по 1880 годы доходы эти составили в общей сложности 2350 руб. По-видимому, библиотека не была в состоянии привлечь достаточного количества читателей: «господа ташкентцы», как кажется, не очень любили читать. Наибольшее число подписчиков за этот период пришлось на 1878 год и достигло 182 человек. В 1880 году было выдано 6030 томов. В читальне при библиотеке пользовались книгами и периодикой в среднем по 20 чел[овек] в день. На содержание библиотеки в начале 80-х годов отпускалось из так называемого земского кредита 3800 руб., из коих 800 руб. составляла зарплата единственного библиотекаря, 500 руб. тратилось на приобретение литературы и 2500 руб. – на наем помещения, отопление, освещение и на зарплату сторожу³⁰.

Кауфман сознавал недостаточность средств, отпускаемых библиотеке, и уже в проекте положения об управлении Туркестанским краем 1871 года предусматривал соответствующие ее нуждам ассигнования. Интересно, что проект 1871 года, проходивший множество инстанций, встретивший большую оппозицию и так и не утвержденный при жизни Кауфмана, вызвал критику и в вопросе о библиотеке. Так, в одной из столичных газет можно было прочесть, что на библиотеку, состоявшую в то время из 3723 томов, со времени ее организации истрачено уже около 40 тыс. [рублей] казенных денег, а дохода от нее за первый год ее существования было всего 100 руб. с небольшим, собранных с 75 человек. Газета делает на этом основании вывод, что не стоит «казне тратить суммы на учреждение, столь незначительное по своему значению и, очевидно, вовсе не вызываемое действительными потребностями»³¹. Как видим, довольно-таки меркантильные взгляды петербургской бюрократии на Туркестан и на его нужды резко расходились с планами и намерениями генерал-губернатора. Последний значительно шире понимал культурные потребности вновь осваиваемого края, и внимание, проявлявшееся им по отношению к библиотеке, по сравнению со всеми последующими начальниками края, кажется исключительным. Чрезвычайно характерен с этой точки зрения рассказ Н.В. Дмитровского о том, как Кауфман запретил ему уничтожать некоторые полученные в библиотеке иностранные книги или покрывать в них «неблагонадежные» места типографскою краскою, что библиотека обязана была сделать в силу специального циркуляра министерства иностранных дел³².

Особенно следует подчеркнуть роль Кауфмана в деле создания знаменитого «Туркестанского сборника» – этого превосходного собрания разнообразнейших материалов по Средней Азии и сопредельным странам, составленного известным русским библиографом В.И. Межовым и являющегося до наших дней незаменимым источником для колониальной истории Узбекистана и всех остальных среднеазиатских республик. Кауфман поручил эту работу Межову еще в 1868 году, т.е. тогда, когда, будучи в Петербурге, он вел переговоры о книгах для ташкентской публичной библиотеки, в дополнение к которой и был запроектирован «Сборник»³³. Вполне разделяя точку зрения «библиографа эпохи развития капитализма в России»³⁴, что «бесполезность библиографических указателей в тех местностях, где нет больших книгохранилищ, делается еще более ощутительной, когда эта местность, подобно Туркестанскому краю, удалена на несколько тысяч верст от центра»³⁵, Кауфман и решил создать эту монументальную и оригинальную «энциклопедию» по среднеазиатским вопросам.

Задуманный, понятно, в целях облегчения эксплуатации только что присоединенного края, «Туркестанский сборник» оказался, тем не менее, объективно ценнейшим вкладом в науку и едва ли имеет себе равных в других областях СССР³⁶.

К тому же периоду относится и создание не менее известного «Туркестанского альбома». Он был первоначально задуман с «целью охарактеризовать бытовую жизнь оседлого и кочевого населения Туркестанского края», как об этом сообщает официальный приказ Кауфмана от 22 мая 1871 года № 87³⁷. Составление его было поручено ориенталисту А.Л. Куну, которому было предписано производить снимки «на улицах, базарах и площадях городов, в аулах и кочевьях, и в окрестностях оных». Административные лица на местах обязывались оказывать Куну необходимое содействие. В процессе работы Кун, однако, расширил поставленные перед ним задачи, вследствие чего в «Альбом» вошли снимки не только этнографического характера, но археологического и исторического, дающие представление о первых шагах русских завоевателей в Туркестане и о тех памятниках древней узбекской культуры, которые они застали на местах³⁸. «Туркестанский альбом» имеет крупнейшее научное значение, как несравненное свидетельство о состоянии, в каком находились 70 лет тому назад древние архитектурные сооружения, многие из которых сильно пострадали и изменились за эти годы, а некоторые и вовсе перестали существовать. Таким же образом в «Альбоме» запечатлены типы народностей б[ывшего] Туркестана и их быт, многие стороны которого уже бесследно исчезли и более неповторимы. Вместе с «Туркестанским сборником» «Туркестанский альбом» является гордостью Гос[ударственной] публичной библиотеки и служит объектом непрерывного и внимательного изучения многих и многих научных работников.

В течение описываемого периода библиотека управлялась единолично заведующим, при постоянном, однако, наблюдении со стороны высшей власти в крае. Сознавая, что при этих условиях библиотека успешно развиваться не может и в ее жизни должны принять какое-то участие общественные силы со стороны, Кауфман приказом за № 259 от 31 октября 1876 года учредил особую комиссию

для представления соображений относительно пополнения новыми сочинениями ташкентской публичной библиотеки, а также для составления общего отчета о настоящем ее положении³⁹.

В состав этой комиссии вошли, между прочим, В.Ф. Ошанин, тогдашний директор школы шелководства, впоследствии блестящий исследователь Туркестана и известный русский ученый-натуралист, и уже упоминавшийся П.И. Хомутов, крупный туркестанский деятель конца XIX и начала XX столетия. Самый выбор этих лиц показывает, какое значение библиотеке продолжал придавать ее учредитель спустя шесть лет после ее открытия. В 1879 и в последующие годы комиссия эта работала под председательством весьма видного лица в старом Туркестане – Н.П. Остроумова. В ее состав входили также Н.К. Емельянов (впоследствии заведующий библиотекой) и М.А. Миропиев (впоследствии директор Туркест[анской] учительской семинарии, автор книги «О положении русских инородцев», СПб., 1901, и др. работ)⁴⁰. Комиссия эта обследовала библиотеку осенью 1880 года и внесла целый ряд предложений для улучшения ее состояния, которые, однако, не все были приведены в исполнение⁴¹.

Чтобы закончить обзор первого, «дореформенного», по выражению Н.В. Дмитровского, периода истории библиотеки, следует сказать об отношении ее к восточным рукописям, которые играли в культурной жизни узбекского народа громадную роль <...> В числе рассеянных по стране манускриптов было немало и редких сочинений, главным образом по истории и литературе, являвшихся нередко исключительными источниками для изучения прошлого Средней Азии. Представители тогдашней русской интеллигенции уже в самые первые годы после завоевания обращали внимание на те или иные ценные рукописные сочинения и документы, но не поднимали голоса за сохранение их в пределах Туркестанского края⁴². Одиноко прозвучало и не встретило поддержки мнение Д.М. Граменицкого, судьи по профессии и ориенталиста по образованию, который отстаивал мысль о превращении ташкентского книгохранилища исключительно в краеведческую и востоковедческую библиотеку и о создании при ней музея среднеазиатских древностей. При этих только условиях «изучение Средней Азии в историческом отношении, представляющее необыкновенный интерес, стало бы на твердую почву»⁴³.

К сожалению, все, что находилось интересного в отношении восточных манускриптов, не собиралось в Ташкентской публичной библиотеке, а отправлялось в Петербург <...>. 253 рукописи поступили от Кауфмана в б[ывшую] Императорскую публичную библиотеку после искиндер-кульского, бухарского, хивинского и коканского походов, в том числе прославленный Коран Османа, отправленный министру народного просвещения в 1869 году⁴⁴.

Примеру Кауфмана подражали и подчиненные ему лица⁴⁵, и таким образом из края уходили выдающиеся ценности, найденные в его городах и весях <...>. Но зато «устроитель Туркестанского края» был избран почетным членом Императорской публичной библиотеки, что должно было еще более поощрить его к действиям, по существу резко расходившимся с общим направлением его библиотечной политики. Дело в том, что мы имеем сведения о том, что в Проекте положения об управлении Туркестанским краем 1871 года Кауфман предусмотрел наряду с библиотекой и центральный архив и т.н. драгоманат⁴⁶. Первый должен был, между прочим, собирать и восточные документы, а последний – не только готовить кадры переводчиков, но и доставить возможность ученым разбираться в книгах и рукописях на восточных языках⁴⁷. Как известно, эти планы Кауфмана потерпели фиаско⁴⁸, и, быть может, под влиянием этого он не озаботился о концентрации рукописей в Ташкенте, где ими почти никому было заняться. Во всяком случае, до нас не дошли сведения о собирании ташкентской библиотекой восточных рукописей в рассматриваемую эпоху. Они попадали в нее лишь для временного хранения перед отправкой в Петербург⁴⁹.

За описываемые годы библиотекарями Ташкентской публичной библиотеки были два лица: неоднократно упоминавшийся уже Николай Васильевич Дмитровский⁵⁰ – с момента открытия библиотеки до 14 июля 1872 года – и сменивший его контрольный чиновник Виктор Викторович Чуйко (до января 1884 года). Интересно, что несмотря на перемещение Н.В. Дмитровского на более высокую должность, за ним оставался главный надзор за библиотекою⁵¹. Он играл в истории библиотеки значительную роль и не порывал с нею в течение всей своей жизни (умер в 1910 году). Он был членом ее наблюдательного комитета, автором библиографических

указателей, целого ряда статей о библиотеке и ее фондах, монументального и превосходного по исполнению «Каталога книг русского отделения Туркестанской публичной библиотеки», неутомимым библиофилом и прекрасным знатоком литературных материалов о Средней Азии, которые он тщательно собирал и хранил. Многие из его материалов попали в библиотеку и значительно содействовали обогащению ее краеведческого фонда.

1882 год оказался роковым в жизни библиотеки. 4 (16) мая умер после 14-месячной болезни разбитый параличом Кауфман, и его пост с 8 октября занял новый генерал-губернатор – М.Г. Черняев. С его именем связана самая мрачная страница истории библиотеки, когда она была закрыта на целый год и едва избежала окончательного уничтожения⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На этом основании Н.А. Буров считает названную дату временем учреждения Библиотеки, а время ее открытия находит второстепенным моментом (см. его статью в сборнике [посвященном] В.В. Бартольд. Ташк., 1927, с. 122-124). Вряд ли можно согласиться с этим мнением, так как до 1879 г. в Библиотеке не было *читателей*, без чего ее и нельзя считать библиотекой.

² Подробности см. у Н.В. Дмитровского: Двадцатипятилетие Туркестанской Публичной Библиотеки // Турк[естанские] ведом[ости], 1895, № 38 (подписано Н. Дм.). Статья эта, к сожалению, неоконченная, послужила одним из важнейших материалов для настоящего очерка.

³ См. об этом в моей заметке о Филиппе Назарове (Правда Востока, 1935 г., № 5).

⁴ Автора одной из первых книг, описывающих Туркестан после его завоевания (Туркестанский край в 1866 году. СПб., 1868).

⁵ Они приведены в цит. статье Н.В. Дмитровского (Турк[естанские] вед[омости], 1895, № 34).

⁶ См.: Турк[естанские] вед[омости], 1870, № 2.

⁷ Захо был одним из наиболее известных предпринимателей тогдашнего Ташкента. Обрусевший грек, он начал в Ташкенте в 1868 году с маленькой табачной лавочки; к концу века он уже возглавлял торговый дом, которому принадлежал целый квартал в центре города, несколько гостиниц и ресторан (см.: *Голендер Б. Мои господа ташкентцы*. Т., 2007, с. 124). На протяжении 15 лет Захо также являлся бессменным церковным старостой и активным жертвователем Пантелеимоновской Госпитальной церкви, на месте которой стоит сегодня Свято-Успенский кафедральный собор. (Прим. ВС.)

⁸ В каком именно месте находился этот дом, мне, к сожалению, неизвестно. Весьма возможно, что он был расположен где-то в районе нынешних ул. Карла Маркса и Кирова, вероятно, там, где сейчас двухэтажное здание гастронома (ныне – ул. Таракиёт и Ататюрка; «гастроном» – бывший «Магазин Д.Н. Захо», снесенный после землетрясения 1966 года. – Прим. ВС.)

⁹ Утверждение Н.В. Дмитровского о том, что сборни-

ки Гейнса «были куплены не библиотекой, а другими лицами» (Турк[естанские] вед[омости], 1895 № 34), опровергается наличием в Библиотеке в настоящее время по крайней мере двух подобных сборников со штемпелем «Из книг А.К. Гейнса». Они стоят в шкафу с «Туркестанским сборником» под №№ 620 и 626. Другие аналогичные сборники поступили, по словам того же Н.В. Дмитровского, от Кауфмана незадолго до открытия Библиотеки и составлены б[ывшим] управляющим казенною палатою, хорошо известным в свое время в Ташкенте С.А. Идаровым (Турк[естанские] вед[омости], 1895, № 34). Этих сборников, содержание которых помещено на внутренней стороне переплета рукой самого Идарова, сохранилось шесть (шкаф «Туркест[анского] сборника» №№ 617, 619, 621, 622, 624, 625). Н.В. Дмитровский характеризует их как «единственный в то время материал для ознакомления с краем». Они представляют собою несомненный прототип межовского «Туркестанского сборника», и я не ошибусь, если выскажу предположение о том, что именно идаровские сборники внушили Кауфману мысль о создании «Туркестанского сборника», который был составлен В.И. Межовым по его инициативе.

¹⁰ Имеется в виду «Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русском языке, с 1692 года» (Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник под ред. Н.А. Маева. Вып. III. СПб., 1874, с. 181-250.)

¹¹ См.: Турк[естанские] вед[омости], 1895, № 33.

¹² См.: Турк[естанские] вед[омости], 1895, № 34.

¹³ Ул. А. Тукаева – ныне А. Тукая, ул. Сталина – академика Сулеймановой. (Прим. ВС.)

¹⁴ По всей вероятности, А.И. Гомзина, тогдашнего правителя канцелярии.

¹⁵ Ныне улица Буюк Турон. (Прим. ВС.)

¹⁶ До революции там помещалась Туркестанская контрольная палата. (Ныне на этом месте станция метро «Мустакиллик» – прим. ВС.)

¹⁷ Турк[естанские] вед[омости], 1871, № 41.

¹⁸ Подробности у Дмитровского (Турк[естанские] вед[омости], 1895, № 37).

¹⁹ Ср[а]в[ни]: *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Ташк[ент], 1912, с. 255.

²⁰ Турк[естанские] вед[омости], 1875, № 51.

²¹ Где находились эти дома, мне установить не удалось.

²² В этом пункте имеется разногласие между Н.В. Дмитровским и А.И. Добросмысловым. У первого ничего не говорится о домах Глуховского. По его словам (см. Турк[естанские] вед[омости], 1895, № 37), в дом Николаева Библиотека перешла непосредственно из клуба. О пребывании ее в домах Глуховского пишет один Добросмыслов (цит. место), и этому можно верить, так как он составлял свой труд на основании архивных материалов и дел и сообщений Н.В. Дмитровского (*Добросмыслов [А. И. Указ. соч.]*. С. 258).

²³ Выражение Н.В. Дмитровского (см. Турк[естанские] вед[омости], 1895, № 37).

²⁴ Он был исключен из Академии по политическим причинам, служил всю жизнь в Туркестане и умер в должности помощника губернатора в 1908 году. Широко и всесторонне образованный человек, он известен как автор нескольких переводов.

²⁵ См. заметку библиотекаря В.В. Чуйко (Турк[естанские] вед[омости], 1872, № 44).

²⁶ См.: Туркестанский календарь на 1880 год. Сост. В. Пьянков. Ташк., 1879, с. 132.

²⁷ См. об этом в моей работе «Коллекция книг из собрания И.П. Липранди в Туркестанской Государственной Библиотеке» // Сборник в честь проф. А.Э. Шмидта. Ташк., 1923, с. 14-23, 158-159.

²⁸ Ср[а]в[ни]: *Гроссман Л.Н.* Пушкин. М., 1939. На С. 296-297 фронтиспис и тит[ульный] лист книги Нордберга «Жизнь Карла XII. Ч. 1». Пушкин же пользовался второй частью. См.: *Липранди И.П.* Из дневников и воспоминаний // Русск[ий] архив, 1866, С. 14-64.

²⁹ См.: Проект всеподд[аннейшего] отчета К.П. Кауфмана. С. 125.

³⁰ Там же.

³¹ Передовая «С[анкт-]П[етер]б[ургских] Ведомостей», 1874 г., № 181.

³² Турк[естанские] вед[омости], 1875, № 34.

³³ Ср[а]в[ни]: Предисловие Межова к 1 тому «Туркестанского сборника».

³⁴ Так его именует Н.В. Здобнов в своей работе о Межове (Советская библиография, 1936, № 1(13), с. 15-34).

³⁵ Предисловие Межова к 1-му тому «Турк. сборника».

³⁶ Ср[а]в[ни], напр., отзыв акад. Миддендорфа в его книге «Очерки Ферганской долины». СПб., 1882. С. IV.

³⁷ Турк[естанские] вед[омости], 1871, № 19. Ср[а]в[ни]

также письмо Кауфмана директору С[анкт-]П[етер]б[ургской] Публичной Библиотеки // Турк[естанские] вед[омости], 1874, № 48.

³⁸ Содержание «Альбома» и подробности о нем – в статье Л.К.Ю. (*Дмитровский Н.В.*) «Туркестанский альбом» К.П. Кауфмана // Турк[естанские] вед[омости], 1899, № 36 и у В.В. Стасова: Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публ[ичной] Библиотеки. Собр. соч., т. II, с. 862-914. СПб., 1899.

³⁹ Турк[естанские] вед[омости], 1876, № 45.

⁴⁰ *Михаил Алексеевич Миропиев* (1852–1919) – этнограф. С 1886 года преподавал историю и географию в Ташкентской учительской семинарии. С 1888 года – директор семинарии. (Прим. ВС.)

⁴¹ См.: Остроумов Н.П. Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания (1877–1881). Ташк., 1899, с. 169-171.

⁴² Ср[а]в[ни], напр., заметку «Древние рукописи в Самарканде», Турк[естанские] вед[омости], 1870, № 3; статью М. Ростиславова «Несколько слов о важности вакуфных документов в историческом отношении» – там же, 1873, № 42; статьи Н.Н. Пантусова «Архив коканского хана», – там же, 1876, № 12, и «Описание наиболее замечательных восточных рукописей из числа приобретенных ген.-лейт. Г.А. Колпаковским в г. Коканде», – там же, 1878, №№ 28 и 37.

⁴³ Г. (*Граменицкий Д.М.*) Заметка о Ташкентской публичной библиотеке // Турк[естанские] вед[омости], 1875, № 20.

⁴⁴ См.: Коран Османа. Турк[естанские] вед[омости], 1870, № 1; Императорская Публичная Библиотека за 100 лет. СПб., 1914, с. 346-7. О пожертвованиях Кауфмана в Императорскую Публ[ичную] Библиотеку см. там же, с. 351. Отчеты Императорской Публ[ичной] Библиотеки за 1874 г., с. 72-92; за 1875 г., с. 141; за 1876 г., с. 168; за 1877 г., с. 164, и за 1878 г., с. 147.

⁴⁵ Ср[а]в[ни], напр., Отчет Императорской Публ[ичной] Библиотеки за 1869 г., с. 93 (№ 17).

⁴⁶ Переводческое бюро (от «драгоман» – официально назначенный переводчик и посредник между азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. (Прим. ВС.)

⁴⁷ См. цитир. передовую «С[анкт-]П[етер]б[ургских] ведомостей» за 1874 г., № 181.

⁴⁸ См.: Кауфманский сборник, С. LXXV-LXXVI, примеч.

⁴⁹ Как это было, напр., со 130 рукописями, собранными Н.Н. Пантусовым в Коканде (см.: Турк[естанские] вед[омости], 1876, № 16. Изв[естия] и зам[етки]).

⁵⁰ О нем см.: *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Ташк., 1912, с. 274; Николай Васильевич Дмитровский // Турк[естанские] вед[омости], 1910, № 279.

⁵¹ Приказ по краю № 129 // Турк[естанские] вед[омости], 1872, № 25.

⁵² См. об этом: *Бабаджанов Б.* Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черняева. ВС, № 3 (XXVII), с. 63-72. (Прим. ВС.)

Рубен НАЗАРЬЯН

«Идя навстречу нуждам Самарканда...»

Самаркандская областная библиотека имени Пушкина

В последние десятилетия XIX века русскоязычные жители Самарканда стали выписывать, получать и подвергать придирчивому анализу публикации петербургских и московских газет и журналов. Особенно пристрастно относились они к статьям, касающимся жизни их родного города. Самарканд в то время частенько присутствовал на страницах как русской, так и европейской прессы. Это было связано не только с его историей и наличием всемирно известных архитектурных памятников, но и с тем, что город стал конечным пунктом Закаспийской железной дороги. Новая действительность постепенно преображала некогда блестящую столицу империи Тимура, влачившую ныне судьбу захудалого провинциального поселения. Вместе с тем рождались и новые легенды.

Многочисленные путешественники, побывавшие здесь и «увековечившие» свои впечатления в прессе, и бойкие столичные журналисты нередко создавали у читателей совершенно мифологическое представление о Самарканде. Историк и этнограф И. Гейер, обозревая российскую прессу, писал:

Нам, туркестанцам, всегда очень больно читать в большой печати статьи, внушающие неверные представления о нашем крае, ибо они вводят публику в заблуждение, а нам было бы так полезно, чтобы о нас знали хоть немного, но верно» («Туркестанские ведомости», 1897, № 63)...

Мысль эта, как представляется, актуальна и ныне. Не только приезжий люд, но и многие самаркандцы имеют весьма поверхностное представление не только о древней, но и не слишком далекой от нас истории этого славного города. Публикуемый здесь рассказ об одном из уникальнейших сооружений европейской части Самарканда, хочется думать, обогатит и расширит кругозор наших читателей...

С конца девятнадцатого века Самарканд, бывший ранее одним из очагов местной, среднеазиатской культуры, становится и важным центром европейской цивилизации в Туркестанском крае. Помимо промышленных предприятий, банков и страховых контор, здесь стали появляться типо- и литографии, начали издаваться газеты и книги.

Российские офицеры, находясь вдали от привычной культурной среды, испытывали интеллектуальный голод. Это и заставило их создавать в Самарканде благотворительные и музыкально-драматические общества, клубы по интересам и, конечно

же, батальонные библиотеки. Именно армейские книгохранилища и стали первыми заведениями подобного рода не только в Самарканде, но и во всех других городах Туркестанского края.

Позднее, в связи с бурным развитием промышленности и появлением железной дороги, связавшей Самарканд не только с Закаспием и Закавказьем, но и с городами Центральной России, в городе значительно увеличился процент гражданского населения. Чиновники и купечество, священнослужители и мещане, а также вышедшие в отставку и поселившиеся на льготных условиях в Самарканде нижние воинские чины из различных губерний России тоже нуждались в удовлетворении своих культурных запросов.

В четырех последних номерах самаркандской газеты «Окраина» за 1893 год была опубликована пространная статья Юрия Якубовского* под названием «Что и как читают на наших окраинах». Начав с того, что выписывать книги из России и других европейских стран могут позволить себе далеко не все желающие из-за «дороговизны почтовых пересылок», автор статьи констатировал, что лишь некоторые состоятельные самаркандцы заказывают себе «очень дорогие, роскошные» фолианты, а остальной люд довольствуется самыми «дешевыми изданиями Павленкова или Суворина». Что же касается периодических изданий, то они «выписываются в большом количестве батальонными библиотеками, общественными и военными собраниями, учебными заведениями и очень многими частными лицами». Особым спросом самаркандских читателей пользовались тогда такие издания, как «Вестник иностранной литературы», «Вестник Европы», «Вокруг света» и «Родина».

Далее Якубовский сообщал, что Самарканд получает 164 периодических издания в 884 экземплярах. Однако же делал при этом следующие примечания:

При 2076 грамотных человек (не считая войск) в Самарканде получается 884 экземпляра периодической печати на 3,3 человека, но включая сюда неграмотных – 2130, всего 4206, тогда 1 экземпляр придется на 4,8 («Окраина», 1893, № 142).

Обратился автор публикации и к описанию книжных фондов 15 городских библиотек, «включающих в себя 6981 название в 11276 томах, с комплектом полных собраний сочинений всех русских классиков и корифеев иностранной литературы». Самой богатой и солидной оказалась библиотека Офицерского собрания – 95 наименований и 1200 экземпляров. Несколько уступала ей библиотека Общественного собрания: будучи более разнообразной по составу (300 наименований), она включала всего 420 томов. Библиотека областного Статистического комитета имела 285 томов (150 наименований). Остальные библиотеки Самарканда располагали значительно меньшим количеством изданий.

«Книжная» тема была продолжена несколько позже и в статье известного в Туркестане государственного и общественного деятеля, востоковеда Н.С. Лыкошина «Детское чтение», опубликованной в той же газете «Окраина». Автор ее предлагал не просить средств у областной администрации, а создать общедоступную библиотеку на общественных началах, фондами которой могли бы пользоваться даже дети, не обучающиеся в учебных заведениях города. Он призывал создать этот фонд в порядке благотворительности из имеющихся в распоряжении читающих горожан книг.

* О Юрии Осиповиче Якубовском (1857–1929), заметной фигуре в культурной жизни Самарканда и Ташкента конца XIX – начала XX веков, корреспонденте Льва Толстого, см.: Назарьян Р. Юрий Якубовский, туркестанский знаемец Льва Толстого // ВС, 2012, № 1 (XXV). С. 104–115. (Прим. ВС.).

Однако для создания библиотеки требовалось здание, построить которое только на благотворительные средства было сложно. Здание было необходимо и для открытого в Самарканде в 1896 году музея, помещавшегося в непригодном помещении. И потому в начале 1899 года в ведение областного Статистического комитета, которому подчинялся музей, было передано здание бывшей почтовой конной станции, с тем, чтобы разместить в нем упомянутый музей.

Видимо, кого-то из администраторов осенила тогда счастливая мысль объединить в одном здании музей, читальню и библиотеку. Вняв этому предложению, власти, предварительно заручившись согласием главного начальника Туркестанского края, поручили составить эскизный проект учреждения местному инженеру М.В. Ижицкому-Герману. Вскоре проект и смета этого здания, которое должно было объединить под одной крышей общественную библиотеку, читальню и музей, были готовы. Построить его планировалось из сырцового кирпича, площадью 309 квадратных саженей (около 700 квадратных метров): оно должно было включать в себя пять комнат, отводимых под музей, две комнаты для библиотеки и зал на 300 мест. Проект тогда же был послан на утверждение в Ташкент с сопроводительным письмом следующего содержания:

Военный губернатор Самаркандской области
Областное правление
Отдел строительства
22 июня 1901 года
г. Самарканд

Господину Туркестанскому генерал-губернатору

РАПОРТ

Ваше Высокопревосходительство изволили разрешить составить проект и смету на постройку в Самарканде на городские средства здания для музея, библиотеки, читального зала для народных чтений. Представляя на одобрение Вашего Высокопревосходительства эскиз предполагаемого здания, имею честь доложить, что вся постройка обойдется приблизительно около 38000 рублей и предполагается к выполнению по частям в течение трех лет:

в первый год – на 19800 рублей
во второй год – на 12155 рублей
на третий год – на 6570 рублей.

Военный губернатор генерал-лейтенант Н. Иванов*.

Глава края, ознакомившись с рапортом, передал его ответственному чиновнику по строительной части при своей канцелярии Вильгельму Гейнцельману**. Однако Гейнцельман, уже имевший опыт строительства подобных сооружений (он был автором проекта и сметы строительства Публичной библиотеки в Ташкенте), нашел недоработки в самаркандском проекте и предложил взамен ему два своих эскиза. В первом из них была в целом сохранена идея Ижицкого-Германа, второй же вариант Гейнцельма-

* Этот и другие документы, приводимые в статье, хранятся в фондах архива Самаркандского государственного историко-художественного музея-заповедника; к сожалению, по ряду технических причин автор не может привести архивные шифры этих документов.

** Вильгельм Соломонович Гейнцельман (1851–1922) – архитектор и инженер, глава строительного ведомства Туркестанского края в 1878–1908 годах, по проектам которого в Ташкенте было построено немало зданий, например, здание Казенной палаты и дворец Великого князя Николая Константиновича (последний – совместно с А.Л. Бенуа). В.С. Гейнцельман служил чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе и курировал все строительные работы в Туркестане.

на был совершенно иной: обособленные группы помещений для каждого учреждения композиционно объединялись просторным вестибюлем, предусматривалась также возможность расширения здания в сторону двора. Вильгельм Соломонович предусмотрел даже очередность строительства: в первую очередь предлагалось возвести вестибюль и музей, затем библиотеку с книгохранилищем, помещением для выдачи книг и читальней и лишь в третью очередь – зал для народных чтений.

Именно этот, второй, вариант проекта и был направлен генерал-губернатору Туркестанского края. Одобрив его в целом, генерал Н.А. Иванов в своей резолюции на представленном докладе от 9 ноября 1901 года резюмировал:

Ввиду недостатка городских сумм производить громадные расходы, как то желает Самаркандская администрация, невозможно сразу. Но, идя навстречу нуждам Самарканда, я согласен на постепенное осуществление предложения и на первый раз могу разрешить приступить к возведению здания музея, как более необходимого, для чего и поручить строительному отделу составить и представить мне правильную смету применительно к эскизу, составленному В.С. Гейнцельманом.

В последние дни того же года проект был отослан в Самарканд. Однако местные чиновники проект В.С. Гейнцельмана приняли в штыки и, невзирая на повеление главного начальника края о начале строительства, отвергли его. В одном из номеров ташкентской газеты «Туркестанские ведомости» за 1902 год появилось сообщение самаркандского корреспондента, гласившее, что

городское управление г. Самарканда недавно провалило вопрос о постройке здания для музея, библиотеки и народных чтений вместе с народным театром, хотя общественной библиотеки у нас нет.

Надо полагать, что проявленные самаркандцами дерзость и строптивость не могли остаться незамеченными верховными властями Туркестана, и потому вопрос о строительстве столь необходимого для города сооружения был надолго заморожен. Вернулись к нему лишь в 1910 году по инициативе Г.М. Сваричевского*, чиновника по особым поручениям при новом генерал-губернаторе края, по проектам которого в Самарканде ранее уже было возведено несколько престижных зданий. Этот талантливый архитектор, внося некоторые коррективы в эскиз В. Гейнцельмана, сумел убедить главу Туркестана в необходимости строительства сооружения, названного им Народным домом.

Проект и смета здания были утверждены генерал-губернатором С.М. Духовским 22 июня 1910 года. Самаркандские чиновники смирились и на сей раз уже не возражали. Был создан специальный наблюдательный комитет по постройке здания, в который вошли известные и авторитетные люди – секретарь областного статистического комитета А.И. Цекулин, Е.М. Вольнов, агроном Ю.Н. Глушановский, директора мужской и женской гимназий В.Д. Крымский и А.Е. Николаев, Д.Л. Александров, Ю. Бржезицкий, В. Вяткин и П. Лебедев. Руководить строительством поручили областному архитектору И.П. Лебедеву. Примечательно, что здание библиотеки еще только строилось, но уже был принят ее устав. Была даже установлена плата «за чтение книг и журналов – 75 копеек в месяц за неуказанное количество». И вводились ограничения: «Членами библиотеки и читальни не могут быть учащиеся средних и низших учебных заведений и нижние чины, находящиеся на действительной военной службе».

* Георгий Михайлович Сваричевский (1871–1936) – известный ташкентский архитектор, профессор, один из основателей Ташкентского университета.

Когда в самом конце XIX века планировали строительство библиотеки по проекту инженера Ижицкого-Германа, место под нее было выделено на пустовавшей западной окраине города – новой улице, названной, в честь генерала Черняева, Черняевской (после революции – ул. Энгельса). Десятилетие же спустя, когда сооружение здания началось, границы европейской части города значительно расширились и библиотека оказалась в центре Самарканда.

Утвержденный проект «Народного дома», как стали именовать его в официальных документах, предусматривал строительство зала Народного театра, музея и библиотеки с читальней. Однако осуществить удалось лишь первую очередь – корпус библиотеки и читальни вдоль Черняевской улицы. Официально строительство было завершено в конце 1911 года, о чем сообщили «Туркестанские ведомости» («Наш город украсился новым красивым зданием библиотеки и музея на Черняевской улице»). Об этом же свидетельствует документ из архива Государственного музея истории и культуры Узбекистана под названием «Об открытии в г. Самарканде 6 декабря 1911 года городской публичной библиотеки и при ней читальни во вновь выстроенном здании на углу Черняевской и Верещагинской улиц» (ныне – улицы Махмуда Кашгари и Амира Тимура).

Первые книги поступили в новую библиотеку в виде добровольных пожертвований от областного статистического комитета, Ташкентской публичной библиотеки и частных лиц – краеведа В.Л. Вяткина, генеральши А.П. Григоровой, наследников самаркандского мещанина М.Н. Донцова. С местным книготорговцем И.Ф. Косцовым был заключен договор о поставке книг в библиотеку. Штат этого учреждения состоял первоначально из четырех человек: заведующего (с годовым окладом 720 рублей), библиотекаря (480 рублей), служителя (240 рублей) и дворника (210 рублей)...

И хотя библиотека уже начала функционировать, на этом сооружение Народного дома не завершилось: оставленные в стенах библиотеки штрабы и хорошо прослеживаемые остатки фундамента центральной части здания во дворе дают основание утверждать, что в дальнейшем предполагалось соорудить вместительный зрительный зал для народных чтений в глубине здания, по его главной оси. Строительные работы на объекте продолжались (с перерывами) вплоть до 1916 года, однако здание так и осталось недостроенным. Сооружение, украсившее город, обошлось казне в 26618 рублей.

Здание Общественной библиотеки и читальни представляло собой вытянутый корпус с центральным просторным вестибюлем. По бокам вестибюля были симметрично расположены группы помещений, связанных между собой небольшим коридором. Нарядный вид этому сооружению придают уникальные стрельчатые проемы, подчеркивающие готический характер его архитектуры. В разбивке фасада применено трехчастное решение с активным выделением средней части, соответствующей центральному вестибюлю. Она намеренно подчеркнута повышенным объемом, фланкированным двумя угловыми гранеными башнями, увенчанными сталактитовыми кирпичными карнизами и изящными шпилями.

Пространство же между этими башнями внизу заполнено тремя стрельчатыми проемами и двумя круглыми окнами-розами. Проемы эти дополнены сверху окнами-витражами с цветным остеклением. И хотя внешняя форма фасада, представляя собой типичный образец так называемого «романтического» направления, была весьма характерна для творческого почерка В.С. Гейнцельмана, здание, не будучи выдержано в едином стиле, в целом выглядело эклектично. И это вовсе не удивительно, ибо уникаль-

ное сооружение является детищем сразу нескольких архитекторов – М.В. Ижицкого-Германа, В.С. Гейнцельмана и Г.М. Сваричевского. Кроме них, некоторые коррективы в проект внес и руководивший строительством И.П. Лебедев...

В этом здании в первые годы советской власти располагалась Самаркандская чрезвычайная комиссия. И потому оно впоследствии неоднократно служило традиционным местом киносъемок при создании ряда историко-революционных фильмов узбекских (Камиль Ярматов) и российских режиссеров.

Едва только это учреждение начало свою деятельность, его первый директор В.А. Андреев издал полный «Каталог книг Самаркандской публичной библиотеки», включивший в себя более трех тысяч наименований. Это справочное издание состояло из нескольких десятков разделов, включавших в себя научные, художественные и богословские сочинения на русском, немецком, английском, французском, польском, армянском, арабском, тюркском и персидском языках. Некоторые книги Самаркандской публичной библиотеки можно было с полным на то основанием считать уникальными. Здесь также была широко представлена практически вся русская и европейская классика, религиозные трактаты, учебная литература, самые различные словари и энциклопедии. Довольно представительно выглядел раздел периодических изданий, состоявший из трех десятков наименований...

После свержения самодержавия и большевизации края библиотека эта приобрела государственный статус. Фонды ее значительно пополнились за счет упразднения других городских книгохранилищ, национализации имущества учебных заведений, личных библиотек дворян, мещан и священнослужителей, купцов и крупных промышленников. Еще более увеличился книжный фонд во второй половине 1920-х годов, когда Самарканд стал первой столицей Узбекской республики. В последующие десятилетия, после переноса столицы в Ташкент, библиотека стала областной, а в 1937 году, в связи с широко отмечаемым в стране столетием со дня смерти А.С. Пушкина, ей было присвоено его имя.

До 1970 года это крупнейшее книгохранилище функционировало в прежнем здании на улице Энгельса (ныне М. Кашгари), а затем для него выстроили на бульваре новое типовое здание. А в здании бывшей Публичной библиотеки с того же года открылась городская детская библиотека.

Самаркандская областная библиотека, продолжающая и поныне носить имя А.С. Пушкина, по праву остается одним из ведущих культурных учреждений Узбекистана. Именно здесь проводятся торжественные мероприятия, связанные с именами выдающихся деятелей русской и узбекской литературы, устраиваются всевозможные тематические выставки, ежегодно отмечаются дни узбекского и русского языков. В помещении Пушкинской библиотеки выступают местные и приезжие поэты, студенты городских вузов показывают спектакли по произведениям русской классики, а ученые-филологи встречаются на научных конференциях и симпозиумах...

Софья КРУКОВСКАЯ

«Она оказалась дарственной надписью самого Жуковского...»

Научная библиотека Государственного музея искусств Узбекистана

От редакции. Имя искусствоведа Софьи Михайловны Круковской (1896–1984) хорошо известно в искусствоведческих и библиотечных кругах Узбекистана. С.М. Круковская была дочерью выдающегося русского писателя, переводчика, географа и этнографа Михаила Антоновича Круковского (1856–1936). Долгие годы Софья Михайловна проработала в библиотеке Музея искусств в Ташкенте, написала книгу о его собрании, по сей день остающуюся лучшим «путеводителем» по этому музею («В мире сокровищ: [Из собр. Гос. музея искусств УзССР]». 2-е изд., испр. и доп. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1982).

Публикуемый ниже очерк С. Круковской о научной библиотеке Музея искусств не датирован, относится, вероятно, к 1970-м годам. Публикуется по машинописной копии из личного архива О.А. Илюшкиной, с небольшими сокращениями; все примечания – ВС.

Являясь вспомогательным отделом Государственного музея искусств, научная библиотека возникла в первые годы существования музея. Однако ее профиль окончательно определился в конце 1930-х годов, когда директором музея был назначен В.А. Афанасьев, большой любитель книги и знаток ее. Это был период собирательства музейных коллекций и интенсивного комплектования библиотеки. После каждой поездки В.А. Афанасьева или заведующего гравюрным кабинетом Г.Н. Чаброва в Москву и Ленинград на адрес библиотеки приходили ящики с комплектами дореволюционных журналов по искусству, трудами археологических обществ, альбомами русской старины, роскошными гравированными изданиями, старопечатными книгами. Уже самый характер пополнений говорил о намерении дирекции добиться полноты комплектования библиотеки литературой не только по изобразительному искусству, но и по искусству книжного оформления.

Научная обработка уникальных изданий требовала работника высокой библиотечной квалификации, и в штате библиотеки появилась должность научного библиотекаря. О том, что дирекция музея отчетливо понимала специфические задачи своей научной библиотеки, говорит и факт командировки научного библиотекаря в 1941 году в отдел старинных и редких книг Государственной публичной библиотеки им. Ленина. Такого рода отдел оформился и в Государственной библиотеке им. А. Навои в Ташкенте. Научно обработанный крупнейшим ташкентским библиографом Е.К. Бетгером, он и по-

ныне пропагандирует на страницах узбекистанской печати свои уникальные книжные сокровища и широко их демонстрирует при проведении экскурсий по библиотеке.

На научного библиотекаря было возложено и создание библиографического аппарата – необходимого звена в научно-исследовательской работе музея.

Именно в этот период, в предвоенные годы, сложилось основное ядро библиотеки. Главное место в нем занимает книжный фонд, 60% которого составляет как дореволюционная, так и советская литература по изобразительному искусству. С большой полнотой библиотека закупает литературу и по смежным наукам – истории, археологии, этнографии, помогающим пониманию и изучению художественных произведений.

Пополнение литературой на русском языке производится через Ташкентский библиотечный коллектор, который получает далеко не все выходящие в Советском Союзе книги по изобразительному искусству. Это создает досадные пробелы в укомплектовании библиотеки, а иногда и полную невозможность задним числом их восполнить. Особенно плохо доходят до Ташкента издания отдельных союзных республик, получение которых составляет огромные трудности.

Большое место в научно-исследовательской и атрибуционной работе художественных музеев занимают каталоги и путеводители музеев и выставок. Пополнение библиотеки этого рода изданиями осуществляется путем взаимного обмена с разными музеями нашей страны.

Кроме книг на русском языке в составе библиотеки – литература на иностранных языках. В конце 30-х годов музей получил иностранные новинки своего профиля через Комитет наук УзССР, распределявший закупку литературы по валюте среди крупных специальных библиотек города. Именно таким путем поступили в фонд нашей библиотеки ценнейшие труды по истории восточной миниатюры Т. Арнольда, Э. Блоше, Э. Кюнеля, А. Саркисиана*, оказавшие огромную помощь местным ученым, искусствоведам и художникам в период подготовки к проведению юбилейной даты Алишера Навои**. В послевоенное время пополнение иностранными изданиями осуществляется через отдел литературы стран народной демократии при Узкитабе. Книги на английском и французском языках уступили место книгам на языках стран социалистического лагеря. К числу наиболее ценных пополнений, полученных по этому руслу, следует отнести 37-томный «Всеобщий словарь художников» У. Тиме и Ф. Бекера, издание которого, начатое еще в 1907 году, было закончено в ГДР (Дрездене) в 1950 году. Наличие этого справочника значительно облегчило научную обработку западноевропейских коллекций музея.

Большую помощь в укомплектовании современной иностранной литературой по вопросам изобразительного искусства оказывает музею Ташкентское общество «Дружба».

Среди книжных фондов библиотеки небольшая, но ценная коллекция иллюстрированных изданий, старинных и редких антикварных книг.

Изобразительное искусство в своем историческом развитии проходит те же самые этапы, что и художественная литература. Вот почему комплектование классически-

* *Томас В. Арнольд* – автор классического труда «Изобразительное искусство в исламе» (T. Arnold. Painting in Islam. Oxford, 1928); *Эдгар Блоше* (E. Blochet) – ученый-ориенталист, редактор многотомных каталогов тюркских и арабских рукописей Парижской национальной библиотеки; *Эрнст Кюнель* (E. Kühnel), был долгие годы куратором «исламской коллекции» Государственного музея в Берлине; *Арменаг Саркисиан*, ученый-ориенталист, автор труда «Персидская миниатюра 12–17 веков» (A. Sarkisian. La miniature persane du XIIe au XVIIe siècle. Paris; Bruxelles, 1929).

** Имеется в виду отмечаемое 500-летие Алишера Навои в 1942 году.

ми произведениями художественной литературы не противоречит задачам библиотек искусствоведческого профиля, но, наоборот, является совершенно естественным и необходимым. В пополнении этого рода литературой, однако, возникают дополнительные требования. Наша научная библиотека приобретает произведения западноевропейских, русских и советских писателей преимущественно в иллюстрированных художниками изданиях. Такого рода современные книги образуют специальный фонд «Советская иллюстрированная книга», хранящийся в отдельном шкафу с алфавитом писателей. Поправку на художника дает добавочная карточка описания 741-го раздела систематического каталога, где под фамилией художников (Верейского, Кукрыниксов, Шмаринова и т.п.) собраны карточки на иллюстрированные ими произведения.

Иллюстрированные издания уникального характера обособлены в фонд «Редкие книги». В этом фонде представлены украшенные гравюрами на стали английские альбомы путешествий первой половины XIX века. Среди французских книг литографированные издания Гаварни и книги с выполненными тоновой гравюрой на дереве иллюстрациями Доре. Немецкая романтическая книга представлена народными сказками с гравюрами на дереве Л. Рихтера*. Наряду с такого рода изданиями, иллюстрированными определенными художниками, в этот фонд включены редкие книги, отличающиеся богатством и оригинальностью своего внешнего оформления. Здесь можно видеть разнообразные переплеты (свиной кожи, сафьяновые, оклеенные мраморной бумагой, картонные), издательские и собственные переплеты – парчовые, набоечные, замшевые, вышитые. Широко представлены советская обложка 20-х годов, образцы конструктивного оформления советской книги 30-х годов, характерные для предвоенных лет издания, широко использующие орнаментальное богатство народов СССР. В этом собрании роскошные дореволюционные издания типа «Византийских эмалей» Н. Кондакова дополняются высокохудожественными советскими книгами, подобно «Слову о полку Игореве» с иллюстрациями палешанина И. Голикова**.

Фонд рукописных старопечатных изданий (до 1850 г.) книг, заключающий в себе 130 изданий XVI–XIX веков, дает крайне разнообразный материал по истории книжного искусства. Здесь наряду с образцами старинной русской рукописи XVI века, редчайший рукописный текст итальянской пантомимы (название пропущено) и богато украшенная восточная рукопись; наряду с изданиями XVI века Плантена и XVIII века с изображением фейерверков и коронации – «Душенька» Богдановича с иллюстрациями Ф. Толстого, издания Н. Румянцева, П. Бекетова, А. Смирдина; наряду с огромным гравированным фолиантом начала XVIII века (название не указано) – миниатюрный, издававшийся А. Бестужевым и К. Рылеевым альманах «Полярная звезда» за 1825 год, в котором напечатаны «Братья-разбойники» Пушкина. Среди книг этого фонда можно встретить образцы знаменитого дидотовского шрифта и голубоватого оттенка бумагу, характерные для русской ампирической книги. По этим изданиям нетрудно проследить историю гравюрных техник, придававших книгам определенной эпохи неповторимый художественный облик.

Наличие фондов старопечатных, редких и иллюстрированных книг, представляю-

* *Поль Гаварни* (Gavarni) – французский график и живописец. *Поль Гюстав Доре* (Doré) – французский гравёр, иллюстратор и живописец. *Адриан Людвиг Рихтер* (Richter) – немецкий художник, представитель романтизма и бидермейера.

** Имеются в виду книги: Кондаков Н. «Византийские эмали из собрания А. Звенигородского» (СПб., 1889–1892) и «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святослава, внука Ольгова. Древнерусский текст, подготовленный к печати В. Ржигой и С. Шамбинаго, писанный и иллюстрированный палехским мастером Иваном Голиковым» (М., 1934).

ших профиль научной библиотеки нашего музея, побудило библиотечных работников включить в орбиту своего внимания и такой элемент книжной графики, как экслибрис. Он представлен не только специальной о нем литературой, но и отдельными ценными в историческом и художественном отношении образцами, наклеенными на книги их прежними владельцами.

Значительный раздел нашей библиотеки представляют альбомные издания, требующие особых условий их хранения (в горизонтальном положении с отдельными гнездами). На укомплектование этого рода изданиями, знакомящими с разбросанными по разным музеям произведениями изобразительного искусства, библиотека обращает большое внимание.

В дополнение к этому фонду библиотека собирает репродукции, использующиеся не столько в познавательных целях, сколько практически, как иллюстративный материал к проводящейся в музее научно-просветительной работе. Репродукции систематизируются по школам и художникам и хранятся в папках. К сожалению, необходимость приобретать литературу перечислением закрыла для библиотеки пути планомерного пополнения этими полиграфическими изданиями.

Не менее богат открыточный фонд библиотеки, насчитывающий в настоящее время свыше 5000 открыток с произведениями художников, которые хранятся систематизированными в альбомах и в картотечных ящиках. В основу этого фонда положено поступившее в музей в 1940 году первоклассное собрание – труд всей жизни частного коллекционера.

Журнальный отдел библиотеки невелик, ограничен периодическими изданиями профиля музея. В нем, наряду с современными журналами по изобразительному искусству, представлены большей частью полными комплектами, а иногда и отдельными номерами все дореволюционные русские журналы по искусству: «Антиквар», «Аполлон», «Вестник изящных искусств», «Золотое руно», «Мир искусства», «Старые годы», «Столица и усадьба» и т.п., не утратившие и поныне своего значения справочного характера <...>

В 1941 году в библиотеку поступили четыре литографированных альбома швейцарского писателя и карикатуриста Рудольфа Тепфера, сведений о котором в библиотеках Ташкента того времени не оказалось. К счастью, в нашу библиотеку вскоре случайно попала из антикварного магазина Могиза № 14 написанная на немецком языке монография об этом своеобразном художнике. Она привела нас к воспоминаниям Эккермана о том, что забавные альбомы Тепфера в свое время попали в руки Гете и вызвали самую положительную оценку великого немецкого писателя. Эта интересная история стала темой небольшой заметки, опубликованной библиотекой в 1940 году в местной газете. Еще более ценные материалы были вскрыты при приобретении в 1941 году собрания сочинений В.А. Жуковского в издании А. Смирдина (1835–1837). Внимание библиотеки привлекла сделанная порыжевшими от времени чернилами на страницах первого тома надпись на французском языке. Она оказалась дарственной надписью самого Жуковского, посвящающего этот экземпляр своих сочинений Фарнгаген фон Энзе*, известной немецкой писательнице и переводчице первой половины XIX века, с которой Жуковский встречался и общался. При каталогизации этого тома на его полях были обнаружены 22 еле уловимые карандашные пометки на немецком языке. Сопровождающая переведенную Жуковским «Орлеанскую деву» Шиллера, они были выполнены

* Рахель Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense, 1771–1833) – немецкая писательница еврейского происхождения.

рукой тонкого знатока-профессионала, сличавшего перевод с оригиналом. Вставал вопрос, кому принадлежат эти карандашные пометки, так отличающиеся мелким и заостренным готическим шрифтом от размашистого, округлого шрифта авторского посвящения, написанного на французском языке. Эта любопытная загадка, требовавшая изысканий в столичных библиотеках и архивах, музеем пока не была разрешена, т.к. заниматься ею мог бы лишь научный работник библиотеки, а эта должность в штатах военного и послевоенного времени была сокращена. Это обстоятельство не только помешало окончанию научного описания уникальных книжных ценностей музея, но и снизило уровень библиографической работы библиотеки, не позволив довести ее до подготовки к печати указателей по изобразительному искусству Узбекистана.

Научная библиотека, как и музей в целом, проводит и научно-просветительскую работу. Простейшим ее видом являются регулярные выкладки всех приобретенных новинок, а также устройство тематических выставок, связанных с юбилейными датами художественной жизни. Несколько раз старинные издания библиотеки привлекались в экспозицию для более широкого показа искусства той или иной исторической эпохи («Альбом коронации Елизаветы Петровны», «Статут об орденах Павла I» и т.п.).

Являясь неотъемлемым звеном музейного производственного процесса, библиотека неоднократно проводила для научных работников музея обзорные доклады о своих коллекциях. Среди них следует отметить обзоры: «Дореволюционные журналы по искусству», «Что такое искусство книги?», «Своеобразие научных библиотек искусствоведческих музеев», «А. Бенуа как ученый и художник».

Наличие богатейшего материала по искусству книжного оформления позволяло библиотеке участвовать и в лекционной работе музея, причем эти лекции сопровождались показом подлинников. Так, в 1940 году для работников различных библиотек Ташкента было проведено около 10 лекций-обзоров по искусству русской книги. Библиотечные фонды оказались достаточными не только для организации отдельных лекций, но и для чтения целых курсов по искусству книги. Факультативные курсы такого рода в объеме 40-60 академических часов проводились для студентов кафедры искусствovedения истфака САГУ в конце 40-х годов. Позднее, в 50-60-х годах, отдельные лекции на эту тему читались для студентов библиотечного факультета Пединститута им. Низами и художественного факультета Театрального института. Большой интерес к искусству книги вызвало 400-летие книгопечатания. Этой дате была посвящена не только лекция в лектории общества «Знание», но и более десятка обзоров по искусству книги, прочитанных для учащихся Ташкентского полиграфического училища, – ребята с восхищением знакомились в музее с уникальными книжными изданиями прошлых веков и современности, хранящимися в нашей библиотеке.

Богатые книжные фонды привлекают в библиотеку широкий контингент читателей – искусствоведов, художников, студентов художественных учебных заведений Ташкента, педагогов, занимающихся вопросами эстетического воспитания школьников. Особенно большую роль библиотека сыграла в годы Великой Отечественной войны, когда ею широко пользовались эвакуированные в Ташкент виднейшие искусствоведы нашей страны (Л. Варшавский, Б. Виппер, И. Гинзбург, Д. Недович, Ю. Колпинский, А. Федоров-Давыдов, А. Эфрос) и многие художники (В. Алфеевский, А. Тышлер, Б. Элконин и др.)

Моя Библиотека

*Вадим Муратханов, Алексей Устименко, Глеб Шульняков, Лилия Калаус,
Бах Ахмедов, Александр Джумаев рассказывают о своем «библиотечном» опыте*

Вадим МУРАТХАНОВ

ВКУС КОЛОБКА

Дорога в библиотеку лежала по Дубовой аллее, через пустынную правительственную площадь. Темное каменное здание на краю сквера когда-то было школой, в которой училась мама. Я представлял ее сидящей за библиотечным столом, одну на весь класс, внимательно слушающей учителя. На мысленной картинке мама была такая же, как всегда, но маленькая и с косичкой.

Библиотечные книги читались без особого аппетита. Голос книги превращался в голос учителя, принадлежащий не мне одному, а всему заочному классу – всем, кто читал ее в разные годы. Переключку можно было делать по карточке, которая то и дело выпадала из бумажного кармашка, приклеенного к обороту обложки.

В библиотеке я прочел рассказ о буднях карельского поселка – про канадского мальчика, укравшего колхозные гвозди, чтобы заработать «на черный день». «Запомни, малыш: в нашей стране черных дней не бывает», – внушал ему в финале красноармеец, поглаживая по голове. Из другой книги я узнал, что «у черных обычно хорошие голоса»: это уже американская учительница принимает в хор мальчика – единственного в классе негритенка, которого неизбежно обижают дети и взрослые. В той же библиотеке позже, в конце 80-х, я впервые открыл для себя Стивена Кинга в журнале «Вокруг света» и Нину Искренко в «Юности».

И все же темная громада библиотеки навсегда осталась для меня школой, так и не сделавшись домом. Ее книги не обживались мной, в отличие от тех, что стояли на полках дедушкиного шкафа. Так зверок в живом уголке никогда не заменит собственного щенка.

Книги домашней библиотеки делились на вертикальные и горизонтальные.

Вертикальные, взрослые, теснились пестрыми рядами в шкафу. Среди них попадались совсем зачитанные, со стертой позолотой обложек, с полуоторванными, держащимися на ветхих волокнах корешками. «Лунный камень», «Ярче тысячи солнц»,

двухтомное «Хождение по мукам»... В расшатанных переплетах, желтеющие и расклеивающиеся по мере чтения несколькими поколениями домочадцев, эти книги были питомцами хозяев. Старели и тускнели, подобно людям. Перехватывая инициативу у букваря, учили меня читать.

Горизонтальные – тонкие, гибкие, разноцветные внутри – лежали стопками на тумбочке, этажерке, старом проигрывателе...

Долго мы искали,
Долго мы искали,
И вот мы отыскали
Без всякого труда
Мальчика, который
Любит чистить зубы,
И девочку, которая
Не плачет никогда.

Это были мои книги – подаренные или доставшиеся в наследство от старшего двоюродного брата. В них не было историй о заблудших канадских мальчиках и обиженных негритятах. Это были окна с развевающимися занавесками, за которыми открывались миры.

В то время у государства было русское лицо: оно смотрело на нас из букварей и учебников, с черно-белых экранов и портретов на демонстрациях. Но я и мои сверстники росли в другом мире – среди лиц, отличавшихся смуглой кожей и азиатским разрезом глаз, в окружении иной природы, под небом иного цвета. Мы ревниво искали в книгах и фильмах любое свидетельство о нашем крае – любой знак нашего присутствия и замеченности в пространстве большой страны. Наверное, поэтому больше всего нам нравилось пересматривать «Огненные дороги», «Белое солнце пустыни», «Волчью яму». Наверное, поэтому моей любимой «горизонтальной» книжкой стал «Колобок».

Не русский, с радикалитным дедушкой на завалинке и бабушкой в платке у печной заслонки, а киргизский, в переложении Тоголока Молдо. Желтый, румяный колобок с лицом молодого сельского киргиза катился по желтой пустыне, преследуемый желтым, с подпалинами, зверьем («Полетел быстрее буудуна, / стал дулдулом колобок»).

Герои разговаривали между собой, не замечая меня, а я, не замечая рифмы, ощущал их присутствие в комнате:

«Лишь покрикивать умеешь:
“Дай поесть” да “Дай попить”,
А вот денег не имеешь,
Чтобы мяса прикупить.
Я вчера еще сказала:
Бедняки мы, бедняки.
Нет у нас не только сала –
Даже горсточки муки».

Все-таки старуха встала,
Потрудилась, искала –
И нашла на дне мешка
Маленький кусочек сала.
Вытрясла другой мешок –

Наскребла муки чуток.
Вот и счастье привалило:
Будет деду колобок.

Будет корочкой покрыт он,
Будет в нем горячий сок,
Будет жиром он пропитан,
Наш румяный колобок.

На этом месте я неизменно начинал глотать слюну и шел на кухню к бабушке: «Бабушка, испеки колобка!». – «Испеку, испеку», – обещала бабушка. «Только чтобы было как в книжке, – ставил я условие, – корочкой покрыт, жиром пропитан и сок горячий внутри». – «Будет как в книжке», – успокаивала бабушка и продолжала готовить борщ.

«Ну-ка, старая, давай,
Колобок наш доставай!»

«Если я его достану,
Если обдуть я стану
Наш горячий колобок,
С головы до самых ног
Я в золе и пепле стану».

Отвечает ей старик:
«Ты, старуха, любишь крик.
Что ни слово, то перечишь:
Я к такому не привык».

Однажды утром, услышав на кухне булькающее шипение яичницы, я обнаружил дедушку у плиты. Это было то же самое, как если бы я застал бабушку в саду за обрезкой винограда.

«Бабушка умерла», – буднично пояснил дедушка в ответ на мой недоумевающий взгляд.

...Больше всего в эту минуту меня поразила мысль о том, что никогда уже бабушка не приготовит мне обещанного румяного колобка.

Только тут, заметив мой ужас, дедушка уточнил, что умерла соседка – 90-летняя старушка Шпортко, которую вся улица называла бабушкой. Наша бабушка пошла к соседям – помочь подготовиться к поминкам.

«...Мясо жирного вола
И мука со дна мешка.
Бабушка меня спекла
Для седого старика.
Убежал я из огня –
Догони-ка, съешь меня».

Бабушка успела приготовить для меня колобок задолго до своей смерти. Это был пышный дрожжевой хлебец из духовки – без сала, жира и хрустящей корочки. Но когда я, зажмуриваясь, отправлял в рот хлебную мякоть, я чувствовал на языке и мясо вола, и сало, до черноты натертое о стенку котла в саманной ошхоне, и хрустящую плоть киргизского колобка.

На обложке значилось: «Перевод Марка Ватагина». Сколько ни вбивал я потом, спустя годы, фамилию переводчика и строки из перевода в окна поисковиков, они выдавали одно и то же: «По вашему запросу ничего не найдено».

Сейчас, цитируя по памяти утерянного навсегда «Колобка», возможно, столь же далекого в ватагинской версии от текста киргизского просветителя, как пересказ Молдо – от русской сказки-первоисточника, я чувствую себя акыном. Человеком, поющим эпос, который не поддается записи и размещению на стеллажах. Желтая надорванная обложка. Пятна света на закопченной плите. Холод от скрипящей под ногой половицы. Вряд ли эта книга пригодится кому-то еще. Вот и хорошо, оставляю себе.

Алексей УСТИМЕНКО

БЕСКОНЕЧНОСТЬ КОНЕЧНОГО

В настоящей библиотеке книг быть не должно. Книги отвлекают от чтения. И я, быть может, поэтому не помню никаких книг, вернее, никаких стеллажей в любимой своей библиотеке студенческих университетских лет – библиотеке имени Алишера Навои.

Зелень мудрых чинар – на многие метры вознесшихся над библиотечной кровлей, – солидности ее ничуть не принижала. Розовое здание с белыми медальонами по фасаду (в каждом – барельеф официально зарегистрированного государством классика: Пушкина, Толстого, Горького, Маяковского, Руставели) и само по себе понимало свою значимость.

Медальоны привычно промелькивали мимо входящих: постоянно повторяемые истины умирают под пылью, умирают незамечаемыми барельефами.

Замечался Алишер Навои в вестибюле.

А книг не было.

То есть, они, конечно, где-то были. Но глаз их я еще не видел, и поэтому они не отвлекали.

Да этого отвлечения сейчас мне было и не нужно.

Это в моей ранней юности, в Сибири, когда я вбегал через двойную тугую буферную дверь в почти что одомашненную районную библиотеку, книги делались необходимыми. Среди их кожаного и картонного корешкового тепла обсыхало, посеченное снегом, мокрое лицо. Они жили, плотно сжавшись между собой, охраняя и спасая тебя. И хотя через оконные стекла еще виделась ледяная черно-синяя мгла свистящего ветром вечера, то и дело забрасываемого густыми горстями снега, белыми змеями сжимающегося и разжимающегося в неоновом свете фонарей, здесь – ленивую библиотечную тишиной – существовало вечное книжное лето.

Здесь я спасался от метельной зимы.

А мама моя, кажется, здесь спасалась от жизни... Она аккуратно брала домой и – до положенного срока – читала какую-нибудь одну книгу. Читала, прочитывала и возвращала, чтобы через некоторое время вновь ее получить, записать на свое имя и заново начать перечитывать.

Осенью она любила читать старинные мемуары Сары Бернар. Однажды, под са-

мый осенний дождь, она тоже принялась перечитывать по-летнему зеленеющую обложкой любимую книгу. Устала. Сунула ее под подушку, уснула... И во сне умерла.

Я не стал возвращать на стеллажи, где она числится, возможно, и до сих пор, эту последнюю – теперь навсегда мамину – книгу. В ней – тепло остывшей подушки.

Да и в той своей любимой, районной, больше никогда не был.

А в бывшей Туркестанской публичной, ныне государственной, Узбекистана, – не-реальное книжное лето: утренними переговорами близких горлинок, шершавым шеле-стением по мокрому асфальту резиновых шлангов, перетаскиваемых с места на место, нереально книжное лето всегда существовало и в мире внешнем, вне самого себя.

А книг все равно пока не было.

Вместо них в особой комнате по тоненьким металлическим и деревянным рельсам – туда-сюда – легко бегали деревянные же ящички с картотекой.

У Стивенсона в «Острове сокровищ» действовала приманивающими драгоценностями лишь одна пиратская карта. Здесь в каждом ящичке, – десятки и сотни их обставляли тебя вокруг, – таких карт, необманчиво сулящих драгоценности, которые ты легко мог унести с собой, обнаруживались многие тысячи: карточки с названиями не прочитанных тобою книг теснились друг к дружке белыми, строго расчерченными картонными плоскостями.

Драгоценности можно было выбирать.

Кстати, вовсе даже не зная того, что за этими карточками пряталась и еще одна – техническая – тайна: новаторство блистательного, быть может, лучшего из всех «библиотечно-навоийских» работников – Евгения Карловича Бетгера, введшего в практику библиотеки новую, по пятидесятым годам, формально-порядковую систему расстановки книг. Незнаменитое это дело незнаменитого же – дальше знающих его людей – библиотекаря аукалось делами многих знаменитых. Корней Иванович Чуковский, в начале сороковых годов эвакуированный в Ташкент, убегая от тоски своего одинокого обиталища («...Живу в комнате, где, кроме двух геокарт, нет ничего. Сломанный умывальник, расшатанная кровать, на подоконнике книги – рвань случайная – вот и все...»), целыми днями сиживал в читальном зале библиотеки имени Навои, отводя душу в разговорах с Бетгером.

«В Ленинграде, в Москве, в Харькове, в Киеве, в Лондоне, в Дублине, в Осло, в Стокгольме – много видел я на своем долгом веку замечательных библиотекарей, – написал Чуковский в книге записей библиотеки. – К их плеяде по праву принадлежит и Евгений Карлович Бетгер, великий книголюб и книгочей, отдавший всю свою неутомимую жизнь служению книге»**.

Этого можно было не знать, но не испытывать глубочайшего уважения даже к самой малоприметной внешне служительнице библиотеки было нельзя. Роясь в карто-теке деревянных ящичков, отыскивая в них для себя нужное или пустое, внутренне, на подкорке, ты проверял свой заказ их глазами.

Именно твою личностную ценность, а не ценность тобою найденной книги проверяли они.

Это они по собственной инициативе могли предложить тебе еще и иной брошюр-ный довесок по тобой избранной теме. О котором ты не ведал, в силу убежденности

^{*} Чуковский К.И. Дневник. Запись от 1 апреля 1942 года.

^{*} Цит. по: Устименко И. Миссия библиографа-краеведа – вести читателя // Звезда Востока. 1997, № 3.

в своем всезнайстве, ни сном, ни духом. И тонкий довесок перевешивал вкрапленной значимостью всю стопку книг, собранных тобою. Твоим всеведущим неведеньем. Так продавец мясного отдела докладывает понравившемуся покупателю красный кусок сочной вырезки на грудку отобранных тем жил и костей.

И когда я, – определив для себя драгоценностью, – вместо обязательных литературоведческих программных комментариев выписал из картотеки два свежих томика воспоминаний Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» издания 1961 года, формат нестандартный, малый и толстый, будто два карманных бочонка с медом, – служительницы посмотрели на меня еще не с любовью, но уже с интересом.

Бумажка с заказом свернулась в трубочку и нажатием кнопки – неужели не существовало в той библиотеке пневматической почты? – была заплюнута куда-то совсем далеко, в хранилищные глубины: в пещеры Лейхтвейса, в копи царя Соломона, на острова сокровищ, чтобы потом, через совсем уж обыденное окошечко, вернуться к тебе драгоценными книгами.

Именно с тех университетских лет я начал жить с постоянной благодарностью Илье Эренбургу за эти его воспоминания. Прежде всего – за первое открытие для меня тех имен, без которых уже нельзя жить ни в литературе, ни вне ее.

Любил, перечитывал и перечитываю. И любовь, нет, не проходит, хотя – зная эту книгу, – знаешь и то, что, при всей точности литературных портретов, это – портреты не до конца. Это полупортреты, вопреки его же утверждению, что «...никогда не существовало, не существует, да и вряд ли будет существовать общество, лишенное пороков; долг писателя, если он только чувствует к этому призвание, говорить о них, не страшась, что с чьей-то легкой руки его причислят к скептикам или циникам».

Это все-таки только контуры, сделанные талантливым карандашом для так и не написанной им картины: «Люди. Годы. Жизнь».

Книга недоговоренностей.

Однако книги, как известно, читаются и так: одна хорошая тянет – разными в себе упоминаниями – хорошую же другую.

И воспоминания Эренбурга проросли для меня позже новыми книгами открытых им имен – Алексея Ремизова, Андрея Белого, Велимира Хлебникова. Да мало ли...

Карточки картотеки, казалось, силились повыпрыгивать из светлых своих деревянных ящичков, предлагая себя с бескорыстным восторгом самоотдачи. И я иногда поддавался, балуя себя чем-нибудь таким-эдаким, для практической жизни как будто ненужным. И тогда появлялись какие-нибудь «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева» (1913 г. изд., СПб.) и читались просто для гурманского наслаждения ими.

Бесконечность вселенной непредставима.

Зато бесконечность библиотек теоретически допускает представимость некой исчерпанности, при вечной возможности бесконечного погружения в глубины ожидающих текстов. Ведь сам по себе круг собранных вместе книг, как бы он ни был велик, везде и всюду конечен. Но нам все-таки не исчерпать его, – полное израсходование времени нашей личной жизни наступает значительно раньше.

Борхес догадался об этом и вывел формулу конечной бесконечности всеобщей вавилонской библиотеки. Он понимал счастье рыться в картотеках бесконечно конечного.

Картотека нашей, национальной, его бы тоже не обманула.

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ

Я родился и вырос в стране, где хорошие книги были или запрещены, или труднодоступны, поэтому с самого детства библиотека была частью моей жизни. Я знаю, что такое «стоять в очереди на книгу», – и помню, с каким сладострастным предвкушением несешь долгожданную книгу домой из библиотеки по темным зимним улицам.

Студентом я провел в университетской Горьковке несметное количество времени. За окном сменялись государства и власти, ездили танки и двигались шествия. Моими же собеседниками были Плотин и Розанов, Леонтьев и Джойс, Кафка и Кортасар.

В библиотеке я обретал не только собеседников, но и Время, поскольку когда тебе выдают том Розанова с дарственной надписью автора «В библиотеку университета Его Императорского Величества», – оно материализуется.

Мой поэтический дебют состоялся в библиотеке имени Чехова в Москве, и потом, уже будучи «записным стихотворцем», я часто выступал в библиотеках и не знаю более благодарной и внимательной аудитории, чем та, которую библиотека формирует вокруг себя. Именно эти, неслучайные, читатели – самые терпеливые и въедливые, а их вопросы – самые неожиданные.

Сейчас, в эпоху интернета, я скучаю по библиотечным залам: есть в этом массовом погружении в книгу какое-то священнодействие, таинство. Да и с девушками в библиотеке, я точно помню, было хорошо и легко знакомиться, язык был изначально общим. Я по-прежнему часто бываю в библиотеке – но теперь в качестве лектора или поэта. Но библиотека никуда не ушла от меня-читателя. Наоборот, она стала еще ближе, поскольку теперь мой собственный дом стал библиотекой.

И это, наверное, главное свойство всех библиотек мира – проникать сначала в твоё время, а потом заполнять и твоё пространство. Дом без книги для меня пуст, как заброшенный город. В нем можно жить, да. Но быть собой? Вряд ли.

Лилия КАЛАУС

ШЕСТИГРАННИК

Много лет назад, когда я училась на первом курсе филфака, курс истории Казахской МССР вел у нас молодой, слегка вольнодумный преподаватель. На нас, девочек-филологичек, он смотрел снисходительно, лекции читал небрежно, однако интересно. Вздыхал, глядя на наше тоненькое пособие (курс шел всего один семестр), издевался над его суконными формулировками, развенчивал мифы, разил наповал стереотипы.

На первом же семинаре заявил: «Тот, кто прочтет томик Борхеса, получит зачет “автоматом”».

Группа немедленно разделилась на две части.

Одна, наименьшая, – те, что знали фамилию «Борхес», но книги не имели.

И вторая – те, кто слыхом не слыхивал ни о каком Борхесе, ни о его дурацких книжках.

Я занимала промежуточную позицию.

Фамилию я слышала, книгу имела. Но не читала.

У нас в квартире много было таких книг. Новеньких, ни разу не читанных. Мой папа всю жизнь собирал библиотеку. Ни профессия, ни его набор жизненных интересов, кстати, нисколько не соответствовали этому хобби. Работал он стоматологом, читал (нечасто) детективы и что-нибудь по военной истории, желательно античной. А вот книги собирал – все, до каких мог дотянуться...

Они в доме были всюду. На антресолях. В одежных шкафах. В тумбочках. На подоконниках. В туалете на специально прибитых шести полках. На лоджии. Просто в углу – горкой. Мама пыталась бороться, – куда там!

Результатом его увлечения стало то, что, нарушив все родительские планы и поправ семейные ценности, я, начитавшись с детства книг, решительно поступила на филфак. Надо сказать, абсолютно все однокурсники мне завидовали. Все, что полагалось прочесть в рамках обширной филфаковской программы, было у меня дома. И я могла читать книжки в комфортной семейной обстановке, а не мучаясь от вечного голода и холода в стенах алмаатинской Пушкинской библиотеки.

Папины книги... «Всемирная библиотека» соседствовала с «Библиотекой классики», серии фантастики и приключений – с альбомами живописи и скульптуры, собрания сочинений русских классиков – с избранными томами классиков зарубежных, незабвенная ЖЗЛ – с полкой отличных детских книжек (кстати, именно детские книжки сегодня остались практически единственной живой частью книжного собрания, их активно читают и перечитывают наши младшие родственники и дети). Особая статья – серии произведений зарубежных писателей. Диковинные экзотические имена преследовали меня с раннего детства. Альбер Камю... Лион Фейхтвангер... Жоржи Амаду... Габриэль Гарсиа Маркес... Станислав Лем... Акутагава Рюноске... И – да вот же он, сбоку, точно! – Хорхе Луис Борхес.

Я открыла тонкий томик. И – всё. Пропала. А когда добралась до двух рассказов – «Вавилонская библиотека» и «Книга песка»... Я вдруг почувствовала себя внутри текста. В комнате уже начинало темнеть. Мама ушла гулять с сестренкой, папа, видимо, добывал очередной раритет для своей коллекции. А я сидела на диване, держала на коленях раскрытую книжку, мерцавшую страницами... Вокруг громоздились книги, большую часть которых я никогда не открывала и вряд ли открою, кто знает, что там внутри? Знакомые буквы – или неведомые знаки и таинственные рисунки? Комната поплыла... Стены начали множиться, сквозь них просвечивал борхесовский шестигранник...

«Вселенная – некоторые называют ее Библиотекой – состоит из огромного, возможно, бесконечного числа шестигранных галерей, с широкими вентиляционными колодцами, огражденными невысокими перилами. Из каждого шестигранника видно два верхних и два нижних этажа – до бесконечности...»

И тут пришла мама. Включила свет, отругала меня за чтение в темноте, приставила мыть посуду, занялась ужином.

...Я прочла Борхеса в рекордные сроки. И отправилась сдавать зачет по истории Казахской ССР с заветным томиком под мышкой. Кстати сказать, никто из сокурсников

не принял всерьез слова преподавателя, все зубрили даты и имена из учебника. После часа упоительной беседы в стиле сада расходящихся тропок («А вот еще в том рассказе... А помните, там такая мысль была... А тут как интересно!..») зачет я получила.

Странная папина библиотека существует до сих пор. Редко кто из нас берет в руки эти книжки – старые, тусклые, большей частью так и нечитанные. Но для меня это не-лепое книжное собрание, созданное в эпоху советского дефицита, – самая настоящая магическая борхесовская библиотека. Кто знает, что там скрывается, например, под этой выцветшей на южном солнце бордовой обложкой?

Может, «Книга песка»?..

Бах АХМЕДОВ

УТРАЧЕННЫЙ РАЙ

...Сначала надо было выстоять долгую очередь к окошечку. Потом строгая тетка в больших очках брала твои документы (паспорт, фото, письмо из деканата) и внимательно изучала их. Наконец она приклеивает фото, пишет на маленьком картонном прямоугольничке твое имя и фамилию и номер зала, где тебе предстоит работать, складывает билет посередине, и – долгожданный пропуск в рай у тебя в руках...

Ленинская библиотека, «Ленинка», на протяжении всех моих пяти московских студенческих лет представлялась мне неким подобием утраченного рая, доступ в который открывался лишь избранным. Но все-таки на одном из последних курсов я сделал робкую попытку приблизиться к его вратам. Строгие тетки, временно заменявшие не менее строгих архангелов, объяснили мне, что только дипломники, аспиранты и прочие служители науки имеют право пребывания в главном книжном храме страны. Доброжелательность их тона каким-то таинственным образом совмещалась с такой непреклонностью служения высшему, что я сразу понял: попытки разжалобить их ни к чему не приведут. «Терпение, – подумал тогда я, – вот одна из главных добродетелей. Каких-нибудь полгода или год – в конечном счете, это миг по сравнению с той Вечностью, которая откроет для меня однажды свой зачарованный сад с шелестом книжных листов и расходящимися тропками веков и метафор...».

Так и случилось.

Как только я дорос до начинающего аспиранта, я вооружился всеми необходимыми справками и отправился на станцию «Библиотека им. Ленина», которую столько раз проезжал за эти годы с мыслями о такой странной близости и недоступности заветной цели.

И вот, наконец, замедляя шаги, открываю тяжелую, высокую дверь и вхожу в фойе. Большое длинное помещение, гардероб, камера хранения... Все продуманно, потому что в рай надо входить легким и освобожденным от всех земных тягот. Я отдаю свою куртку и получаю пластмассовый жетончик номерка. Теперь нужно подойти к последней и самой строгой страже: полной пожилой тетеньке, восседающей в маленькой стеклянной будке и проверяющей билеты. Но я медлю, потому что мне все еще не верится, что через минуту я окажусь по ту сторону земного и увижу своими глаза-

ми райские книжные кущи. Пульс предательски учащается, но на лице спокойствие, словно я хожу сюда каждый день. Даже быстро промелькнувшая мысль о том, что в последний момент вдруг может что-то сорваться и меня не пропустят (не так оформили билет, криво приклеили фото, да мало ли что!), приводит меня в ужас, и на спине выступает холодный пот.

Как во сне, протягиваю я билет стражнице в будке, а она равнодушно скользит по нему глазами и возвращает его мне вместе с контрольным листочком.

И вот я уже внутри, я прошел, я уже слышу запах цветов, и журчание ручейков, и пение птиц в райских кущах Библиотеки, и воздух меняется, становясь другим, чистым и разреженным, как высоко в горах. Настолько чистым, что мне на мгновение становится трудно дышать. Я медленно поднимаюсь по широкой мраморной лестнице и попадаю в огромный светлый зал. До самого горизонта тянутся стройными рядами шкафы с каталогами. В зале тишина, лишь слышна тихая возня его жителей, которые неторопливо и сосредоточенно перебирают пальцами карточки в выдвинутых ящичках, читают, что-то выписывают на бланки заказов, о чем-то шепчутся с консультантами. Идет какая-то своя тайная жизнь, и я лишь растерянно оглядываюсь и пытаюсь вспомнить, зачем я сюда пришел, – пораженный и немного раздавленный величием и масштабами этого пространства.

Так началась моя инициация и приобщение к членам тайного Ордена Библиотеки.

Этот свой первый день я посвятил подробному изучению структуры рая. Обошел все залы, несколько раз заблудился, успел побывать в буфете, о котором речь пойдет ниже. Переходя из зала в зал, я впитывал свет, запахи и звуки, пытаюсь уловить музыку каждого из них. И в каждом были свои обитатели, которые отличались чем-то от обитателей других залов. Вот профессорский зал. Мне в нем работать нельзя, но посмотреть никто не запрещает. Здесь работают представители самой высшей касты: академики, профессора, кандидаты наук. Целыми днями они сидят, как прикованные, на своих местах, погружаясь в неведомые нам глубины времени и мысли. Перед каждым из них высится на столе книжная гора, и они берут то одну, то другую книгу, листают и что-то выписывают в тетрадь... Лишь иногда снимают очки, устало трут переносицу и, близоруко моргая, смотрят рассеянно в окно на какого-нибудь голубя, важно расхаживающего по подоконнику. Судя по их лицам, это – старожилы библиотеки, чувствующие себя здесь не просто дома, но, пожалуй, более дома, чем в собственных своих домах, где надо что-то такое отвечать вечно недовольной жене, и расписываться в дневниках детей («За что тройка-то?.. О Господи, ну ты же сам мне сказал в понедельник, что понял, как находить детерминант!»), и выносить мусор, пытаюсь не забыть только что залетевшую на огонек новую идею... Но мысль о том, что завтра, после прочитанных лекций, можно будет снова вернуться *домой* в Библиотеку, греет и помогает не принимать близко к сердцу домашние странности и непонятности жизни и все, что так чуждо, нелепо и глупо в ней существует словно вопреки твоей воле...

А вот самый большой, самый старый, самый главный зал. Огромный, непостижимый, вмещающий как минимум сотню читателей. Он выглядел точно так же и десять, и тридцать, и пятьдесят лет назад. Длинные дубовые столы со стершейся от времени полировкой, зеленые плафоны, от которых струится мягкий матовый свет, склоненные головы... Бесконечная череда покашливаний, кряхтений, сморканий, сопений, шелеста книг, тетрадей или просто листов бумаги, быстро покрываемых бисерным

почерком... Кто-то работает, кто-то задумчиво разглядывает других, а кто-то просто положил голову на руки и спит. Каждый волен здесь делать что хочет, лишь бы только не мешал другим. Или не делать ничего, ибо библиотека – одно из немногих мест в мире, где ты поистине полновластный хозяин своего времени, потому что можешь укрыться в ней от... Времени.

Был еще зал с периодикой, где вдоль бесконечно длинных стен тянулись полки с журналами, газетами и альманахами на любой вкус. Филателисты и рыбаки, врачи и учителя, физики и химики могли найти здесь «свои» издания. Впрочем, чаще жители библиотеки приходили сюда либо для того, чтобы немного отдохнуть от трудов своих праведных, либо чтобы скоротать время в ожидании поступления заказанной литературы. Шорох газет и шелест журналов звучат тихо и усыпляюще-ровно, словно волны на берегу моря шуршат галькой...

А еще были студенческий зал и зал открытого доступа, где можно было копаться в книгах, и зал новых поступлений, и еще какие-то залы, названия которых звучали для меня как музыка. Между залами были тоже разные пространства: какие-то длинные переходы, коридоры, лестницы и лифты. И можно было переходить с одного уровня на другой, и где-то застревать, и где-то теряться без всякого желания найтись обратно...

Когда я позже прочитал знаменитый рассказ Борхеса «Вавилонская библиотека», я подумал, что, пожалуй, если и можно говорить о каком-то земном воплощении этой идеальной, – не только в платоновском смысле, но и во всех остальных тоже, – конструкции, то «Ленинка» подошла бы для этой роли лучше всего.

В первые же минуты пребывания в этом удивительном пространстве у меня появилось смутное, ускользающее от любых логических формулировок ощущение, что время в нем существует каким-то совершенно особенным образом. Время в библиотеке имеет настолько высокую плотность, что практически как бы уничтожает само себя. Ведь на стеллажах лежат рядком не просто годы, но столетия и столетия, и тысячелетия... И еще тысячелетия. Этакая воронка времени, поглощающая все, что к ней приближается, и не отпускающая обратно. Но скорее всего, суть в том, что времени в этом пространстве так много, что оно перестает быть, уступая все свои права Вечности, которая, в каком-то смысле, оказывается более милосердной, ибо ей до нас нет никакого дела.

Но не книгой единой был жив обитатель библиотеки. Внизу, прямо под гардеробом, был расположен небольшой буфет. Здесь царили легкое оживление, запахи кофе и булочек с корицей, позвякивание ложечек о стакан и короткий звон монет, бросаемых буфетчицей на блюдечко. Сюда доносился запах сигарет из курилки, расположенной напротив, и все эти звуки, запахи и цвета, наполнявшие буфет, делали его местом обретения земных удовольствий для спустившихся с надмирных высот небожителей. На их лицах появлялись улыбки и воспоминания о земной жизни, и каждому казалось, что можно на время отдаться полностью таким простым и согревающим душу удовольствиям.

...Я всегда с чрезвычайным любопытством наблюдал за ними и через некоторое время научился (или, быть может, мне так казалось) различать старожилов среди пестрого населения Библиотеки. На их отрешенных лицах всегда лежала печать какого-то иного знания, а в их походке, жестах и речи было что-то сомнамбулическое. Они существовали в параллельном пространстве, или, точнее было бы сказать, в разных пространствах, ибо у каждого из них оно было своим, индивидуальным. Люди, зачарованные Би-

блиотекой, без раздумий отдавали ей свою жизнь, время, дыхание, не заметив, что она давно стала для них сильнейшим наркотиком, зависимость от которого практически неизлечима. Однажды, в буфете, я разговорился с одним из *посвященных* – невысоким плотным стариком в бесцветной фуфайке, удивительно напоминавшим великого сценариста Тонино Гуэрру. В ответ на мою реплику о том, что я бы не отказался поселиться здесь и стать библиотечным бомжем, он усмехнулся и ответил, что я немного опоздал. «Как, значит, уже были прецеденты?» – «Один из них стоит перед вами».

Неторопливо поглощая булочку с сосиской и отхлебывая из пластмассовой чашечки кофе, он поведал, как много лет назад решил провести эксперимент и прожил в библиотеке безвылазно почти две недели. В ответ на мой вопрос, как ему это удалось, он посмотрел на меня с удивлением: «Да что может быть проще? Мало ли здесь мест, где можно спрятаться и дожидаться ночи. Тот же туалет». – «А не страшно вам было здесь по ночам одному?» – «В первую ночь – да, было страшновато, немного не по себе, – ответил он, глядя мимо меня, – а потом я с ними подружился и все устаканилось». – «С кем?!» – «Да со всеми... Они все по ночам выходят из книг на прогулку. Что вы так на меня смотрите?! Не верите?» – «Нет, что вы...» – Я понимал, что влип. – «Да ладно, расслабьтесь, я тоже сбежал из книги, так что все в порядке».

Лицо его было настолько серьезным, что до меня не сразу дошло, что он шутит.

С «Тонино» я потом подружился, и он оказался вполне адекватным человеком с весьма своеобразным чувством юмора. Выяснилось, что он действительно провел в библиотеке значительную часть жизни и она стала его домом чуть ли не в буквальном смысле.

...Прошло много лет, но я часто вспоминаю воздух библиотечного рая, который я утратил, когда уехал из Москвы. Иногда мне снится, что я снова в Библиотеке, брожу по ее лабиринтам, сижу в главном зале и наблюдаю за его обитателями. А еще в этих снах я медленно иду вдоль бесконечных книжных стеллажей открытого доступа, и мне кажется, что где-то обязательно должна быть Книга, в которой прячутся ответы на все вопросы мироздания. Я не помню, как она называется, но уверен, что обязательно узнаю ее сразу, с первого взгляда на старый корешок с позолоченным тиснением. Иногда я уже нахожу ее, вижу, прикасаюсь ладонью, но в тот момент, когда начинаю ее раскрывать, сон обрывается... Может, это и к лучшему?..

Александр ДЖУМАЕВ

ЖИЗНЬ БИБЛИОТЕЧНАЯ

В конце 1970-х годов библиотеки занимали довольно важное место в жизни ученого люда. Много значила атмосфера, царившая в библиотеках и вокруг них, даже какие-то мелкие детали. Ни с чем не сравнимый «книжный» запах, особенно в хранилищах, куда иной раз доводилось заглянуть или постоять на пороге. Скрипучие деревянные полы, массивные настольные лампы с зелеными абажурами... Про знаменитые буфеты-столовые и «курилки» в подвалах, как, например, в «Ленинке» в Москве, можно и не вспоминать – так много о них уже сказано добрых слов...

Это была оригинальная форма научной социализации. Здесь можно было случайно встретить известных ученых со всего Союза, тебя могли им представить, завязывались знакомства, приятельские отношения. В то время залы публичных и научных библиотек чаще всего были переполнены, образовывались очереди в ожидании свободных мест. Некоторые приходили еще до открытия, чтобы занять «престижные» места, например, возле окон – и освещение получше, и глазам можно дать отдых, посматривая время от времени за окно на «параллельную жизнь». Помню, как библиотекарь в Отделе восточных рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека в Петербурге) в первый же день моего появления тихим голосом, не привлекая внимания, посоветовала мне приходиться пораньше, чтобы успеть занять место в небольшом зале Отдела.

...Хорошо помню свои первые впечатления о занятиях в читальном зале Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛОИВАН, теперь – Институт восточных рукописей) в конце 1970-х годов. В Ленинград я отправился, чтобы собирать материалы для кандидатской диссертации, знакомиться с древними рукописями о музыке на персидском языке и консультироваться у известных специалистов-востоковедов. Панорама города, увиденная впервые, завораживала. Строгость линий, почти монохромная палитра с неожиданными вкраплениями золота куполов и шпиль. С ними гармонировали обликом и поведением горожане – внешне сдержанные, немногословные, строгие, предпочитавшие темные и серые тона, но при общении очень теплые и душевные, всегда готовые помочь...

Институт – соседнее здание с Эрмитажем, на одной линии вдоль Невы, на Дворцовой набережной. И этим все сказано. Ощущения начинались с входной двери в Институт. Массивная и тяжелая, она располагалась, как, впрочем, и поныне, со стороны Дворцовой набережной, напротив Невы. Открыть ее приезжему «молодому человеку из Средней Азии» стоило усилий. Неожиданной была необходимость определенного физического напряжения. Просторный читальный зал, некогда бывший залом для приемов и балов, казался явным излишеством в мире науки. Тишина и полумрак, звуки как будто истаивают под потолком. Обращаясь к библиотекарю, невольно переходишь на шепот. Вдоль стен – шкафы от пола до потолка, набитые книгами-фолиантами, и все это – только по востоковедению. Одно лишь их созерцание вдохновляло и настраивало на работу. Но время от времени и обескураживало – закрадывалась мысль: куда ты, букашка, со своими жалкими познаниями, уже столько всего сказано-написано, да еще как...

Любил располагаться за маленьким столиком у окна, отсюда открывался вид на Неву и Петропавловскую крепость напротив. Цвет Невы менялся в зависимости от времени суток. Ровно в 12 невольно вздрагивал вслед за дрожанием стекол в окнах. Сухой одиночный выстрел из пушки, отмечавший полдень, всегда заставлял врасплох. Постепенно я стал чувствовать приближение «исторического момента» за несколько минут и даже пытался разглядеть «церемонию» пальбы.

Библиотекарь неторопливо инструктировала, как нужно обращаться с рукописью или старопечатным изданием, дабы не повредить страницы и текст. Чтобы не оставить каких-либо следов, на страницу накладывался лист чистой бумаги, который аккуратно перемещался по мере чтения рукописи или литографии. Сколько помню, никто и никогда не спрашивал: а зачем вам эта рукопись, ведь вы не занимаетесь этой

темой, ваши исследования связаны с музыкой? Никогда не было и отказов по каким-то техническим или иным причинам. Любые, даже самые уникальные рукописи непременно приносились в зал для работы.

С атмосферой читального зала сопрягались и другие вещи, внешне, казалось бы, далекие от науки, но ставшие неотъемлемой частью воспоминаний о работе в Институте востоковедения. Буфет в соседнем Доме ученых, куда направлялись в обеденный перерыв небольшими группами «по интересам». Священная тишина занятий сменялась здесь резко контрастным оживлением. Запомнились бутерброды с красной икрой, осетриной или какой-то другой рыбой, черный чай в стаканах с подстаканниками, кофе... – вкус всего этого казался изысканным и неповторимым. Было самообслуживание. Во время чаепития продолжалось, теперь уже устное, знакомство с рукописями: шли разговоры о фолиантах, их особенностях, можно было показать свои записи-конспекты старшим коллегам и спросить их совета. Здесь тебя знакомили с известными учеными, которые удивляли доступностью и любезностью. После занятий, вечером, можно было еще немного продолжить общение, теперь уже в расположенной рядом кофейне. Именно по дороге в кофейню мне, тогда еще молодому аспиранту, известный советский востоковед-иранист Александр Николаевич Болдырев сказал об одной уникальной рукописи по музыке в собрании ЛОИВАН: «А вы не обратили внимание на небольшой трактат о музыке некоего Мухаммада Нишапури? Кажется, там что-то есть. Он ведь датируется очень ранним временем, тринадцатым веком!».

И я с благодарностью обратил внимание. И, действительно, оказалось, что это рукопись уникального научного сочинения, которым довелось потом заниматься много лет, уже после возвращения из Питера. В своей первой публикации об этом источнике я отметил, что идея его изучения принадлежит Александру Николаевичу Болдыреву, и отправил ему экземпляр статьи. Ученый был искренне рад и ответил напутственным словом. Но это уже другой сюжет, хотя и связанный изначально с «библиотечной жизнью»...

Бахтияр БАБАДЖАНОВ

Колониальная власть в Туркестане и ислам

По поводу новой книги Ш. Мухамедова

Исследования особенностей «исламской политики» Российской империи (в том числе в Средней/Центральной Азии) стали предметом особого интереса в последние десять-пятнадцать лет. Это направление стало одним из самых интенсивных в рамках изучения особенностей колонизации. Как обычно, мы видим разные подходы, концепты, дискуссии, которые влияют на формы оценок идеологии колонизации.

Книга Шухрата Мухамедова о «мусульманской политике» Российской империи в Туркестане* посвящена некоторым из поднимаемых проблем в этом направлении и оказалась созвучна моим нынешним научным интересам, наблюдениям и размышлениям, – что и побудило меня отозваться на нее. Я хотел бы избежать обычной рецензионной схемы: пересказывать содержание книги или описывать ее структуру, – чтобы сэкономить пространство для разговора о некоторых проблемах освещения политики Российской империи в отношении ислама в Средней Азии.

Книга имеет ряд достоинств. Ш. Мухамедов изучал оригинальный материал архива и постарался выстроить свой анализ на основе изученных документов. В книге содержатся некоторые полезные наблюдения. Прежде всего, это вывод, касающийся политики «игнорирования ислама и мусульманских учреждений» в Средней Азии (сформулирован в знаменитом «Отчете» фон Кауфмана 1881 года). Как справедливо отмечает Мухамедов, «игнорирования ислама» в полном смысле не было (С. 247)¹: колониальная администрация внимательно следила за деятельностью религиозных учреждений, опасаясь, что они могут сыграть определенную роль в возникновении «беспорядков, смуты и волнений»². Действительно, было бы странно ожидать, что ислам и мусульмане останутся вне контроля. Основная задача любой власти, в том числе колониальной – это контроль и доминирование.

* Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917). Ташкент: Baktria Press, 2013. 253 с.

Интересны наблюдения и замечания автора относительно самого проблемного, болезненного вопроса – о вакуфном имуществе, который не раз становился предметом обсуждения колониальной администрацией (С. 137-157). Очень полезными представляются обзоры автора, касающиеся долгих обсуждений этого вопроса в разных комиссиях, вносящих еще больше хаоса в этот запутанный вопрос (С. 133-147). Однако, полагаю, Ш. Мухамедову следовало бы не ограничиваться обзором документов, «Свода законов» и похожих «Положений». Важно было также обратиться к другим работам по этой проблеме, тем более что изучение «вакуфного вопроса» имеет долгую историю³. Это лишило автора возможности корректно толковать существующую терминологию и серьезно обеднило его выводы (об этом подробнее ниже).

Интересны, на мой взгляд, попытки Ш. Мухамедова реконструировать деятельность инспектора народных училищ В.П. Наливкина и его коллег, С.М. Граменицкого и Н.А. Бобровникова, по организации русско-туземных школ (С. 185-212). Автор приводит подробные описания некоторых документов, касавшихся их деятельности. Правда, он и здесь не использует современных работ на эту же тему⁴. Мне кажется, что лучше было бы рассмотреть деятельность названных экспертов в контексте идеологии колонизации, которую нельзя сводить, как это делает Ш. Мухамедов, к мифической «государственной программе тотальной русификации» (С. 212). Этой «программы», равно как и абстрактной и эфемерной идеи «православного цивилизаторства», власть в своей практической деятельности не придерживалась. Да и внутри самой власти имели место разные мнения, в том числе в оценке религиозной ситуации. Различные дискурсы в идеологии колонизации давно обсуждаются в литературе, посвященной колониальной и постколониальной истории.

Как всякое исследование на актуальную и малоизученную тему, работа Ш. Мухамедова не может не вызвать ряд вопросов и возражений. Начну с названия монографии: «Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане».

Во-первых, «источниковедческий анализ» может касаться документов, публикаций и так далее, но не политики. Во-вторых, сама формула «государственное регулирование ислама», многократно повторенная в книге и определившая главную идею автора, на мой взгляд, некорректна. Государство (тем более Российское) не могло «регулировать ислам». Термин «ислам» подразумевает эту религию как богословско-правовую систему или как набор догм, этических, культурно-цивилизационных парадигм и т.п. В этом смысле ислам в Средней Азии уже сложился и функционировал в течение многих столетий, имея, между прочим, в своем распоряжении массу собственных инструментов внутренней регуляции. В случае Российской империи речь может идти о, например, *регуливании деятельности исламских учреждений*, попытках *организовать контроль* над ними и так далее. «Регулировать» сам ислам Российская империя не могла, да и не притязала на это.

Заявляя, что тема «государственного регулирования ислама» (под которым, очевидно, следует понимать «исламскую политику») «специально не изучалась» (С. 19, 24), Ш. Мухамедов, мягко говоря, сильно рискует. Читатель вправе был бы ожидать серьезного анализа работ, где эта тема, как заявляет автор, плохо изучена. Однако это как раз не сделано. Возможно, западная литература оказалась автору недоступ-

на (хотя наличие Интернета давно сделало бессмысленным такое оправдание). Но в работе отсутствует анализ той российской литературы, которую упоминает автор: почти одноименной книги Д.Ю. Арапова⁵, работы П.П. Литвинова, других российских исследователей. Вместо этого идет простое перечисление работ (причем лишь малой доли) некоторых современных авторов, сопровождаемое буквально парой ничего не значащих фраз, иногда кратким и часто неточным резюме (С. 20-24). Список дореволюционной и советской литературы, который якобы подвергнут «историографическому анализу» (С. 20), представляет собой не более чем их библиографическое описание, иногда с цитатами (С. 12-18).

Разумеется, критический анализ работ предшественников не должен становиться самоцелью. Однако он необходим для того, чтобы сформулировать собственные цели и задачи, собственные подходы к проблемам, которые не смогли решить предшественники. Похоже, по этой причине ни своих целей, ни задач Ш. Мухамедов внятно не формулирует – по крайней мере, в том виде, в каком это обычно принято в научных исследованиях.

Между тем, собственно политика Российской империи в отношении ислама, в том числе и в Средней Азии, принадлежит к разряду хорошо (пусть и далеко не полно) изученных тем. В этом исследовательском поле давно уже появились новые подходы, концепты, взгляды и нарративы (например, в рамках подхода, предложенного Эдвардом В. Саидом и его критиками). Здесь достаточно упомянуть исследователей, имена которых у всех специалистов на слуху и чьи работы уже давно доступны в Интернете либо имеются в библиотеках Ташкента: Д. МакКензи, Х. Зияева, Э. Лазерини, Д. Броуэра, Д. Арапова, Дж. Сахадео, А. Миллера, С. Абашина, Р. Крюса, А. Франка, А. Халида, Ал. Моррисона, С. Беккера, П. Сартори, С. Горшенину, В. Мартина, Ш. Вохидова, А. Эркинова, З. Абдирашитова, Ю. Флыгина и многих других. Я уже не говорю про работы советского периода (малую часть из них Мухамедов упомянул в списке литературы), а также специальные сборники либо журналы (вроде «Ab Imperio» и т.д.). Эти авторы придерживаются разных подходов, школ и пр. Именно анализ их подходов, а также библиографическая и историографическая критика их работ важна для исследователя.

Ш. Мухамедов привел некоторые работы названных авторов в библиографии (С. 24, 253), однако практически не использовал их в своей книге. Между тем, часть этих исследователей (например, Зияев, Абашин, Сахадео, Моррисон и др.) анализировали те архивные источники, к которым апеллирует автор, и даже более детально, – ниже я укажу другую литературу.

То же можно сказать о главе, названной «Анализ источников по проблеме государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане» (С. 27–42). Здесь мы видим только «краткую историческую справку» (С. 27), представляющую собой, большей частью, пересказ «Путеводителя» Центрального государственного архива (ЦГА УзССР; Ташкент, 1948). Анализа, увы, нет.

Нет ни одной ссылки на работы других исследователей и при описании завоевания Средней Азии (в первую очередь Ташкента), – а эту тему подробно анализировали Халфин, Азадаев, Зияев, Соколов, Хидаятов, Гуломов, не говоря об англоязычных авторах⁶. Можно, разумеется, не соглашаться с их выводами. Однако научная этика требует упоминать работы предшественников, пусть даже в критическом контексте,

а не повторять их обзоры без сносок. Не привлечены сочинения местных авторов, вроде Сами', Даниша, 'Азизи и многих других. Переводы их уже опубликованы, и ссылки на эти сочинения могли бы внести в работу Ш. Мухамедова весьма важные аспекты, связанные с точкой зрения самих мусульман на первые шаги Российской империи в формировании «исламской политики» в Туркестане⁷. Цитируя же и пытаясь анализировать письмо-адрес ташкентцев М. Черняеву, Ш. Мухамедов использует его искаженный русский перевод, – при том, что это письмо (точнее, оригинал договора полковника Черняева с ташкентцами) подробно разобрано в научных публикациях⁸.

В третьей главе «Трансформация государственной политики в Туркестане в отношении ислама (1884–1908)» Ш. Мухамедов подробно описывает несколько архивных дел с документами проектов, в которых обсуждались планы создания Духовного управления мусульман Туркестана (С. 83-121). Этот обзор с обширными цитатами очень полезен, особенно для тех, кому эти документы недоступны. Однако, кроме цитат и кратких замечаний (которые, видимо, представлены как выводы, – С. 110, 121), анализа как такового здесь нет⁹.

Вот, в частности, что говорится о несостоявшемся учреждении в Туркестане Духовного управления:

...Попытка создания компетентного органа, который руководил бы духовной жизнью мусульман Туркестана, прежде всего, споткнулась об отсутствие востоковедов и ... непонимание кадровыми военными специфики поставленных задач... (Спрашивается: кем и зачем поставленных? – Б.Б.). ...Вопрос создания руководящего органа мусульман региона не был решен... Краевая администрация ... не решила главного вопроса – разработки и грамотного осуществления политики государственного регулирования ислама (т.е. создания Духовного управления – Б.Б.) в колониальном Туркестане» (С. 121).

В общем заключении автор сожалеет, что «никакого руководящего центра по исламским организациям фон Кауфман не создает» (С. 243).

Я оставляю в стороне вокабуляр автора, воспроизводящий стиль советских бюрократических документов. Замечу, что, во-первых, востоковеды к обсуждению документов все-таки были привлечены¹⁰; некоторых из них называет сам автор (С. 90, 94, 114). Но именно они не одобряли создания Управления, поскольку понимали, что функция Духовного управления сводилась к попытке «церквизации» ислама¹¹. Общеизвестно, что в исламе церкви нет и решения «управляющих органов» (наподобие Синода) не могут быть обязательными: подготовленные богословы вправе выносить самостоятельные решения.

Во-вторых, автор воспринимает «востоковедение» как панацею, которая позволила бы избежать ошибок в религиозной политике, или, по крайней мере, уверен, что ориенталисты обязательно одобрили бы создание Духовного управления. Это выдает незнакомство автора с дискуссиями последних лет вокруг ориентализма как инструмента колониальной политики. Вряд ли есть смысл разоблачать колониальную администрацию, которая так и не решилась на создание Духовного управления для мусульман, что, по мнению автора, могло бы способствовать выработке «эффективных методов государственного регулирования ислама» (С. 243). И, наконец, все используемые автором документы являлись только обсуждаемыми проектами, а

не решениями правительства и особенно местной администрации. Поэтому гораздо продуктивнее в научном отношении было бы выяснить, почему документы «не прошли инстанций»¹², почему «Духовное управление» рассматривалось не как инструмент «организованного контроля», а как опасное объединение «потенциально противных Империи мусульман»; были среди экспертов и другие мнения¹³. Следовательно, делать без надлежащего анализа вывод, что такие документы свидетельствуют о прямых попытках «регулирования ислама», некорректно. И вновь приходится говорить, что этих ошибок можно было бы избежать, если бы были привлечены работы упомянутых выше коллег, а сама книга была бы вписана в существующее библиографическое пространство.

В разборе упомянутого «вакуфного вопроса» Мухамедов пользуется исключительно аналитическими работами самих колониальных экспертов и чиновников. Например, того же В. Наливкина, который, как пишет автор, «вскрыл недостатки и промахи законодательной и ... исполнительной власти» (С. 145-146). Так же высоко оценена «Записка» В. Наливкина по «вакуфному вопросу» (С. 148) или же критика политики администрации в этом вопросе, частично опубликованная, которая попадала в руки властей в виде тех же «Записок» А. Фрея, А. Гиппиуса, начальника Сырдарьинской области А. Галкина, графа Палена и др. (С. 151-153, 154-155). Эти эксперты сами вскрывали недостатки в деле «ревизии вакфов», особенно лишения их налоговых иммунитетов. Опираясь исключительно на выводы этих колониальных экспертов, Ш. Мухамедов заключает, что попытки решить «вакуфный вопрос» «в очередной раз остались на бумаге» (С. 155, 156)¹⁴. Поэтому совершенно неожиданным и абсурдным выглядит его общее заключение, что в этом вопросе «неразбериха устраивала Краевое управление, которое таким образом боролось с исламом» (С. 245)¹⁵.

Автор пишет, что «порядок избрания мударрисов» (под контролем властей) «имел для мусульманских учебных заведений тяжелые последствия» (С. 172). Спрашивается, что это были за последствия и на основании каких источников сделан такой вывод? Так же, не уточняя и не указывая источники, автор пишет, что «из многих медресе ... незаконно было отчислено большое число мударрисов» (С. 191). Если следовать логике автора, создается впечатление, что сама система традиционного образования не имела никаких проблем и они возникли исключительно из-за действий колониальной власти. Однако известно, что и джадиды критиковали ее состояние: царящую в ней коррупцию, продажу худжр, внимание исключительно к вопросам догм и т.п., – и настаивали на ее реформе, причем примерно в тех же формах, как это предлагал и В. Наливкин. Выходит, что в случае джадидов предлагаемые реформы образования «прогрессивны», а в случае Наливкина – это попытка «закрутить гайки» (!) (С. 176; ср.: С. 196-197). Для воссоздания более сбалансированной картины состояния традиционного образования нужно было изучить и другие документы. (Например, нельзя игнорировать множество адресованных колониальным властям жалоб самих студентов медресе на злоупотребления со стороны администрации этих учебных заведений при распределении вакуфных доходов¹⁶). Тем более, что осуществить весь этот комплекс «мероприятий» по улучшению образовательной системы медресе и мактабов колониальным властям попросту не удалось (не было ресурсов).

Некоторые выводы автора относительно «Записки» Наливкина по «вакуфному вопросу» просто некорректны. Так, в пункте 4 «Записки» предлагается, чтобы проекты новых медресе составлялись, для обеспечения норм сейсмостойкости, русскими инженерами-строителями. Ш. Мухамедов пишет, что мусульманин, жертвовавший на постройку медресе, не мог принять проект, который был бы «исполнен техником христианского вероисповедания» (С. 174-175), однако никаких примеров отказа от таких проектов не приводит. Напротив, известно, что ряд исламских религиозных сооружений (в том числе и медресе) на территории Туркестана проектировались инженерами православного вероисповедания (Д.Н. Кастальским, А.Н. Роопом и др.). Такие же специалисты составляли первые проекты реставрации существующих медресе и мечетей в Самарканде, Каттакургане, Коканде и т.д. Причем заказчиками часто выступали жертвователи из мусульман¹⁷. Уже к последней четверти XIX века все строители медресе перешли на более удобный кирпич «русских» (точнее, европейских) стандартов, прямоугольной формы; использовали алебастр, металл, лес и т.п., в том числе и в строительных работах на территории ханств (дворцы, медресе, дома). Эти стройматериалы были произведены именно русскими фабрикантами.

Дело здесь в обычной, часто допускаемой методологической ошибке. Мусульмане (или «мусульманские каноны», как пишет автор) представлялись излишне консервативными и готовыми сопротивляться любому новшеству. Подобные тезисы основаны на ограниченном понимании *шари'ата* и методов фикха. Даже в так называемом «консервативном исламе» (который часто противопоставляется «джадидскому», реформистскому) существует множество прецедентов, когда такого рода вопросы – например, использование предметов, лекарств, произведенных «неверными», услуги христианских специалистов и т.п. – решались положительно именно через методы фикха¹⁸.

Касаясь первого тома знаменитого «Сборника материалов по мусульманству» (СПб., 1899), Ш. Мухамедов совершенно справедливо указывает, что сборник создал абсолютно искаженное представление об исламе и мусульманах. Однако непонятно, каким образом этот сборник может рассматриваться как пример «государственного регулирования ислама»: он вызвал критику не только со стороны многих русских исследователей, в том числе и В.В. Бартольда¹⁹, но и на более высоком уровне бюрократической иерархии²⁰, в результате чего фактически «лег под сукно».

Что касается другого приводимого автором примера «регулирования ислама» – регулирования хаджа (С. 218-223), то эта проблема, скорее, касалась вопросов паспортного, таможенного и прочих видов контроля. Местные мусульмане привыкли отправляться в хадж, по традиции, без всяких документов, однако Турецкая империя (через которую проходила основная часть паломников) начала требовать навести соответствующий порядок, так как уже тогда в ней применялись складывающиеся международные нормы миграционного контроля.

Такое же замечание можно сделать относительно рассуждения Ш. Мухамедова об Андижанском восстании 1898 года (С. 223-233). Во-первых, вновь приходится отмечать, что и в этом параграфе автор обошелся без использования прежних публикаций, где эти вопросы разобраны более обширно²¹. Во-вторых, Ш. Мухамедов не пытается сравнить использованный им документ, который можно рассматривать

как реакцию на восстание, с «Всеподданнейшим докладом», предназначавшимся для высших инстанций в Санкт-Петербурге²². Главное, что, вопреки мнению Ш. Мухамедова, имперские власти никаких далеко идущих выводов по нему *не сделали*, отказавшись от ужесточения исламской политики. Ключевую роль здесь сыграло мнение министра С.Ю. Витте, который своей ответной «Запиской» постарался остудить горячие головы, настаивая на том, что любые необдуманные шаги в этом вопросе могут привести к нежелательным последствиям²³. В-третьих, одной из причин восстания автор называет ошибочную политику в области образования и «вакуфного вопроса» (177, 194). Однако Андижанское восстание никоим образом не было связано с «вакуфным вопросом», равно как и с образовательной системой.

Список методологических ошибок, допущенных в книге, тоже немал. Остановлюсь лишь на некоторых.

Так, Ш. Мухамедов пишет, что никто из генерал-губернаторов Туркестана «не знал ислам» и даже не обладал востоковедческим образованием (С. 47). Тем самым он вольно или невольно повторяет претензию туркестанского эксперта по исламу Н. Остроумова к высшему руководству колониальной администрации: тот упрекал ее в незнании ислама, местных обычаев и языков. Более того, создается впечатление, что сам Ш. Мухамедов понимает ислам так же, как и местные колониальные эксперты, повторяя их методологические ошибки. Это, прежде всего касается понимания *шари'ата* как незыблемого, неизменного и всеобъемлющего кодекса. Такой подход отличал и «Отчеты» комиссий графа Палена, а до него Г. Гейнса: источниками *шари'ата* в их оценках считались исключительно Коран и Сунна.

Да, Коран и Сунна (хадисы) были основными источниками права, – но не единственными. В системе и традициях вынесения решений местные обычаи (*урф ва 'адат*) играли не последнюю роль при принятии вердиктов кадиев, составлении фетв и т.п. К тому же, собственно Сунна включала в себя не только исключительно «достоверные» (*сахих*), но и так называемые «слабые» (*дауиф*) хадисы, которые, в свою очередь тоже подразделялись на ряд типов (*мавду*, *мутавааттир* и пр.). Муфтии, кадии и другие богословы ими охотно пользовались, если те не противоречили в категоричной форме «основам» (*асл*), а самое главное – помогали выносить решения по новым прецедентам, возникающим перед судебной системой либо перед общиной в целом. Как кадийская судебная система, так и «суд биев»²⁴ были достаточно гибкими, чтобы приспособиваться к новым условиям, отвечать новым вызовам. Представления же русской экспертной элиты исходили из ориенталистских штампов, представляющих «мусульманский Восток» как нечто неподвижное и «спящее», твердо придерживающееся некоего «неизменного» *шари'ата*²⁵.

Кроме того, почти никогда не принимались во внимание локальные вариации, юридический плюрализм, рациональные подходы (*ра'й*) в вынесении решений и особенно одновременное существование форм гражданского права (как компонента обычного неконфессионального права). Для понимания этих существенных аспектов важно было внимательно изучать местную юридическую практику, особенно документы по тяжбам, наследству и т.п., чего почти никто из колониальных экспертов не делал. Этого не сделал и Ш. Мухамедов, поэтому ему следовало бы ознакомиться с уже опубликованными материалами тех специалистов, кто эти исследования прово-

дит. Здесь хотел бы назвать упомянутые работы В. Мартина, П. Сартори, Ал. Моррисона, а также Н. Тошева, Т. Велсфорда²⁶ и др.

Впрочем, еще задолго до этих исследователей В.В. Бартольд критиковал такое, слишком буквальное понимание *шари'ата* как твердо установленного кодекса:

То, что будет действительно полезно и важно для будущих администраторов, это то, как местные судьи действуют на практике, в различных областях практического применения норм, и как они интерпретируют законы шариата и адата²⁷.

Во всяком случае, этот и подобные подходы и концепции отечественных, западных и отчасти российских коллег серьезно обогатили бы работу Ш. Мухамедова и позволили бы ему избежать ряда методологических ошибок.

Слабым местом монографии является и Заключение. Материал, привлеченный автором для исследований, позволял сделать достаточно обширные выводы, но как раз до них исследователь так и не добрался. То, что предлагается в качестве выводов, напоминает обычную констатацию фактов. Некоторые из этих выводов, к тому же, откровенно противоречивы. Так, например, автор пишет, что

представители мусульманской религии в действительности находились под постоянным контролем российской администрации (С. 241).

И буквально вслед за этим утверждает, что «жизнь мусульманских организаций фактически была пущена на самотек» (С. 243).

Некоторые выводы просто априорны. Например, автор пишет, что фон Кауфман «внес большие изменения в налоговую систему», которая будто бы «ранее была основана на шариате» (С. 243). Это заблуждение, так как доколониальная система налогообложения была далека от нормативных предписаний. Еще меньше оснований говорить о том, что фон Кауфман «стал проводить реформы мусульманского образования» (там же): речь шла только о проектах, которые почти и не были воплощены в жизнь.

Еще более спорно утверждение, будто бы Н. Остроумов, приглашенный в край в силу нехватки «специалистов-востоковедов», «начал заниматься регулированием взаимоотношений христианской власти и мусульманского образования местного населения» (С. 245). Это не так: Остроумов никогда не занимался «регулированием» взаимоотношений носителей двух конфессий.

Некоторые речевые обороты и фразы в книге, мягко говоря, неудачны и заимствованы из вокабуляра советских документов (С. 21, 23 и т.д., – по всей книге). Порой автор использует откровенно публицистические штампы:

Удар по исламу наносился ... обходными путями, что было более надежно и перспективно для российской власти (С. 80).

Иногда встречаются абсолютно необоснованные заявления. В. Наливкин неожиданно оказался в лагере миссионеров, а критика графом Паленом ошибок местной администрации оценена как «регулируемая утечка информации» (С. 44, 48). М. Черняева автор считает «знатоком края», нравов и обычаев (С. 49); это слишком упрощенное понимание его статуса и биографии²⁸.

В заключение хочу оговориться, что высказанные мной замечания отнюдь не означают, что книга Ш. Мухамедова абсолютно бесполезна: автор все-таки немало поработал в архиве. Однако, в целом, с сожалением приходится констатировать, что Ш. Мухамедов не сумел (или сознательно отказался) вписать свою книгу в мировое исследовательское пространство: в ней налицо дефицит диалога с другими исследователями. По этой же причине «теоретический посыл» работы оказался крайне упрощенным: колонизаторы пытались «всадить нож в спину исламу», русифицировать местное население и подчинить мусульман, а те, в свою очередь, оставались носителями угнетенной конфессии. Критикуя колониализм, Ш. Мухамедов опирается исключительно на колониальные документы. Но сами мусульмане оказались в тени. Нет даже попытки реконструировать их позицию, понять, почему они шли на сотрудничество с колониальными властями, например, в тех же «Мехкеме», Духовном управлении 1884 года и т.п.

Такой же дефицит заметен в аналитической составляющей, которая часто заменена пересказом или описанием документов (причем только из ЦГА РУз). Это же можно сказать и об анализе источников. Например, важно было бы более тесно увязать содержание документов с особенностями биографии и позициями их составителей, с тем, как и какие события и личные отношения влияли на составляемые ими тексты²⁹. Или: как и почему большая часть документов в действительности «не работала», лишь увеличивая число не подкрепленных действиями бюрократических решений.

Замечу, что подходы, нарративы и даже язык описания колониальной истории, доминирующие сегодня в Узбекистане (равно как и в большинстве республик постсоветского пространства) вырабатывались, исходя из стремления заменить советские методологические штампы. Однако большинству исследователей сделать это не удается по разным причинам.

Во-первых, узнать что-то о новых методологиях оказалось для многих непосильной задачей: соответствующая литература остается почти недоступной, как физически, так и в силу языковых барьеров (большинство исследователей почти не знают иностранных языков). Отсутствие специальной подготовки и доминирование старых методов образования тоже серьезно ограничивает вовлечение местных исследований в мировое исследовательское пространство. Во-вторых, политический и отчасти общественный «заказ» на «новую историю» (естественно в национальных нарративах³⁰) никак не сочетается с большинством подходов и методов, которыми обогатилась современная история, в частности, исследования колониального периода.

В результате налицо попытка заменить старые мифы новыми, которые, по сути, остались советскими: меняются лишь векторы оценок. Исторические исследования часто превращаются в назойливый поиск «национальных героев», в изложение «поучительных рассказов» и т.п. Попытки некоторых исследователей вырваться из этого замкнутого круга не всегда удачны, примером чего может служить работа Ш. Мухамедова.

В целом, книгу следовало бы серьезно переработать и вновь издать, устранив названные и другие недостатки, с использованием уже опубликованных работ по теме. Тем более что сама тема очень актуальна и востребована.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда, формулировка автора неожиданна: «Политика “игнорирования” ислама ... фон Кауфмана ... была политикой “осторожного”, научного (?! – Б.Б.) вмешательства» (С. 167).

² Ранее к аналогичному выводу пришел П. Литвинов (см. его: Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным документам). Елец: Елецкий гос. пед. ин-т, 1998. С. 124-125, 166, 250-252, 262), которого Ш. Мухамедов критикует и почти полностью игнорирует его выводы.

³ См., например: *Абашин С.Н.* Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело дахбидского медресе. 1892–1900) // Сборник русского исторического общества № 7(155). М.: Русская панорама, С. 163-191. (Основная библиография там же.)

⁴ Между прочим, такой же подробный обзор по «туземному образованию» находим у П. Литвинова (Государство и ислам... – С. 113-150).

⁵ Некорректная формула «государственное регулирование ислама», очевидно, заимствована Ш. Мухамедовым из работ Д.Ю. Арапова и его коллег. См., например: *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004.

⁶ Например, упомяну работы, доступные в Интернете: *MacKenzie D.* Expansion in Central Asia: St. Petersburg vs. The Turkestan Generals (1863–1866) // *Canadian Slavic Studies*. 1969, № 2 (Vol. 3). P. 286-311; *Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1924. Bloomington. In: Indiana University Press, 2007; *Jamison M.* Weakness, Expansion and “Disobedience”: The Beginnings of Russian Expansion into the Heart of Central Asia, 1864–1865 (University of Oxford, Dr. Phil. thesis, 2007); *Becker S.* Russian Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London–New York: Routledge Curzon, 2004, и многие другие.

⁷ Некоторые извлечения из источников и писем времени завоевания Средней Азии (иногда с полными переводами) доступны на сайте проекта «Zerrspiegel / Кристые зеркала» (руководитель – проф. Ю. Паул. Группа: Б. Бабаджанов, Ш. Вахидов, А. Эркинов, Ш. Мустафаев, В. Матвеев, О. Ястребова). Одна из задач проекта была направлена на то, чтобы сделать доступными исследователям ряд источников местных авторов по названной теме. Например, сочинения одного из придворных Амира Музаффера – Авдачи (zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1190.html), рассказы других свидетелей продвижения войск России в Средней Азии (zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t21.html / t1189.html) и др.

⁸ *Аздаев Ф.* Ташкент во второй половине XIX века. Очерки социально-экономической и политической истории. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959; *Соколов Ю.А.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент: Узбекистан, 1965. С. 153-166; *MacKenzie D.* The Career of General M.G. Cherniaev. Athens: University of Georgia Press, 1974. Более подробно: *Бабаджанов Б.М.* Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черныяева // ВС, 2012. № 4 (XXVIII). С. 51-67. Ташкент. (Там же библиография.)

⁹ К тому же, наиболее важные из этих документов уже опубликованы и обсуждены в работах Д. Арапова и Е. Лариной (Общий свод Комиссии по вопросу мусульманского Духовного управления в Туркестанском крае // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.): Сборник материалов. – Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапова. М.: Наталис, 2006; Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора от инфантерии Духовского “Ислам в Туркестане”. Ташкент, 1899 год. // Там же, С. 142-178; Записка С.Ю. Витте по мусульманскому вопросу. 1900 г. // Там же, С. 242-261).

¹⁰ Записка С.Ю. Витте... С. 242. См. также: *Бабаджанов Б.* Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // *Ab Imperio*. – Казань, 2009, № 2. С. 165.

¹¹ Эти пассажи приводит и сам Ш. Мухамедов (С. 98), однако никак не комментирует их.

¹² Это было результатом противоречивости как идеологии колонизации, так и действий «практиков» (См.: *Бабаджанов Б.* Андижанское восстание 1898 года... С. 166-177).

¹³ См об этом: *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В.В.* Соч. в 9 тт. Т. I, часть 1. М.: Наука, 1963. – С. 277; *Бабаджанов Б.* Андижанское восстание... С. 164.

¹⁴ Хотя В. Наливкин требовал прекратить незаконные отчисления с доходов вакуфов в казну местных городов и эта рекомендация была принята (С. 191-193). Таким же спорным выглядит заключение, что В. Наливкин подчинил «внутреннюю жизнь медресе ... российскому влиянию» (С. 175). Автор также осуждает С.М. Граменицкого за то, что тот «не оценил тягу местных народов к новометодным школам» (С. 207). Как раз «тяги» к ним не было, а было серьезное недоверие к этому методу образования.

¹⁵ Неубедительными выглядят попытки Ш. Мухамедова упрекнуть Наливкина и Вяткина в «многочисленных ошибках в переводе мусульманской терминологии» (с. 92, прим. 282). При этом Ш. Мухамедов приводит в пример перевод слова «мударрисы», заявляя, что перевод как «преподаватели» некорректен, и предлагает переводить его, в стиле советского «канцелярита», как «заведующий учебной частью».

¹⁶ См.: *Литвинов П.* Государство и ислам... С. 149-150.

¹⁷ Такие факты мы зафиксировали в ходе подготовки к печати многотомного альбома «Архитектурная эпиграфика Узбекистана» (готовится к выпуску в издательстве «Шарк»).

¹⁸ См.: *Babadjanov B.* Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals // *Looking at the Colonizer: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas* (eds.: V. Eschment, H. Harder). – Berlin: KSW, 2004. P. 84-87; *Бабаджанов Б.М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио-Ташкент: Yangi nashr, 2010. С. 38-42.

¹⁹ См.: *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана... С. 383.

²⁰ См.: Доклад капитана Давлетшина по содержанию «Сборника материалов по мусульманскому вопросу» // Императорская Россия... С. 233-237; *Бабаджанов Б.М.* Андижанское восстание... С. 168-169.

²¹ Библиографию см. в: *Komatsu H.* Dar al-Islam under Russian Rule // U. Tomohiko (ed.). *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia.* Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 9-18), а также в моей статье: Андижанское восстание...

²² См. упомянутый выше сборник «Императорская Россия и мусульманский мир».

²³ См.: *Бабаджанов Б.М.* Андижанское восстание... С. 167-170.

²⁴ На мой взгляд, является заблуждением считать, что в среде «киргизов» (казахов) доминировал степной закон («*ясак*», «*джасак*» и т.д.): суды биев охотно и гораздо чаще пользовались исламскими источниками права для вынесения решений. См. об этом: *Brusina O.* Die Transformation der Adat-Gerichte bei den Nomaden in der Zweiten Hälfte des 19 Jahrhunderts // *Rechtspluralismus in der Islamischen Welt, Gewohnheitsrecht zwischen Staat und Gesellschaft*, ed. M. Reinkowski and M. Kemper. Berlin and New York: de Gruyter, 2005. P. 244; Она же. Обычное право кочевого населения Туркестана в системе русского управления // *Среднеазиатский этнографический сборник.* № V, 2006. С. 217-234; *Martin V.* Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. P. 4-21.

²⁵ Хотя, разумеется, далеко не все эксперты и чиновники так категорично воспринимали *шариат* и ислам в целом. Власть (как обычная, так и колониальная) – явление многомерное и сложное, она набирает опыт, меняется с течением времени и т.д. И однозначные выводы (в случае рецензируемой книги – о «некомпетентности» колониальной администрации по отношению к исламу) тоже требуют более серьезного обоснования, изучения и корректив.

²⁶ См, например, «Введение» к подготовленному ими каталогу: *A Catalog of Arabic Script Documents from the Samarqand Museum.* Under the direc. of J. Paul, Sh. Mustataev and B. Abdukhalmov. Samarqand, 2010. P. 9-27.

²⁷ *Бартольд В.В.* К вопросу об изучении местных языков // Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края. Ред. И.Д. Ягелло. Ташкент: Изд-во при канцелярии Турк. генерал-губернатора, 1905. С. 107-112.

²⁸ Ср.: *MacKenzie D.* The Lion of Tashkent...; *Бабаджанов Б.М.* Туркестанский конквистадор: взлеты и падения генерала Черняева // *BC*, 2012, № 3 (XXVII). С. 47-63; *BC*, 2012, № 4 (XXVIII), С. 45-60.

²⁹ Хотя во Введении автор и обещает применять такой подход (С. 9-10).

³⁰ Подробней см.: *Хан В.С.* О методологической и логико-эпистемологической ситуации в общественно-гуманитарных науках Центральной Азии // *Uzbekistan Initiative Papers.* 2014, № 16, март. С. 2-12.

Наталья СЕЛУЯНОВА

Семейная хроника Селуяновых

Публикация О. Илюшкиной*

А В ЭТИ ЖЕ ГОДЫ В МОСКВЕ...

Первые неудачи

Во время каникул 1924 года я поняла, что и мне, и Тане в Москве живется несладко. Позднее, когда я попросила Таню вспомнить, как протекала в то время их жизнь, она описала то, что они пережили после моего отъезда из Москвы:

«Первое, что отец был исключительно порядочным и благородным человеком, но жизненного ума у него не было. Поездка из Ташкента в Ленинград – на одном только обещании устроить его на работу, – он сжигает корабли. Бросить квартиру, разбросать вещи и пуститься в путь, на север – раздетым, без ничего. Безусловно, надо было ехать одному, а не подошло бы – вернуться.

Обещание теток устроить квартиру было пустой болтовней. Реально они ничего не предложили и не собирались хлопотать. А мы остались буквально без угла. В Ташкенте у меня были сданы документы в Университет, а поступить была игра – экзаменов даже не было. На худой конец, в Ташкенте я всегда нашла бы себе работу.

В общем – безумный шаг, работы у отца нет, квартиры нет. Он был уверен, что в таком большом городе, как Москва, обязательно есть свободные комнаты. После топтания по Москве в старых ботинках он понял, что не все так просто. В Москве мы остановились у Мациевских, но когда они вернулись с дачи, то мы оказались в ужасном положении, фактически можно было переночевать еще одну ночь, а дальше? Кто-то сказал, что есть случай – на Тверской-Ямской сдается комната до весны. Это был выход. Но отец уперся: «Не пойду, все напрасно!». Вообще он легко падал духом и впадал в отчаяние. Пришлось пойти мне. Я пошла, договорилась, и через 15 минут мы уже имели, правда, опять временное, но жилье. Но тут отец повеселел немного, хотя только теперь понял, что с отъездом из Ташкента он потерял всех тамошних друзей. Ему не только не оказали никакой помощи, а даже и на письма никто не отвечал. Никого не интересовала его судьба. Эту измену друзей он очень переживал. О возвращении в Ташкент нечего было и думать. Все связи порвались. И Наташа уже плотно осела в Ленинграде».

* Продолжение. Начало в №№ 3 (XXVII), 2012; 1-3 (XXIX-XXXI), 2013; 1-2 (XXXIII). Все примечания – ВС.

Летом 1926 года папа ненадолго приезжал в Булаково – познакомиться со сватьей и с внучкой. В деревне ему понравилось, и он писал об этом Мише. Московская жизнь его была по-прежнему несладкой, а вернувшись туда после Булакова, он жаловался в письмах:

«Таня со мной никуда не ходит. Мое общество ей не по вкусу, а другого у нее нет. Трагедия, ей-богу, «быть взрослой дочери отцом». Так как она тяготится мною, я начинаю бродить, а это ей опять не нравится; и жалко, и досадно, и смешно. Таня очень хороший человек, но такой урод, каких еще редко найдешь...»

«На службу хожу как на виселицу. Боюсь осложнений, неприятностей (с таким чувством возвращался из отпуска после деревни в первый раз). Все мое спокойствие, которое нагулял в деревне, резко соскочило. Ничего плохого не оказалось, кроме массы работы, но тяжелое чувство осталось и до сих пор. Кто хочет переводиться в Москву, прошу его со слезами на глазах не губить себя и рассказываю, что я испытал».

В августе неожиданно и трагически скончался Николай Евгениевич Сафонов (московский дядя Коля). Впоследствии, по моей просьбе, отец записал по памяти это событие:

«Должен сознаться, что от христианской религии я давно (чуть ли не с ранних лет) отошел. Ничего не признаю, что из Назарета и Иерусалима. В то же время, кажется мне, что не может существовать материальный мир без духовного руководства – назовите его богом, судьбою, роком, но оно касается и каждой отдельной личности. Без его воли не спадет ни один волос с головы. Вот этот рок я смутно ощущал несколько раз в жизни. Чего-нибудь добиваешься, со всем умением и старанием, и ничего не получается. В другое время эта же цель достигается без всякого труда. Думая про свою жизнь, я часто удивляюсь, как я избежал целого ряда опасностей, какой-то силой хранимый».

Коснусь одного странного обстоятельства. После смерти Александры Евгениевны, живя в Москве, мне показалось, что с днем ее смерти (22-ое число) часто сопряжены особо важные обстоятельства моей жизни. Наконец, 22 августа 1926 года произошел такой случай: был воскресный день. Я встал очень довольный, что впереди целый день отдыха. Попили мы с Таней утром чаю, начали убирать со стола, и вдруг я чувствую, что на меня накатывается тоска, причем чем дальше, тем она становится сильнее. Надо сказать, что при всех тяжелых переживаниях я никогда не испытывал чувства тоски в своей жизни. Что я ни пробовал делать, чтобы отбиться от этого чувства, ничего не удавалось. Я пробовал читать – не мог, пробовал писать письма – не мог, и т.д. И, как единственный выход, чтобы спастись от этого, я лег спать. В 10 часов вечера меня позвали к телефону и один из дальних родственников стал звать меня прийти к Николаю Евгениевичу, из квартиры которого он звонил. Я удивился, я был там накануне и Николай Евгениевич был совершенно здоров. Я спросил: «Что, опять бал?», так как знал его хлебосольство. «Нет, – был ответ, – Николай Евгениевич умер».

Как оказалось, он окончил жизнь самоубийством. Причина – шантаж и опасность для известного и уважаемого врача попасть под суд за аборт. Может быть, он этого не сделал бы, если бы у него была жена-друг, а его супруга была вздорная самодурка, создававшая из его жизни ад.

Я верю в передачу мыслей на расстояние, когда мозг исполняет роль радиоприемника и радиопередатчика, но в этом случае этого не могло быть, так как в такую тяжелую минуту, когда шел вопрос о смерти, ему было, конечно не до меня. Мы с ним

были в очень хороших отношениях, но совершенно различных мировоззрений – он был верующим. Почему же я чувствовал его смерть?».

И папа, и Таня придавали значение совпадению чисел. Так, папа зарегистрировался со второй женой 22-го, и умер он с 23-го на 24-е июня, предчувствуя, что умрет 22-го. Таня считала чем-то исключительным, что ее сын, Саша, родился в день ее рождения. Что касается меня, я абсолютно не верю в этот бред; мне непонятно, как это взрослые люди в наше время верят предрассудкам, загадывают какие-то счастливые цифры, боятся понедельников, несчастливых чисел и прочего вздора, – ненавижу!!! Мои друзья говорят, что у меня здоровая психика, и мне кажется, что это справедливое наблюдение.

Чтобы на этом покончить с Александрой Дмитриевной, скажу сразу, что в 1948 г. она была еще жива. Об этом узнал папа, случайно встретившийся с бывшей ее горничной Дашей, которая рассказала, что Александра Дмитриевна болела астмой, почему и переехала жить в Покровское-Стрешнево. Там ее разбил паралич, в течение долгого времени она была совершенно одинока и заброшена. По словам Даши – «теперь ей лучше, ведь она еще не старая, получает пенсию первой категории». Но из нашей жизни она ушла одновременно со смертью дяди Коли.

Только летом 1927 года папа и Таня смогли позволить себе поездку на пароходе по Волге и Каме до Перми и обратно.

Большим удовольствием для папы было ходить на аукционы. Там он рассматривал картины и фарфор, большей частью облизывался на нравящиеся ему вещи, но изредка и покупал за гроши картины. Таким образом был приобретен и Репин.

Но в общем, жизнь их протекала безрадостно. Папа писал тете Лизе: «Служба не тяготит, хотя противно выходить из дома, когда еще темно, и вставать рано, но это пустяки, так как сравнительно целый день спокоен. В праздники ужасная тоска. Очень мне тяжело, но так как характер в корне остался тот же – легкомысленно-веселый, чуть я почувствую себя приятно (редко бывает), как сейчас же повеселею и начинаю ерундить. Я перестал ходить к своим знакомым, так как у меня псих: «не нужен ты, братец, никому, сиди дома». Нет у меня здесь друзей, а знакомых я не люблю. Очень хотел бы посмотреть на внучку. Славная девочка, только родители еще очень молоды и не обеспечены, надо им что-то выкроить, но не знаю как и сколько, и из чего. Рублей 15 в месяц надо дать, но и то зарез. Наташа пишет редко, о деньгах мельком, напиши ты, пожалуйста, каково их положение и сколько им послать нужно, потому что я им pošлю свои гроши, но ведь они на них не проживут. Ох, беда мне с ними. Одно удовольствие у меня осталось – это радио. В театр уже не пойдешь, да и в кино – один раз в два месяца. Разве мыслимо на такое жалованье жить и Таню учить. Надежды, что Таня устроится на место, нет никакой. В Москве сейчас такая безработица, что ужасно».

Мне папа писал: «Таня на курсах счетоводов, зарегистрировалась на Бирже труда. У меня грошовая зарплата. Нездоровье, слабость. Врач нашел: атеросклероз, хронический бронхит, катар верхушек легких, хроническую малярию, неврастению, общий упадок сил, но из тех болезней не выкроишь ни Дома отдыха, ни дополнительного отпуска. Ем один раз в день, но хорошо – за 65 копеек, не считая вечернего чая с хлебом. Таня питается кое-как, нервна ужасно, когда учится – «не мешай», когда зачеты – «не дыши». Я подавлен. Все мои приятели даже письма не напишут. Скверная штука старость! Всю зиму в пальто просидели – дует, холодно. Занялся составлением иллю-

стрированной автобиографии, то есть все рисунки наклеивал на листы бумаги, таким образом наклеены все рисунки Булаковские. Одним словом – забава. Мне больше всего нравилось Булаково... Я всегда вспоминаю его с удовольствием: светлые ночи, тишина, масса ягод, спокойствие».

Только в 1928 году Таня, наконец, устроилась на работу. Папа пишет мне: «Таня служит на фабрике – завертывает конфеты. 40 рублей в месяц. Встает в 5 часов, кончает в 4 часа. Норма громадная – полтора пуда завернуть. Она довольна своей судьбой, так как иначе – тупик бесконечный. Поступила после долгих мытарств. Участь незавидная, но при теперешней безработице – просто чудо. Январь прошел интересно – был в театре три раза, два раза в кино, шесть раз в гостях, четыре раза принимал у себя, а в остальное время было интересно и дома: книги и радио. Устраиваю громкоговоритель системы Божко*, но пока ничего не выходит, так как нет антенны. Танины именины прошли шикарно: были три подруги и Шурик (артист Большого театра), две бутылки вина, пирожное, конфеты. Подарки: книга Цвейга, лифчик и конфеты. Зато не купили туфли, а у нее развалились, и у меня из ботинок пальцы торчат. Но не в этом счастье.

Очень трудно на работе, но пока выкручиваюсь, не уверен, как дальше. Ужас, как много работы. Придя домой – пишу, пишу и не успеваю. У меня очень мнительный характер. Черные мысли кружат над бедной моей головой. Пока работал на фабрике – все время думал – ох, не подхожу, ох, выгонят, а когда собрался уходить, этим обидел директора. Получаю 200, принят с месячным испытательным сроком. Счетоводная работа совсем мне не по характеру, но зато спокойно было. Вся беда в том, что я все время перескакиваю с одного дела на другое, с одной специальности на другую, в результате – ни богу свечка, ни черту кочерга. Но вина в том не моя – судьба».

Елена Георгиевна и Таня

Примерно в это время в папиной жизни стала намечаться перемена. В Москве он встретился с хорошей знакомой по Ташкенту – Марией Георгиевной Кулинской, вдовой директора Туркестанской Публичной библиотеки Николая Николаевича Кулинского, маминого начальника. У нее была сестра – Елена Георгиевна Суханова, одинокая женщина средних лет, сохранившая красоту, образованная и интересная. Основным ее недостатком был эгоизм и избалованность. К людям она относилась требовательно и могла из-за пустяков обидеться. Ей нравилось, чтобы за ней ухаживали. Знакомство с нею переросло в роман, и папа уже начинал подумывать о женитьбе. К этому его побуждало и беспокойство за судьбу Тани, которая явно считала, что он является помехой для устройства ее личных дел. Действительно, к Таниным поклонникам папа относился иронически. Вот выдержки из его писем этого периода (1929–1931 гг.):

«Сейчас я реже бываю дома, и это сказывается. Таня уже хочет жить одна. Все встречи... не могут проходить, когда папочка сидит на голове! Совсем другой разговор получается, – стараются меня сплавить. Танины кавалеры меня не радуют – все типа счетоводов. Я мотаюсь теперь между домом Елены Георгиевны и Таниным, иду туда, часа через три иду обратно, а своего угла теперь совсем нет. Здоров, только никогда не бываю сам с собой. Если бы Таня вышла замуж и заняла бы комнату, поехал бы в Ленинград, чтобы не быть на улице».

* Громкоговоритель без рупора, с выпуклым бумажным конусом, устанавливался в конце 20-х годов в квартирах.

По всему было видно, что папе очень трудно между Таней и Еленой Георгиевной, особенно по тому, что обе очень ревниво относились друг к другу.

«Елена Георгиевна – писал папа, – человек хороший, но не семейного уклада и равнодушная ко мне (может быть, я ошибаюсь), хотя случись со мной беда, она, а не Таня проявила бы заботу, так как очень обязательна. Еще и ревность – «Таня – все, а я пятая спица в колеснице». Но, конечно, правда, что Таня мне ближе и дороже».

Отрывки из писем: «Сижу в Мюзик-холле по неволе, часто бывает, что мне некуда деть себя. Даже смерть не пугает меня, а только болезни. Безболезненной, мирной кончины прошу у Господа».

«Смотрели «Царь Федор» с Москвиным; «Евгений Онегин» и «Царская невеста» в студии Станиславского. «Сын солнца» – новая опера – нам очень понравилась, а другие рычали, ругают. Немного полегчало на службе, но все равно, дальше бы я не вынес, уже усталость не давала работать. С 7 до 10 часов вечера сидел на заседании ревизионной комиссии. Таня кашляет и ругается».

«...Наконец стал молить бога, чтобы устроить так, чтобы вечером спокойно дома посидеть. То загород, то в гости, то в театр. Вот какое разнообразие – образ жизни, достойный восемнадцатилетнего юноши, а не старца 51 года. Когда угомонюсь? Видел вашу Грановскую в пьесе «Роман». Хорошая актриса, но стара, и пьеса пропала, благодаря этому обстоятельству. Был в воскресенье на пляже под Москвой и получил массу впечатлений за 22 копейки. Узкая реченька – сплошь – и берега, и вода покрыты народом. Мужчины, женщины вместе – одетые, раздетые, в трусиках и без оных, в рубашках, панталонах, толстые, худые, все чувствуют себя как дома. Таких картин, как, например, пара голых мужчин и посередине голая женщина, не зарисуешь из застенчивости. Между прочим, на пляже наиболее беззастенчивы наиболее безобразные – толстые, с отвислыми частями тела, они как Фрины* демонстрируют свое тело».

«Ты думаешь, что я принимаю Елену Георгиевну со всеми ее шипами – нет! Или я их обломаю, или мы разойдемся, но я не буду виноват».

Меня очень тревожило положение папы, которому все труднее становилось жить в Москве. Я в каждом письме уговаривала его бросать все и перебираться в Ленинград. Как-нибудь устроились бы, не хуже, чем в Белокаменной. Этот период волнений и забот хорошо отражают папины письма (тех же лет):

«...Сейчас все, что получаем, проживаем (как-то очень дорого все стало), ...все мои пальто и шубы такая рвань. Еще будет расход на необходимую мебель. Хозяйка потребовала от нас свою – два ломаных кресла, стол, столик и буфет, хотя ей эти вещи не нужны. А нам пришлось белье и посуду сложить в корзины. У нас ведь не знаешь, какую дыру заткнуть: галоши, белье, чулки, сапоги – все выходит из строя. Лучше не вспоминать. С комнатой тоже пока не выяснилось. Юристы говорят, что нас выставят соседи, которые имеют право на эту комнату, а Жилищное Товарищество говорит, что считает эту площадь нашей. Положение пока незавидное. Для меня самое важное – это уют дома. Я очень бы хотел иметь хорошую статуэтку и т.д. Одним словом, чтобы мой дом был не стандартен, красив и уютен».

«У меня очень паршиво на службе. Писанина надоела ужасно. Положение шаткое, дело не по мне. Вот не могу попасть на свое дело. Как бы я мог работать и отечеству на пользу, и себе в удовольствие».

* Фрина – знаменитая афинская гетера, бывшая натурщицей Праксителя и Апеллеса.

«Продал картину Репина за 70 рублей – продешевил, а иначе не на что было бы взять билет в Ленинград».

Таня, по-видимому, действительно, хотела, чтобы отец уехал из Москвы. С одной стороны, ей оставалась комната, с другой – решался вопрос о разрыве с Еленой Георгиевной. Она писала мне:

«Ты ругаешь отца, что он не едет. Я его тоже уговариваю, так как в Москве у него ничего не клеится, а он боится, что в Ленинграде не устроится и деньги на дорогу истратит. Но все-таки он решил ехать и будет на днях. В смысле денег у нас положение отвратительное. Не знаем, как жить до получки, как ни экономим».

Однако все попытки папы переехать из Москвы в Ленинград кончились ничем. В предварительной переписке он писал Мише:

«Дорогой Миша, получаю от Наташи письма, в которых все долбит о Ленинграде. Не помню, как звали римлянина, который кончал любую речь в Сенате фразой «А Карфаген надо разрушить» – и добился своего. Если бы я мог быть уверен в месте в Ленинграде и в оплате, я перебрался бы. Но вся беда, что не устроившись на место, я не могу уволиться, а не уволившись, не смогу устроиться. В Ленинграде мне предлагали место по специальности, но вся беда, что далеко от Ленинграда и неприятное дело (взрывчатые вещества) и маленький оклад – 200 рублей. Мне сейчас не служба, а мученье. Надо уходить, а это не так просто. Я могу уйти только на завод, так как в Управлении места нет. На завод я отстал... но мне все же надо возобновить техническую специальность, не все же секретарствовать. Конечно, через год я буду на месте сидеть крепко... Судьба так складывается, что ехать в Ленинград – это единственный выход. Если бы я попал на Пороховой завод под Ленинградом, я бы не плакал, так как здесь моя жизнь не очень по вкусу. Сам я устраиваться не хочу и при возможности устроиться здесь юркну в кусты. Я один раз переехал и до сих пор каюсь. Таня не хочет ехать в Ленинград, так как не любит рисковать: квартира, вещи, климат – все это сложно».

(Отрывки из писем ко мне): «Очень мне хочется посмотреть на ваше последнее произведение. Хотел бы посмотреть и Милку, какова она сейчас? Какая по характеру – смиренная, тихая, грубая, умная, ласковая, и т.п. – ответь!».

И папа, и Таня очень нежно относились к Милочке. Таня в письме спрашивала: «Отчего Милочку не снимете? Неужели не находится у любящих родителей один рубль на карточки? Интересно, когда ребенка снимают каждый год».

Конечно, мы и сами понимали, что фотографировать дочку надо, но делали это нерегулярно. Получив Милочкину карточку в 1930 году, дедушка написал: «Милка во весь рост снята изумительно: именно у нее такое выражение – пылливо-испуганное, мило-нахальное, насуплено и т.д., в общем, славная мордашка. Сейчас у нас ничего купить нельзя. Все пусто, как в пустыне, когда в пустыне пустота. Тане должны дать конфет, тогда мы их пошлем Милочке».

Надо сказать, что Таня, при всех трудностях ее жизни, всегда старалась чем-нибудь побаловать племянницу – то пришлет мастику для лепки, то тетрадь для рисования.

Дополнением к тому, как Милочка провела время в деревне, может служить книжка, специально написанная и проиллюстрированная для нее дедом, под названием: «Милочкина книжка собственная, именинная, первая. Художник-издатель А. Н. Н. Москва, 1930». Книжка заканчивалась следующими словами: «...и писал все дедка, дедка-винегретка, ну и рисовал он – дед-куричий насед». И виногреткой, и куричьим наседом его непочтительно называла Милочка.

Наконец, в сентябре 1931 года папа приехал в Ленинград с намерением подыскать себе место. Он был в восторге от встречи с родиной и все декламировал свои любимые стихи: «Я пришел на берег милый, истомленный и унылый, с ношею тяжелой всех надежд моих разбитых, всех сомнений ядовитых, всей тоски змеиной...»

Как и многие, папа поражался увеличению населения в Ленинграде, так как думал, что это по-прежнему пустой город, каким он был в начале 20-х годов.

Он рассказывал много интересного о жизни в Москве: о том, что наш Сливинский уже артист Большого театра; о том, что видел взорванный храм Христа Спасителя*; и, наконец, о событии на Сухаревке, о котором ходило много версий. Оказывается, бандиты, после неудавшейся попытки ограбить банк, напали на отделение Мосторга у Сухаревой башни, где и обычно-то не пройдешь, а тут – стрельба, удушливые газы, дымовые завесы, паника... Наконец, появился отряд ОГПУ в масках. Жертв, говорят, было очень много. Это произошло в июле.

За время пребывания у нас отца на мне сильно сказались домашние перегрузки – дом, хозяйство, двое детей, желание доставить ему побольше удовольствий, – мы много гуляли, ходили в театры, – все это требовало много сил.

Но прошло три месяца, и папа, так и не устроившись в Ленинграде, в декабре уехал обратно в Москву, где его ждала новая привязанность.

Женитьба

Еще летом 1931 года в одном из Мишиных писем в Булаково проскочили такие строчки: «Получил письмо от Александра Николаевича, с Еленой Георгиевной у него разрыв полный, зато пленил у себя на службе какую-то секретаршу. И это обстоятельство гонит его в Ленинград, но так как гадалка ему нагадала, что он никуда не поедет, то, вероятно, останется в Москве».

И, действительно, в январе 1932 года отец зарегистрировался с Евгенией Александровой. Вскоре после этого знаменательного события он писал мне: «...Таня теперь живет одна. Я же не живу, а катаюсь в масле: ухаживают, поят, кормят, слушаются. Евгения Николаевна кротка, мила, снисходительна. Если это не временное явление, то все обстоит чудесно. Совестно, конечно, было явиться с двумя картинками, этажеркой для книг и ломаной корзиной с бельем. Нечего сказать – «богат и славен Кочубей» – но у меня отговорка: «Некуда их (вещи) поместить».

Евгения Николаевна – коренная ленинградка, горячо любящая родной город, – покорила нашего старика своею женственностью, кротостью, ангельским видом. Ее отец, адмирал Александров, преподавал кораблестроение в здании Адмиралтейства и сам строил корабли. Имея нескольких дочерей, он всю жизнь копил им на приданое, поэтому в доме у них, что называется, чай пили вприглядку, а пирожное долго выдерживали, прежде чем съесть. Но после революции все скопленное пропало, и это был удар, которого адмирал не вынес.

Мать Евгении Николаевны была не совсем нормальна. Например, шила дочерям платья, а носить не давала. У самой Евгении Николаевны тоже были странности: она была очень нервной, но сдержанной (я никогда не считала ее сумасшедшей, хотя Таня и утверждала это).

* Разбор храма Христа Спасителя начался в июле 1931 года (окончательно храм был уничтожен взрывом 5 декабря того же года).

Евгения Николаевна, судя по фотографиям, в молодости была очень хороша собою – белокурые волосы, красивое, хотя несколько птичье, лицо, с огромными, слегка выпуклыми голубыми глазами. Она была тоненькой и хрупкой и осталась такой до глубокой старости. У нее был, как говорили ее родные, неплохой голос – сопрано, – и в свое время она окончила Петербургскую консерваторию и даже выступала в концертах. Но вот одна из ее странностей: у нее в молодости был жених, но почему-то дело со свадьбой затянулось чуть ли не на десять лет, пока этот жених не плюнул и не женился на другой. На Евгению Николаевну это произвело такое сильное впечатление, что она дала обет богу – никогда больше не петь. Она всю жизнь была очень религиозна.

Впоследствии, когда мы познакомились, она просила, чтобы я называла ее Женечкой, была со мной всегда очень мила и, кажется, искренно меня полюбила, во всяком случае, интересовалась всеми мелочами моей жизни. Я также к ней привязалась, хотя некоторые черты ее характера меня и раздражали.

Евгения Николаевна имела большую комнату в квартире на Сретенке, где также жила ее сестра, Вера Николаевна со своим мужем Леонидом Анатольевичем Кудрявцевым. На мой взгляд, оба они были не совсем нормальны. Евгения Николаевна находилась в полном подчинении у сестры. Комната Евгении Николаевны была до того заставлена вещами, что оставался только узенький проход. Часть площади была отгорожена буфетом и занавеской, и там стояли сундуки, набитые вещами племянницы Нины и собственным хламом. Мебель, находившаяся в комнате, принадлежала еще родителям Евгении Николаевны, и поэтому считалось, что они являются также собственностью и Веры Николаевны. Папе, конечно, было очень неудобно, что он так мало внес в дом, где на вещи молились и никогда ничего не выкидывали: сохраняли и чугунную печь, и березовые дрова (сложенные под диваном), хотя в доме уже давно было центральное отопление, и старые бумаги, и коробки из-под конфет и печенья, и старые тряпки. Отцу было очень тяжело в этой обстановке, но из деликатности он все терпел и только иногда подшучивал над Евгенией Николаевной.

Устои жизни были такие, что как бы отец ни был голоден, он никогда самовольно не открывал буфет, чтобы взять хотя бы хлеба, а ждал прихода Женюши – с работы ли, из церкви ли, или еще откуда-нибудь – хоть до позднего вечера.

Евгения Николаевна всегда работала. Не знаю, где она служила раньше, но впоследствии, в 1941 году, она секретарствовала в Главгормаше НКТП (Народного комиссариата тяжелой промышленности). Чувствовала она себя незаменимой, и, по видимому, ее действительно ценили как работника. Помимо того, что она никогда не считалась со своим временем и не жалела сил для работы, она обладала удивительной работоспособностью, энергией и незаурядной памятью. Это меня удивляло, так как вне работы наша Женюша умом не блистала, была сентиментальна и наивна, но в то же время упряма и эгоистична. Дома она была суетлива, обожала чистоту и запасливость – это были ее пунктики. Она без конца стирала, даже папины ватники, вечно производила генеральные уборки, хотя и тщательно, но настолько бестолково и медленно, что, в сущности, жизнь протекала в непреходящем развале. А продукты, которые она запасала впрок, чаще всего портились.

(Продолжение следует.)

Виктор МОИСЕЕНКО

«Войны никогда не кончались...»

*Сырдарьинские этюды**

В феврале 1942 года к нам в семью с фронта пришла посылка – замотанные в мешковину три неровно обрезанных куса с немецких шинелей. При контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 года советской армии досталось много немецкой техники и складов. Продовольствие пошло в дело, а вещевые склады давали разбирать штабным служакам и легко раненым. С немецких шинелей надо было спороть пуговицы, обшлага рукавов и воротники. Отец, две недели лежавший в прифронтовом госпитале с обморожением ног, поступил проще. Медицинским скальпелем вырезал «спинки», а остальное шло на стельки в сапоги, на грубо сшитые варежки и на спасительную подстилку в ледяном окопе. Так у нас с братишкой появились два серых «пальтишка». Одно, побитое молью, сохранилось до сей поры, вместе с военным рюкзаком отца, двумя помятыми алюминиевыми фляжками, гимнастеркой и кожаным планшетом, снятым с пленного немецкого офицера. Сберегла мать и пару «волокуш», как называлась вырезанная из автомобильных шин обувь, державшаяся на ногах благодаря скрученным бечевкам из безнадежно износившихся тряпок.

Помню еще одну посылку с фронта – с четырьмя женскими халатами. На желтой ткани разбросаны синие римские цифры XIII рядом с красной буквой «О». Материал выпустили к тринадцатой годовщине Октября, а сшиты были халаты на швейной фабрике в 1941-м. С началом войны эвакуировать или сжечь добро не успели, так и лежали халаты, уже под охраной немцев, до начала 1942 года. Те тоже не торопились, думали, что пришли навсегда.

Ни матери, ни бабушке халаты поносить не довелось. Два из них пришлось отдать соседке тете Лиде за потравленные нашими козами цветник и виноградник. А другие два халата ушли в счет неуплаты налогов. Мать долго переживала, что не износила хотя бы один халат.

В семье было бережливое отношение и к вещам, и к продуктам. Бабушка и мать старались бросить в котел начинавшую портиться картошку с отсыревшими боками, а сухую и крупную берегли до лучших дней. Но до нее доходило дело уже тогда,

* Продолжение. Начало в ВС № 4 (XXXII), 2013, и №№ 1-2 (XXXIII), 2014.

когда и она была тронута ростками. Так же мать поступила и с подаренными мною и братишкой цигейковой шубой и нейлоновой курткой: они так и провисели, с необрезанными бирками, под матерчатой накидкой в углу комнаты, на вбитых в стену гвоздях. Еще строже мать относилась к одежде и вещам отца, глубоко чтя поверье, что солдата с войны ждут не только родные, но и его вещи. Когда я, по ягодыцы утонув в отцовских сапогах, собирался покататься с крутой насыпи канала, то увидел на лице матери такое выражение гнева, что буквально выпрыгнул из сапог и спрятался за бабушку...

Бабушка с мамой много молились, учили молитвам и нас с братишкой. Иисусову молитву мы выучили зимой 1941 года. Тропарь, славящий Рождество Христово, мы знали и до войны, потому что обходили с ним дома соседей, прибавляя: «Сеем, веем, посеваем, с Новым годом поздравляем. Открывайте сундучки, доставайте пяточки». Во всех домах нам разрешали широко по комнате разбрасывать кукурузу, только тетя Лида Панченко показывала в угол у печи: бросайте сюда, чтобы ее можно было быстро смести и не разводить в доме лишних мышей.

У тети Лиды муж тоже был на фронте. Было двое сыновей, старший, Витя, на два года младше меня. Дядя Гриша Панченко пришел с войны живым, но с тяжелым ранением в грудь, вынужден был идти работать кочегаром на паровозе. В 1946 году у них родился сын Толик, а в 1948 году дяди Гриши не стало. Тетя Лида одна подняла двух сыновей. Оба окончили школу № 2 с золотой медалью. Витя выбрал военную профессию, долго прослужил в городе Луцке. Десять лет привозил в Сырдарью западных украинцев, а в Луцк увозил наших ребят. Толик в Сырдарьинском педагогическом вузе получил профессию учителя английского языка. Тетя Лида стала редким примером для наших поселян: оказалось, что можно прожить без живности, без навоза, с чистыми дворовыми дорожками, цветниками и постоянно выбеленным изнутри и снаружи, небольшим, но уютным домиком.

Мой отец построил дом в 17 км от центра Сырдарьи, на пологом спуске к пустыне Кызылкум. Здесь река Сырдарья делает мягкий уклон, разворачиваясь к Аральскому морю. Место было оазисное, по карте поделенное между двумя республиками: Казахстаном и Узбекистаном. На практике разделение не чувствовалось никак. В народно-хозяйственные планы земли попали только к середине 50-х годов. А до этого жители могли иметь большие, никем не учтенные огороды.

Сюда в войну тянулись группы женщин из других, несытых районов, для обмена на продукты разных вещей – запаянной посуды, огородного инвентаря, чего-нибудь из одежды, кусков неиспользованной материи. Центром притяжения был заводик по выжимке хлопкового масла в поселке Ильич и отстоявший на 20 километров дальше поселок Кировский, где жили высланные из Саратовской области в 1941 году поволжские немцы. На поход в поселок Кировский женщины выделяли два дня. По пути многие останавливались у нас в доме, особенно в ненастную погоду. Мать с бабушкой радушно принимали всех гостей, вели долгие разговоры, свидетелями которых невольно становились и мы с братишкой. У меня с того времени выработалось стойкое мнение, что если бы женщины, а не мужчины главенствовали в писании истории, она не была бы такой куцей, неинтересной и бесконечно воинственной. Правда, я многого не понимал из рассказанного, а братишка, как позже оказалось, не

запомнил и сами эти разговоры: он только и ждал, когда пришедшие угостят долькой запеченной тыквы, горстью грецких орехов. Например, я долго не понимал, что значит «выйти замуж», а спросить стеснялся. И мне представлялось, что это просто проход женщин за занавеску, отделявшую часть комнаты от кухни.

Большинство разговоров было о судьбе родных мужчин на фронте, об оставшихся без кормильца семьях, о том, кто как справляется с этим тяжелым положением. Помню несколько чудесных случаев спасения от голодной смерти. В одном случае неожиданно, в самый критический момент был найден мешок с побитым шершнем и молью горохом, привязанный на чердаке, к доскам крыши, державшим глиняные слои покрытия. Хозяин обнаружил его, когда забрался на чердак – то ли за позорной смертью, от отчаянья, то ли остатки старой соломы собрать. А другой случай – самосевом выросла целая грядка мелкого репчатого лука. Никогда такого в практике не было. Эти рассказы заставили меня потом всю жизнь беспокоиться о лишнем мешке с мукой, рисом или крупами.

Бывали случаи, когда еще до получения похоронки женщины во сне узнавали о судьбе родных мужчин. Так было с тетей Олей Лобзиной – приснившийся окровавленный муж несколько раз четко проговорил: «Сбереги девочек». А их у нее было три – Нина, Ася и Валя. Тетя Оля до замужества была в услужении в семье мануфактурщика и считалась «чистенькой»: убирать, помыть, погладить. А к хозяйству была не приучена, и пока оформили и выдали положенную небольшую пенсию за героическую смерть кормильца, семья дошла до самого края. Расчесанные, чистенькие, бледные девочки с цветными тряпочками в косичках сидели кучкой на пороге своего домика, рядом с зеленой стенкой вьюнов, любимых растений погибшего дяди Вани. Они так и не переводились во дворе, и фиолетовые фонарики их цветов были всегда опущены к земле. Тетя Оля уверяла – грустят по хозяину. Чем могли, помогали соседи. Женщины брали тетю Олю в обменные походы, находя в доме и в сарае что-нибудь подходящее для сделки. Учили ее работе на огороде, разведению живности, – но цыплят таскали кошки, а еще не созревшие кочаны капусты за ночь с корнем повыдергали кочующие цыгане. Старшие девочки терпели голод стойко, а младшая, Валя, называла всех женщин мамами, брала их за руку и готова была уйти к ним жить...

Сразу после окончания войны в Сырдарью приехало много фронтовиков, потерявших в России семьи и дома. Кого-то звали фронтовые друзья, кто-то приехал по направлению. Заметным событием стало появление в поселке в июле 1945 года трех офицеров в небольших чинах – Абросимова, Зуева и Горина. Из Ташкента их направили сюда на начальнические должности. Лейтенант Абросимов женился на медсестре из районной больницы, лейтенант Зуев – на враче-терапевте, а капитан Иван Горин приехал с невестой, но, увидев раз семнадцатилетнюю Нину Лобзину, после шести месяцев ухаживаний женился на ней. Он по направлению работал в райкоме партии и вытянул из нужды всю семью Лобзиных. Ася Лобзина стала в Сырдарье товароведом, жена Ивана Нина – бухгалтером, а младшая, Валя, – кондитером-технологом. Старший сын Гориных, Слава, еще в школе слыл артистом, прославился в школьном спектакле в роли Олега Кошевого. Но с актерством не заладилось, и он стал хорошим учителем истории. Дочь Оля дослужилась до звания подполковника, вышла замуж за авторитетного в республике скульптура Подосинникова, автора известных в Узбе-

кистане скульптурных композиций. Третий сын, Ваня, названный в честь погибшего деда, пошел служить в армию.

Помню, про этих трех офицеров женщины едко говорили: «Какие-то они не увоенные, сытые и не дерганые, не то что наши мужики – штопанные-перештопанные в госпиталях». В разговорах перебирали многих фронтовиков, осуждали нашего соседа дядю Костю Трубицына. Его так ждали жена и дети, он вернулся при целых руках и ногах, но... ко всему равнодушный. Теперь его жене Лизе – и его тяти, а он ни работать, ни по-человечески разговаривать не хочет. От пережитого, говорит, душа выгорела. Но тетя Лиза его все-таки вытянула, лет через пять он отошел и сам потянул семью.

Иргицкий дядя Ваня, бывший тракторист, весельчак и танцор, потерял ноги, но не унывал, а стал помогать вдове Загребаловой, тете Маше, четверых детей поднимать. Настелет досок между грядками и раскатывает на четырех подшипниках – пропальвает, тляпочкой рыхлит под растениями...

Походы женщин за продуктами продолжались до отмены карточек в 1949 году. А в 1951-м стали строить дорогу Ильич–Чардара, в обход наших улиц и домов. Но мы без гостей не остались и после постройки дороги. Многим сырдарьинцам выделили земли под огороды у школы, в километре от нас. Они подъезжали сюда на дрезине, по железнодорожной колее, или шли пешком, оставались на огородах в страдные дни по неделям, и наши знакомые женщины, спасаясь от комаров, приходили ночевать к нам. В разговорах за столом очень четко проявлялось различие темпераментов, богатство и разнообразие речи. Бабушка условно делила всех женщин на «волжанок» и «дончанок». Говорила, что воронежские – они «кусючие», но добрые и отходчивые, «водохлебы», даже не евши неделю, кажутся полными, а мужики у них всю жизнь одну шутку гоняют: поевши, перекрестившись, вставая из-за стола, говорят: «Теперь бы полежать, чтобы сало завязалось». Волжанки, приехавшие из Саратова, Самары и Нижнего Новгорода, – спокойнее и в речах осмотрительнее. На вопрос «Как дела?» не приукрашивают жизнь, а говорят: «Плохо. Но все лучше и лучше». У воронежских проскальзывала грубая речь, была склонность к осуждению других, в пересказах чужих разговоров очень грубые выражения они заменяли словами – «так-то и так-то, то-то и то-то», и все за столом, кроме нас, детей, понимали, что за нецензурные слова прятались за этим словесным оборотом. Слово «сволочь» у них было словом не ругательным, а выражающим восхищение. Если их восхищал своим искусством танцор, то они оглядывались друг на друга и высказывались: «Вот, сволочь, что выделяет!». А вот слово «сволота» было выражением самой глубокой неприязни. Помню громкий голос дончанки тети Веры: «Да что с него спрашивать, если у него тям (т.е. ума) нет! Ты ему толкуешь, а он как не слышит и опять «за рыбу деньги!» (т.е. стоит на своем). У волжанок, с их характерной окающей речью, от которой мои мама и бабушка так и не избавились, разговоры были больше о своих женских делах. Помню, я слышал: «Если бы у меня было бы еще одно платье, то и судьба у меня была бы совсем другая».

Все женщины советовали нам с братишкой истово молиться за папку: детская молитва до Бога первой доходит. Мы молились, и папке помогало, как он потом рассказывал. После госпиталя ротный политрук дал ему задание шефствовать над вновь прибывшими молодыми бойцами из Туркмении, которые по-русски не говорят, к пище солдатской не привыкли, на десять солдат одна общая фамилия, имена в списках пере-

коверканы... Отец еще до войны научился с кочевыми пастухами общаться, неплохо усвоил их язык, и пастухи никогда не допускали потравы посевов, часто предупреждали о появившемся в камышах тигре, поднявшемся сюда с низу реки за дикими кабанами. Отцу хватило лексики и опыта приспособить молодых туркмен к тяжелым военным условиям. А им так было важно, чтоб их правильно окликали по имени, входили в их нужды и проблемы. Отцу они сразу доверились и даже капризничали, как со старшим родственником. Единственное, к чему они не могли долго приспособиться, это к налетам «юнкеров». Фашистские летчики, прежде чем сбросить бомбы, пикировали очень низко, и бойцы-туркмены бросались в траншеи к отцу, уверенные, что рядом с ним они уцелеют. И отец потом рассказывал, что в такие минуты не знал, отчего погибнет – от немецкой бомбы или его земляки затопчут. Когда туркмены убедились, что и в такие бомбежки можно выжить, в обыкновенных боях они сделались незаменимыми. Очень тонко чувствовали достоинства и недостатки местности, умело этим пользовались и утверждали, что умеют уклоняться от летевших в них пуль.

Нашей семье особенно тяжело пришлось зимой 1942-1943 годов. И вдруг попутный нарочный из Чарджоу нам заносит в мешочке сушеные кусочки дыни, виноград в опилках, комочки сушеного соленого мяса... – так родители одного из туркмен, Шаво, благодарили отца за поддержку их сына на фронте. Кстати, у того бойца-туркмена была удивительная судьба. Через год его взяли в батальонную разведку – за быстроту, ловкость и бесстрашие. Редкий случай – они с начальником батальонной разведки остались живы (обычно разведчики жили не больше полугода); сдружились, и туркмен поехал после войны с командиром под Псков. А там – ни жилья, ни работы. Занялись грабежами. В конце концов их выловили. Отсидели они несколько лет в Бологовской тюрьме, ожидая расстрела. Спасли их полученные на войне награды и заступничество командующего Третий Белорусским фронтом маршала Василевского.

Отец после войны вспоминал политзанятия с бойцами-туркменами, которые политрук поручал ему проводить после общего ротного политзанятия. В конце 1941 года советским бойцам часто читали и разъясняли гитлеровский приказ, захваченный нашими солдатами в брошенных архивах после разгрома немцев под Москвой. Приказ назывался «О поведении войск на Востоке». В нем объяснялось, почему немецкие солдаты должны беспощадно убивать наших солдат и население. Отец до последних дней помнил строчки: «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью... Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения... Полное уничтожение большевистской ереси, Советского государства и его вооруженных сил».

Характерно, что у женщин военного времени было представление, что войны никогда и не кончались. Они помнили инвалидов русско-японской войны, сидевших на завалинках в их родных деревнях. Помнили, как записывали у церкви добровольцев на Балканскую войну 1912 года, в защиту православного населения от турок. Потом страшная Первая мировая война. Гражданская, испанская, финская, а теперь вот снова германская. И одна высокая пожилая женщина пророчила за столом, что впереди будут и другие войны, а особенно страшная, как она говорила, будет с восточным соседом: «Они будут иттить, бить и убитых исть, им и продукты не нужны будут». Мама воскликнула: «Неужели и моим придется еще воевать?», обхватив нас

за головы. Помню, бабушка на это говорила, что такого не должно быть, после такой страшной войны люди поумнеют. «Люди поумнеют, – отвечала пожилая, – а царям и их приближенным без войны нельзя». Кстати, женщины не различали должностей руководителей советской страны и продолжали называть их царями. Так и говорили: «Да хучь как он ни называется, а разве он не царь?».

Беженцы из мест боев приносили запахи, которыми, как мне казалось, и пахнет война. Помню, тетя Настя, приехавшая с шестилетним ребенком к сестре в Сырдарью из-под Смоленска, рассказывала: «Добирались сюда в товарнике с ранеными солдатами. Три дня до поезда во рту не было ни крошки. Солдаты в товарнике стали кормить маво Сашу, а он на меня смотрит и еду в карман сует. Честное слово, не вру! А что ему? – шесть лет! А он, голодный, обо мне старался».

Тетя Настя станет нашей соседкой через четыре дома, она выйдет замуж за вернувшегося из плена дядю Леню, которого давно похоронила его мать. У нее родятся еще четверо детей, но больше всех она любила своего Сашу. Мужа хвалила, но говорила, что так, как жалел бы Сашку его погибший отец, дядя Леня так не жалел. И дочкам она своим говорила: «Смотрите, плохие мужья, а все равно своим детям родные, чужие же жалеть не будут, нет, не будут... А дети у меня хорошие, жалеете, говорю, меня, пока живая. Мертвую не жалеете, я знать не буду, а жалеете живую – мне приятно».

Был и один непонятный, тяжелый случай с одной из проходивших побираться беженкой с Украины. Это было уже под конец войны. Женщина с двумя девочками посидела у нас полчаса, а тяжести оставила дня на три. Она с порога заявила: «Мы из Роцанского района, Киевской области, деревня Севереновка». Рассказала, что семья была в оккупации, у них в доме стояло двое немцев: «Я бы не сказала, что плохие люди, у них спрашивали, зачем людей убиваете? – Нас заставляют, говорят». Рядом жила еврейская семья, только взяли молодую невестку в дом, и их пришли расстреливать. Невестка особенно плакала: «За что? Что мы плохого сделали?». Сельчане выкопали могилу, евреев расстреляли, и еще они не остыли, как сельчане стали растаскивать имущество убитых. Сама рассказчица пришла в дом несчастных последней и взяла длинную скамейку и деревянную полочку. А когда немцы отступали, то жильцы рассказчицы оставили ей две куртки – у вас никакой одежды нет, говорят.

Бабушка постаралась после чая быстрее выпроводить гостей и после долгого раздумья сказала: «Как несчастье смешивает все понятия в головах и душах!».

Вернувшийся из плена дядя Леня говорил, что нужно быть совсем раздавленными, хуже, чем раб, чтобы сказать доброе слово о фашистах. Мы простодушные, доверчивые, у нас многое на «авось» да расчет на счастливый случай, и им всегда будет казаться, что нас можно будет взять врасплох, обмануть и использовать.

Сам он, раненый, был вытасчен из окопа белорусом, который назвал его своим сыном и месяц выхаживал. Но немцы сделали облаву, погрузили всех трудоспособных и повезли в Германию. «В вагоне нас было человек 60, подстилка соломенная, а в углу железная бочка, наполовину обрезанная, – это туалет. По дороге нас несколько раз бомбили, наши же и бомбили. Остановки делали только в тупиках. Сменяют подстилку, дадут хлеба и снова везут. В Германии часто делали пересадки. Выведут из вагона, окружают и заставят бежать. Бежим, там другой вагон, – и дальше. В Магдебурге нас рассортировали, кто поздоровее – тех в сланцевые шахты, остальных – опять в вагоны,

и довезли до города Верденут*. Сидим толпой, ждем. Подъезжают в телегах помещики немецкие, поговорят с охранниками и выбирают себе из нас работников. Меня выбрала жена помещика, раз прошла, посмотрела, потом другой – и указала пальцем на меня. Чего она во мне нашла? А у них уже было выбрано трое, нам всем бирки повесили с тремя буквами, что означало – «Восточная рабочая сила». В поместье нас разбили по парам. Я смотрел за лошадьми и яйца сортировал на куриной ферме. Пропускаешь яйцо через колечко, если не проходит – клеймишь его и кладешь отдельно от мелких. Мочевину по полям разбрызгивал, – у немцев ничего не пропадало. Четыре женщины за коровами ходили, и двое мужиков до нас в саду работали. У немца был один сын, придурковатый, но работающий, и дочка – почти голая перед нами, не стесняясь, ходила. Только мы к женщинам совсем равнодушные были, нам сразу уколы сделали приехавшие из Верденута врачи. Укололи и расписались в тетради у хозяина. Значит, он их и вызывал. Такие больные уколы в спину, долго гноились, не заживали. Мы друг друга просили гной давить, я все гадал, зачем уколы? А потом, уже после освобождения, понял. Я потом четыре года на женщин не глядел, и стеснение какое-то пробирало, что даже тренироваться с чучелами из соломы стал: подхожу к каждому чучелу со словами: «А чего девок бояться? Девки, здравствуйте!». Вот так на Насте и женился...».

У детей своя скорость времени, и тяжесть военных лет кажется мне меньшей, чем для бабушки и матери. Мы с братишкой с радостью ждали весны, в первые теплые дни искали на курганах козью травку – дикую прародительницу моркови, выпускавшую из-под стаявшего снега три зеленых двусторонних листочка-пилочки. Мы выдергивали эти корешки из земли, опережая козочек. А под ветками вербы срывали отростки-пасынки, под горькой кожицей которых был хрумчатый кислый студень. А когда зацвела акация, мы ели эти белые цветущие кисти, а потом долго мотали головой, потому что в пищеводе как будто роился муравейник, такой приторностью отдавал вкус акации.

Отец вернулся так неожиданно, мы два дня висели на нем, а мама и бабушка держали его за руки. Приходящих в гости женщин отец приветствовал, но при разговорах не присутствовал. Он быстро включился в прежнюю жизнь, все делал с настроением, общение с воинами-туркменами помогло ему выучить, кроме узбекского, и турецкий, очень схожий с туркменским. И часто ранним утром под нашими окнами раздавалась громкая тирада на турецком языке, обращенная к соседу турку-месхетинцу, полководцу по имени Шало. «Ола! – кричал отец, – ани сан! Нерагядиерсан? На иштиерсан?» (Где ты, куда пошел, что хочешь?). На всех турецких свадьбах отец сидел за столом со стариками. Помогал с отъездом турок на родину в 60-м году, а когда их не пропустили дальше Азербайджана, помогал вернувшимся устраиваться здесь заново. Турки просили отца помочь забирать тела их детей из морга без вскрытия, быть защитником и ходатаем по их делам. Через наших здешних турок я познакомился с миром Кавказа, узнал их вкусы, привычки и обычаи.

Пришла пора идти мне в армию. Наивный папа записал мне фамилии своих ротных и полковых командиров, которых, уверял он, я обязательно встречу в числе своих высоких начальников. Но служил я на севере, на границе с финнами, на неприступном острове, три года не видел даже женского платья. Но женские молитвы обо

* Видимо, название искаженное. – ВС.

мне, можно сказать, спасли меня. Я очень плохо переносил холод, и командир пограничного отряда разрешил мне постоянно чистить на кухне картошку. Я запускал руки по плечи в горячую воду, отогревался до блаженства, и только потом приступал к работе. Слал грозные письма братишке, чтобы он берег папу, маму и бабушку, воспитывал мужиком младшего, третьего братишку. Во время службы были у нас стычки с финнами, о которых в газетах не писали. Еще больше было стычек у ребят с соседних застав с норвежцами, но все равно это было лучше, чем пришлось ребятам из нашего призыва, попавшим на службу в Германию. Там, говорили, наших солдат обстреливали до середины 1960-х.

Пришла очередь идти служить братишке. Он попал на флот, в центр Балтийского флота, города Балтийск. Видел небрунные разбитые военные орудия. Удивлялся, что среди полностью разрушенных кварталов стояли без единого попадания железнодорожный вокзал и госпиталь на три тысячи человек. Служил он на большом десантном корабле. И опять спасли только молитвы: хоть и прошел братишка морскую призывную комиссию и подходил по состоянию здоровья, но качку, особенно килевую, переносить не мог (с кормовой качкой организм еще как-то справлялся). Плохо было всем, кроме фронтовика мичмана. Во время качки, когда все валялись на полу, он подходил к повару и требовал «жучков» – сильно обжаренных кусочков мяса. Брал их в горсть и по одному кусочку забрасывал в рот, расхаживая среди перекачывающихся моряков... Но капитан третьего ранга Тохов, родители жены которого проживали в Ташкенте, находил возможность получить разрешение зайти в спокойные бухты, чтобы дать морякам прийти в себя, принять пищу и только потом уходить на учение. После службы братишка следил за судьбой командира. Уже через год после демобилизации он узнал, что Тохов получил звание капитана второго ранга и командовал бригадой больших десантных кораблей.

Но труднее всего пришлось нашему младшему братишке. Прекрасный наводчик пушки 145-миллиметровки, отслуживший срочную службу в Днепрпетровске, в мае 1980-го он, уже семейным человеком, был призван в Афганистан. Вернулся с двумя орденами Красного Знамени, расстроенными нервами и больной печенью. Но всегда говорил: «Если надо, хоть завтра это повторю»...

В отцовском доме сейчас живу я, в пристройке у ворот чинит телевизоры соседям мой младший сын. Его дочка заканчивает Ташкентский медицинский институт, и на выходные я езжу ее встречать, дважды преодолевая таможду, где меня очень хорошо знают. В сентябре видел демобилизацию местных ребят: они вошли в вагон нашей электрички на 20-м километре от Ташкента, угощали всех пассажиров сушеным куртом, покупали у разносчиц минеральную воду, показывали в окно друзьям свои дома и выходили на очередных остановках. И мне подумалось, как много вмещается в одну человеческую жизнь. Но в моей жизни самое большое место занимают защитники страны и женщины, которые их ждут и надежно берегут память о прошедшем...

Владимир САРИШВИЛИ

От Сиони – до Кашвети

Прогулка по православному Тбилиси

От редакции. Очерком известного грузинского поэта и переводчика Владимира Саришвили, написанным специально для нашего журнала, мы открываем новую рубрику «Ойкумена»: в ней редакция планирует помещать рассказы об известных православных городах мира.

Более полувека живу я в самом сердце Старого города и более тридцати лет вожу своих гостей по его извилистым улицам и переулкам, проспектам и площадям, богатым христианскими святынями. С большинством из моего ближнего круга, да что там – со всеми! – побывали мы и в древней столице Мцхета, откуда царский дом переехал в Тбилиси...

Итак, представим, что вы у меня в гостях и мы погожим осенним утром – в сентябре и октябре в Тбилиси стоит воистину райская погода – выходим из моего старого двора, где по сей день соседи живут одним сообществом, белье висит на виду у всех и переключка из окон не прекращается ни днем, ни вечером. Старый Тбилиси расположен в юго-восточной части города, по обоим берегам Куры, его территория сформировалась в XII веке и по сей день остается неизменной. Узкие улочки; наметанный глаз различит в зданиях черты средневековой застройки. Здесь можно увидеть развалины цитадели Нарикала, достроенной в XVI–XVII веках, каменную церковь Анчисхати, церковь Метехи, кафедральный собор Сиони и бани царя Ростомы.

Я могу вам показать даже архитектурные детали, датируемые V веком, но преобладающее большинство застроек относятся к веку XIX. Впрочем, давайте обо всем по порядку.

Вниз – по улице Ладосатиани, тончайшего грузинского лирика, умершего 26-летним юношей, спускаемся к кафедральному собору Сиони (VI век), одной из главных храмовых святынь Грузии.

Сионский собор

Сиони, или Сионский собор Успения Божьей Матери, назван в честь Иерусалимского Сиона. Согласно легенде, первая церковь на том самом месте была построена царем Вахтангом Горгасали в V веке.

Трудно вспомнить какой-либо еще христианский храм, который на протяжении многих веков столько раз подвергался бы такому безжалостному разорению, но вся-

кий раз восставал из пепла. Фрески и иконостас Сиони выполнены учеником Карла Брюллова, русским художником XIX века, князем Григорием Гагариным – подлинным летописцем жизни народов Кавказа и, в особенности, Тифлиса, где в середине позапрошлого века его дом был центром культурной жизни.

В Сиони хранится величайшая святыня страны – крест равноапостольной Нино, Просветительницы Грузии. Крест этот был, по преданию, скреплен из двух ветвей виноградной лозы и перевит прядью волос святой Нино. Вот что об этом пишет известный тбилисский богослов отец Рафаил (Карелин) в книге «Икона «Слава Грузинской Православной Церкви»:

Лоза – символ Грузинской Церкви. В Сионском соборе хранится крест из виноградной лозы, обвитый волосами святой Нины. От времени ветви лозы согнулись, словно опущенные крылья птицы – как бы под тяжестью, которую несла Грузинская Церковь в многовековой борьбе с ... видимыми и невидимыми врагами Креста.

Святая Нина поселилась в царском саду, в хижине, сплетенной из ветвей. В ней не было ничего, кроме подстилки, на которой она молилась и спала. К святой Нине приходили жители Мцхета и соседних сел, чтобы послушать ее проповедь о Христе, попросить ее молитв и духовной помощи. К ней приносили больных, и она исцеляла их, возлагая с молитвою крест, которым благословила ее Пресвятая Богородица. Тяжелобольные, одержимые демонами, умирающие получали исцеление у хижины святой Нины, как в Иерусалиме в Овчей купели, куда ходил Ангел. Прошли века, не осталось следа от царских дворцов во Мцхета. Все унесла с собой река времени, но убогое жилище святой Нины стало местом непрерывного паломничества, как при жизни, так и по смерти ее...

Благодатью и силой святой Нино христианство приняли царь Мириан и царица Нана.

Грузинская церковь датирует приход в царство духовных лиц и крещение страны 326 годом. Эту дату подтверждает историк V века Созимон Саламанский, автор хроники «Церковная история», где указано, что официальное принятие христианства в Грузии состоялось сразу после окончания I Вселенского Собора (325 г.).

Что касается Западной Грузии, здесь распространение христианства и существование церкви в 1-й половине IV века бесспорно, что подтверждается участием Бичвинтского епископа Стратофила в Никейском Вселенском соборе.

По просьбе царя Мириана византийский император Константин Великий для крещения царя, его семьи и народа прислал духовных лиц во главе с епископом Иоанном. До их приезда в Мцхета, там, где покоился Хитон Господень, началось строительство церкви.

После официального принятия христианства император, святой Константин, и святая Елена, его супруга, прислали в Грузию часть Животворящего креста и доску, на которой во время распятия стоял Господь, также и икону Спасителя.

Начиная с этого времени Грузия твердо стала на путь христианства. Византийский историк VI века Прокопий Кесарийский замечает, что «Иберы есть христиане и правила веры соблюдают лучше, чем все, кого мы знаем».

В десяти минутах ходьбы от Сиони находится Музей грузинского искусства – бывшая Духовная семинария, в которой учился (не к ночи будь помянут!) юный Иосиф Джугашвили. Здесь, в Золотом фонде, хранится Хахульский триптих, жемчужина искусства христианского Востока. Триптих выполнен в первой половине XII века из золота, серебра, драгоценных камней и эмалей как обрамление для иконы Богородицы X века. Здесь

же – Анчисхатская икона Спасителя – самый ранний образец иконописи в Грузии, датируется VI веком. Икона эта считается спасительницей Грузии. Особое внимание привлекает оклад иконы, представляющий собой один из великолепных образцов чеканного искусства, выполненный по благословению анчийского епископа Иоанна Рканели на пожертвование святой царицы Тамары золотых дел мастером Бекой Опизари, о чем свидетельствует надпись на нижней части оклада: «Повелением и пожалованием боговенчанной великой царицы цариц Тамары, я, Иоанн Анчийский из Ркани, приступил к благословенному украшению сей священной иконы. Да будет она покровом и хранителем ее царства отныне, и присно, и во веки веков. Чеканна рукою Беки, Христе помилуй его».

Уже много лет активно действует довольно многочисленное движение за возвращение иконы Анчисхати в Анчисхатскую церковь. Список иконы установлен в портике у входа в музей, и «анчийцы» ведут там круглосуточное дежурство, проводят богослужения, периодически – акции протеста. Однако светские власти непреклонны – в церкви, по их мнению, икона погибнет, поскольку древнейшая святыня нуждается в постоянном наблюдении, особом температурном режиме...

И здесь же, в Золотом фонде, – великое произведение церковного прикладного искусства – золотой нагрудный крест святой царицы Тамары XII века, с изумрудами, рубинами и жемчугами.

Право же, о каждой из упомянутых святынь – как архитектуры, так и прикладного искусства, можно было бы написать монографию (и они уже написаны и продолжают создаваться, пополняясь все новыми фактами). Но у нас иная задача – просто все осмотреть и кратко описать. Поэтому – в путь.

Начиная с XII века, после реконструкции, осуществленной Давидом Агмашенебели, планировка Сионского собора по существу не менялась. Поодаль от собора две колокольни: одна – старинная, трехъярусная, XV века постройки, разрушенная персами и восстановленная в XX веке, другая – типичный образчик русского классицизма (построена в 1812 г.).

Несмотря на свой высокий статус, выглядит храм довольно скромно и сдержанно. Единственным украшением его является высокая башня с остроконечным шатровым куполом, возвышающаяся над центральной частью Сиони. Купол помещается на сводах, смыкающих алтарные стены и две отдаленные от них колонны, формы которых напоминают стрелы.

Тбилиси – подлинный клад для всего просвещенного православного мира и просто любителей истории. Храмы и монастыри – наиболее характерные и интересные достопримечательности города. Только храмов святого Георгия, одного из самых почитаемых в стране святых, в Грузии насчитывается 365.

Почему же именно великомученик Георгий Каппадокиец, к слову сказать, родственник равноапостольной Нины, стал самым почитаемым в Грузии святым, покровителем страны? Он был блистательным полководцем, любимцем императора, но предпочел мучения за Христа мирской славе и умер, как подобает воину, в духовном бою, в котором сама смерть его стала победой. Образ святого Георгия, поражающего дракона, образ бесстрашного витязя, небесного покровителя воинов, стал особенно близок Грузии, – наверное, потому, что ей самой часто приходилось вступать в единоборство с грозными и могучими врагами. И грузины – особенно в горных областях, – после Иисуса Христа и Девы Марии, чаще всего призывают в молитвах имя святого Георгия Каппадокийского.

Многие века храмы и монастыри были не просто молитвенными сооружениями,

но и очагами богословия, науки и искусства, становились просветительскими центрами, а также служили защитой от многочисленных завоевателей, что отразилось на их внешнем виде: это смешение монументальных черт крепости и храма.

Церковь святой Марии (Анчисхати) находится в основной части Старого города, на берегу реки Мтквари, которую пришельцы обозвали Курой, – в нескольких десятках шагов от столичной резиденции Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II. На западном фасаде храма сохранился от самой ранней части строения высеченный медальон с крестом.

Анчисхати была построена в царствование преемника Вахтанга Горгасала – Дачи Уджармели (VI век). Старое название этой церкви неизвестно, а нынешнее – Анчисхати – она получила в XVII веке, когда сюда перенесли икону Божией Матери, о которой сказано выше, из Анчийского монастыря. Анчи находился в Кларджети – южной провинции средневековой Грузии, по большевистскому росчерку пера отошедшей к Турции.

Тбилисская церковь Анчисхати представляет собой трехнефную базилику – один из пленительнейших памятников грузинской раннехристианской архитектуры. В течение веков базилика Анчисхати меняла свой облик, наиболее сильным переделкам она подверглась в XVII веке, при проведении восстановительных работ. Изменения коснулись как внешнего вида, так и интерьера, особенно верхних частей сооружения. В 1958 году были проведены реставрационные работы, с целью максимально возможного освобождения памятника от поздних наслоений. Пол опустили до первоначального уровня, были снесены пристроенная в XIX веке колокольня с западного фасада и надстроенный на базилику ложный купол. В результате реставрационных работ был открыт слой стеной живописи XVII века.

В небольшом отдалении от западного фасада базилики Анчисхати, на более высокой отметке улицы Шавтели, стоит двухъярусная колокольня, первый этаж которой представляет собой арочный проход в ограде. Сохранившаяся над воротами надпись свидетельствует, что колокольня была возведена в 1675 году католикосом Доментием. «Мы, благословенный Христом царевич, католикос Доментий, построили колокольню сию и возобновили церковь сию в поминание души моей в царствование над Карталинией Шах-Наваза». Католикос Доментий приходился царю дядей. До нашествия персов в 1795 г. на южной стороне церковного двора находилось жилище свиты католикоса. Здесь же был выстроен дом Магалашвили – управителя делами католикоса. Дом же самого католикоса стоял в северной части двора.

Церковь Метехи

Из окон и двора Анчисхати открывается вид на храм Метехи (Успенский) – еще один символ Тбилиси. Он был построен в XII веке, по преданию, здесь молилась царица Тамара. В 1235 году его сожгли монголы, но в 1278–1289 годах, при царе Деметре II, храм был восстановлен. В течение XV века он был снова разрушен, на этот раз персами. В XVI–XVII веках грузинские цари не раз перестраивали Метехи.

Сегодня это небольшое, но высокое кирпичное строение квадратного плана, в центре которого высится круглая башенка с остроконечной крышей. Это все, что осталось от древней крепости, куда входили замок, монастырь и храм. В VIII веке на Метехской скале, как гласит легенда, принял мученическую смерть святой Або Тбилели, жестоко убитый захватившими Тбилиси арабами. В XIX веке церковь была

перестроена под казармы казачьего полка, а при всеильном Лаврентии Берии чуть было не снесена (за протесты против ее сноса художник Дмитрий Шеварднадзе заплатил собственной жизнью). С 1988 года церковь вновь стала действующей.

В XVII веке прилегающая к церкви территория была превращена в крепость, а на другой стороне реки появилась мечеть Шах-Аббаса. С присоединением Грузии к России необходимость в укреплениях отпала, на их месте была обустроена тюрьма. При Сталине тюрьму закрыли, но заодно снесли и часть старинной застройки квартала (что было мотивировано строительством моста через Мтквари).

Смотровая площадка Метехи – самая лучшая в городе. Отсюда открываются великолепные виды на Старый город, крепость и легендарный район Авлабар. Отсюда на протяжении столетий любовались городом и грузинские цари: раньше по соседству с Метехи стоял царский дворец, который был снесен по приказу того же Берии.

В храме захоронена первая великомученица грузинская – царица Шушаник, убитая мужем-огнепоклонником в V веке. Ее страдания и смерть описаны в древнейшем из дошедших до нас памятников грузинской агиографической литературы, автором которого является духовник царицы-великомученицы Яков Цуртавели. Шушаник, дочь армянского военного вождя Вардана Великого, приняла мученическую кончину от рук своего мужа Варскена, правителя Южного Картли. Перейдя ради союза с Персией в зороастризм, он потребовал того же от жены и детей; Шушаник, отказавшись отречься от христианства, шесть лет подвергалась унижениям, побоям и заточению в темнице, а на седьмой год скончалась.

Яков Цуртавели приводит свои разговоры с заточенной в темницу Шушаник, что придает его сочинению огромную источниковедческую ценность: в этом житии обнаруживаются поистине бесценные сведения о политическом и экономическом устройстве Картли. Кроме того, это сочинение обладает высочайшими художественными достоинствами – не случайно в прошлом веке ЮНЕСКО отмечало 1500-летие со времени его создания.

А прямо перед храмом Метехи стоит современный памятник – бронзовая конная статуя основателя города, святого царя Вахтанга Горгасали.

Нарикала

Первое, что приковывает взгляд при обзоре со смотровой площадки Метехи – расположенные на противоположном склоне Сололакского хребта – части горной цепи, окружающей Тбилиси, – древняя крепость Нарикала и недавно восстановленная церковь святого Николая, XII века.

Нарикала – святыня и легендарный «щит» Тбилиси, ограждавший его от захватчиков. Нарикала можно сравнить с городской цитаделью, но при этом здесь никогда не было главных храмов или дворцов, в чем отличие Нарикала от многих других «кремлей». Предназначение крепости было чисто оборонительным.

По преданиям, какие-то застройки были здесь уже в V веке, но о самой крепости известно с VI века. В 627 году город осаждала армия византийского императора Ираклия, и, невзирая на ожесточенное сопротивление, в конце концов крепость пала. В VIII веке город стал столицей Тбилисского Эмирата. 400 лет крепость принадлежала арабам, затем стала столичной крепостью Грузинского царства. Нарикала была еще

и кормилицей Тбилиси, потому что крепостные стены спускались к реке Мтквари, и правители замка имели полный контроль над торговыми путями.

За все время существования крепости ее ни разу не брали штурмом. Есть версия, что название «Нарин-Кала» («Малая крепость»), позже превратившееся в Нарикала, дали захватчики-монголы; до того она носила название «Шурис-цихе» («Завидная крепость»).

К XVIII веку цитадель превратилась в довольно сложное фортификационное сооружение. На вершине скалы располагалась собственно Нарикала, – ее видно и сейчас. Ниже находилась Верхняя крепость. Еще одна линия стен с бастиянами шла к Мтквари и далее, по берегу реки, которая сейчас протекает через Ботанический сад, – это был Нижний город.

Еще один участок стены тянулся по Сололакскому хребту. Вдоль стены сейчас протоптана тропинка, по которой любят гулять туристы, любясь Ботаническим садом, расположенным далеко внизу.

В 1827 году крепость понесла непоправимый урон от мощнейшего землетрясения. Однако в наши дни она отреставрирована – грамотно и эстетически весьма впечатляюще.

Спускаемся с плато Метехи и через старинную улицу, носящую сейчас имя генерала Константина Леселидзе, через площадь, ныне именуемую площадью Свободы (названия тбилисские улицы и площади сменили несчетное число раз), выходим на главный проспект – имени создателя «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Поэму Руставели называют «конституцией грузинской души», а проспект, носящий имя ее создателя, – сердцем Грузии. Гостивший в Тбилиси американский художник и писатель Рокуэлл Кент сравнил его с прыжком раненой лани. И не только потому, что этот проспект изящно изогнут: глубина сравнения в том, что его плиты впитали в себя много крови борцов за свободу земли грузинской – от героически сражавшихся юнкеров, расстрелянных большевиками, до девочек, порубленных четверть века назад саперными лопатами советских десантников-детдомовцев, не знавших материнской любви.

Прокладывался проспект в XIX веке, при наместнике Кавказа графе Михаиле Воронцове, и назывался Головинским (по имени одного из предшественников Воронцова) до 1918 года, когда получил имя Шота Руставели. Проспект недлинный, всего полтора километра, поэтому неспешная прогулка никого не утомит. Тбилисцы утверждают, что при прокладке проспекта Воронцов пожалел старика, чей огород оказался на пути, и приказал обойти его, – вот почему проспект изогнут. По другой версии, это был не огород, а церквушка.

Кашвети

Кашвети – церковь святого Георгия – возведена сравнительно недавно – в 1910 году. Архитектором проекта был Леопольд Бильфельд, который взял за образец шедевр грузинского средневекового зодчества XI века – Самтависи. Фрески в церкви были выполнены в 1947 году рукой самого известного, после Пиросмани, грузинского художника Ладоса Гудиашвили.

До Кашвети образца начала прошлого столетия на этом же самом месте стояла другая церковь – XVIII века. Старая церковь носила то же название – Кашвети. Однако

и она была не первой – более ранние исторические записи указывают, что на этом месте храм стоял еще с VI века.

Название церкви связано с удивительным по своему драматизму преданием.

При жизни одного из высокочтимых в Грузии святых – преподобного Давида Гареджийского, чудотворный образ которого ныне находится в храме, некая монахиня забеременела.

Каждый четверг Преподобный спускался в город и наставлял жителей в основах христианской веры. За это на него ополчились жрецы-огнепоклонники. Они подговорили забеременевшую инокиню свалить на него вину ее позора. Будучи вызван жителями на суд, Преподобный подошел к этой девице и, коснувшись посохом ее чрева, спросил: «Я ли твой отец?» Из утробы раздался голос: «Нет», – и был назван истинный виновник падения инокини. И после этого на глазах удивленного народа она родила камень.

На грузинском языке «ква» – «камень», а «шва» – «родить». С того дня церковь стали называть К(в)ашвети, а камень, который родила монахиня, как утверждают, был заложен в фундамент.

В память о таком дивном небесном заступничестве Преподобный испросил у Господа на горе Мтацминда целебный источник, к которому до сих пор прибегают жительницы Тбилиси в своих немощах. Смочив в родниковой воде камушек, они прикладывают его к церковной стене. Если камушек удержится, значит, Всевышний услышал молитву и желание исполнится.

Впоследствии тринадцать ассирийских святых отцов, как их называют в Грузии, удалились на юго-восток, в пустынную местность Гареджи. Здесь подвижники ископали себе в горе кельи и поселились в них. Впоследствии около них стали селиться и другие пустынножители и образовалась знаменитая Давидо-Гареджийская Лавра.

Но это уже уводит нас от основного повествования.

Назовем еще несколько тбилисских церквей.

Это, прежде всего, *Церковь святого Давида* на горе Мтацминда. Основание этой церкви приписывается святому Давиду Гареджийскому. По преданию, он поселился на склоне горы в VI веке. Вначале была сооружена келья, затем часовня и, наконец, храм в традиционном грузинском стиле. Нынешняя купольная церковь святого Давида возводилась во второй половине XIX века, в течение десяти лет.

Церковь Лурджи монастыри («Синий монастырь») возведена в эпоху царицы Тамары в конце XII века. Названа она так из-за синих глазурованных плит, покрывавших ее кровлю. Церковь не раз перестраивалась и свой современный вид обрела в 1873 году.

На проспекте Акакия Церетели, в 15 минутах езды от Старого города, находится *церковь Дидубийской Божией Матери*. Она была сооружена на месте древней церкви, построенной Георгием III в честь рождения дочери, будущей царицы Тамары. По легенде, здесь происходило венчание Тамары с Давидом Сослани.

Можно назвать еще не менее десятка старинных тбилисских церквей с богатой историей и целым свитком хранимых ими преданий. Но у нас все-таки журнальный формат, а не Малая энциклопедия грузинских храмов. Мы посетили лишь Тбилиси, да и здесь осталось немало храмов, таящих удивительные дары для любознательного странника. Что ж, будем надеяться, что мы сможем вернуться еще к разговору о христианской культуре любимой моей родины – Сакартвело, известной всем под именем Грузия...

Размышления над Евангелием:
страницы протоиерея Сергия СТАЦЕНКО

Кем был богатый юноша?

Сюжет о богатом юноше, не сумевшем преодолеть привязанности к богатству, содержится почти без изменений в трех синоптических Евангелиях – от Матфея (Мф. 19, 16-23), Марка (Мк. 10, 17-27) и Луки (Лк. 18, 18-25). Обычно эта история воспринимается не как факт из жизни Христа, а как некая притча. Усугубляют это «притчевое» ощущение сопровождающие сюжет афоризмы – слова о верблюде и игольном ушке и о том, что «невозможное человеку возможно Богу»...

И все же остается вопрос: кем был тот самый богатый юноша? Можно ли рассматривать его как историческую личность, стоит ли за этой личностью какое-то имя?

Изучение текстовых источников всегда увязано с одним из главных методов исследования – сравнением со схожими текстами. Попробуем и мы использовать этот – компаративный – метод в своем небольшом богословском исследовании.

Итак, все синоптические тексты излагают этот сюжет почти одинаково. За мелкими исключениями. Одно из этих исключений встречается в Евангелии от Марка.

Приведем отрывок из этого Евангелия полностью:

...Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать. Он же сказал Ему в ответ: Учитель! все это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение. И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие. Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, воззрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу...

Итак, важное по сравнению с другими Евангелиями дополнение: Господь, взглянув на юношу, полюбил его. Как Богочеловек, Господь мог мгновенно понять внутреннюю суть любого человека, оценить духовный потенциал, скрытый в нем. И Господь проникся чистотой сердечных намерений юноши и выказал Свое расположение к нему. Не случайно это место в Евангелиях предваряется рассказом о том, как ко Христу приносили детей, и именно детей, в их чистоте и неомраченности страстями, Господь выставлял как образец жителей Божиего Царства. Поэтому и любовь Христова была свидетельством светлого внутреннего мира юноши и его рвения к Богу.

На этой высокой ноте можно было бы остановиться.

Но искомого ответа все еще нет...

Каждое Евангелие – это ограниченное по формату произведение, куда евангелисты стремились внести о Христе самое главное для жизни и спасения, включали самые возвышенные моменты, рассказывали о самых значительных, потрясающих воображение случаях. За скобками евангельского повествования остаются повседневные бытовые моменты, которые, впрочем, иногда сравнительно легко восстановить.

Кем был Христос с учениками для внешних наблюдателей-современников? Бродячим Проповедником с последователями. Предмет проповеди был во многом непонятен для большинства слушателей, а потому Проповедник не снискал всенародной популярности. Конечно, были те, кто прислушивался к Благой Вести, кого-то поразили чудеса, творимые Учителем. Но о них можно говорить, скорее, как об отдельных избранных, а не как о массе.

В странствованиях Спаситель должен был, говоря современным языком, решать элементарные бытовые вопросы – например, пропитания. Для этого проповедники носили ящик для сбора денежных пожертвований (Ин. 12:6). Но нужны были места для отдыха и ночлега. Вскользь Евангелие говорит и об этом. Скорее всего, в каждом населенном пункте, где Христу с апостолами приходилось часто останавливаться, были дома его нестранствующих учеников. В них путешественники могли отдохнуть, привести себя в порядок, принять пищу. Среди таких принимающих домов можно указать на семью Лазаря, Марфы и Марии (Лк. 10:38). В чуть более поздние времена, после вознесения Господня, по старой памяти принимала в своем доме апостолов Мария, мать Иоанна, называемого Марком (Деян. 12:12).

В том же Евангелии от Марка присутствует еще один эпизод: после того, как Господь был взят воинами, *один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним, и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них* (Мк. 14, 51-52).

У большинства из нас этот фрагмент не сильно привлекает внимание. Но, по всей видимости, он был важен для автора текста, то есть для самого евангелиста. И многие из толкователей Евангелия приходят к выводу, что тем самым юношей был будущий евангелист Марк, ближайший сподвижник апостолов Петра, Павла и Варнавы...

И, возможно, он был тем же юношей, которому трудно было расстаться с богатством.

И с этого утверждения можно, не обходя стороной обычные житейские моменты, с большой долей вероятности восстановить приход ко Христу юного Иоанна, позже прозванного Марком.

Иоанн, судя по всему, воспитывался в очень зажиточной, но при этом благочестивой иудейской семье. Возможно, в семье чиновника, поскольку в Евангелии от Луки о юноше говорится как об одном из «начальствующих» (Лк. 18, 18). Он рос в семье, в которой благочестие не ограничивалось внешним следованием ветхозаветному Закону и религиозным ритуалам. В семье, которая искала большего – внутреннего общения с Богом. Поэтому и члены этой семьи впоследствии были готовы к жертвенному служению Сыну Божию.

Опять же, в «предположительном» наклонении, можно допустить, что юный Иоанн как-то услышал о странном Проповеднике, говорившем несуразные для общества вещи. Дальше юноша набирается смелости и с молодой пылкостью требует, чтобы Христос дал рецепт немедленного наследования жизни вечной. При этом важна еще одна деталь: только у апостола Марка говорится, что юноша подбежал и упал перед Спасителем на колени. Опять же для дру-

гих эта деталь не существенна – существенна она только для того, кто сам был тем юношей. И для будущего апостола было также крайне важным отметить, что Учитель, взглянув, полюбил того юношу...

Предложив раздать богатство, Христос не столько провел испытание на готовность пожертвовать благополучием, а скорее – отсрочил апостольское служение для юноши Иоанна, которому нужно было элементарно подрасти и созреть в своих духовных и жизненных принципах.

Житейская логика и стремление обрести некое красивое и значимое завершение сюжета, а также принцип – мыслить непримиримо-«духовно» заставляют большинство христиан думать, что беседа со Христом была финальной для юноши в его религиозных поисках. Разошелся он, дескать, с Учителем в конфликте житейского с духовным. Но жизнь не так проста, как, наверное, хотелось бы. Можно предположить, что произошло дальше.

Иоанн, будучи еще не самостоятельным в своих действиях, а также в распоряжении имуществом, не имея возможности, да и не желая пустить нищенствовать своих близких – мать и домочадцев, ушел от Учителя в душевном расстройстве. Дальше он, скорее всего, поделился своими переживаниями с родителями или же только с матерью. Мать, мудрая женщина, желавшая большего, чем только формального исполнения Закона, приняла проповедь Евангелия через своего сына. И, чтобы утешить его и послужить Учителю, она, скорее всего, предложила свой дом в Иерусалиме сделать для странствующих проповедников местом прибежища и отдыха. И это предложение Христом и апостолами было принято. Таким образом, Иоанн мог часто видеть Христа и беседовать с Ним.

В ночь, когда пленили Иисуса, юный Марк услышал об этом известии и, встав от сна и накинув на нагое тело покрывало, побежал, чтобы увидеть, что происходило с Учителем. Дальше мы уже точно знаем, что он вывернулся из рук воинов, оставив в их руках покрывало, и убежал.

Из Писания известно, что в последующем Иоанн-Марк стал постоянным спутником апостолов Петра и Павла. Его дядя Варнава был в новорожденной Христианской Церкви одним из именитых и деятельных апостолов. В этом служении были у Марка и нестроения (Деян. 15, 37-39), и примирения (2 Тим. 4, 11). В этом служении были и успехи возмужавшего Иоанна, которому на латинский лад дали прозвище Марк, что значит «молот». Возможно, это прозвище стало языковой калькой слова «маккаби» («макави»), означающего то же понятие; прозвище, которое было дано братьям Маккавеям, сокрушавшим, подобно молоту, врагов веры в единого Бога, как это описано в книгах Маккавейских. Возможно, за такую же пылкую ревность апостол Петр называл его своим сыном (1 Пет. 5:13). И впоследствии тот же Петр стал главным источником в составлении Евангелия, которое, по некоторым данным, было самым первым письменным свидетельством о жизни и земной проповеди Господа нашего Иисуса Христа.

Прописной истиной для каждого христианина является утверждение о том, что Евангелие имеет бесконечное множество уровней понимания. Для начала его можно понимать по букве. Далее, можно искать аллегории и иносказания. Более опытные христиане ищут для себя в Евангелии пророчества, прообразы и нравственное назидание. Со временем же Евангелие может стать дверью, через которую к каждому из нас хочет войти Спаситель.

История же с апостолом и евангелистом Марком также может послужить нам еще одним поводом к духовному оптимизму. Поводом к обретению надежды на то, что неудачи в первом опыте соприкосновения с верой, неудачи в первых попытках сообразовать земное с небесным всегда могут быть обращены нашим Создателем к добрым последствиям – стать отправной точкой к ревностному служению Ему, обретению пути к жизни вечной...

Реставрация души

Я все детство ходила мимо него. Каждый день. То в музыкальную школу, то на Зеленый базар с родителями, то на прогулку – с коляской, в которой восседала маленькая сестра.

Хожу и сейчас, не часто, но постоянно. Потому что адрес мой так и не поменялся с детской поры.

А вот он – он с тех пор поменялся. Внешне – не очень; внутренне в основном. Сначала это был музей. Потом – концертный зал. А после... То есть, для меня – сначала, потом и после. Потому что на самом деле это всегда был, есть и будет – Вознесенский кафедральный собор. И всегда в городе его только так и называли. И задолго до того, как я родилась, это был собор. И после моей смерти он тоже будет собором. А середину истории, как и середину печального XX века, мы сейчас вспоминать не будем. Было и было, прошло ведь.

Собор – гордость и достопримечательность Алма-Аты. Растиражированная, конечно, достопримечательность, но что тут поделаешь. Хорош! Основательный храм, солидный, но притом – легкий и светлый. Затейливый!

Строил его знаменитый инженер Андрей Павлович Зенков, с 1904 по 1907 годы, и в результате получилась у него дивная конструкция. Стройная, открытая, веселые ромбики скачут по маковкам, отсвечивают солнечными зайчиками яркие золотые кресты. Тянется собор деревянным телом ввысь (второе по высоте деревянное здание в мире!), спорит с елями и соснами парка, держит на себе и площадь, и парк, и старый город, да весь город целиком и держит. Теплое и любящее сердце Алма-Аты. Не страшны ему ни землетрясения, ни социальные перемены, ни исторические зигзаги. Бьется оно, сердце города, не смолкая, дышит и радуется за всех нас...

В семидесятых годах, как раз в бытность собора историческим музеем (а лучше всего об этой его ипостаси рассказал Юрий Домбровский в своем романе «Факультет ненужных вещей»), его начали реставрировать.

Я, повторяю, ежедневно ходила мимо. Фортепьяно, сольфеджио, музлитра, хор. Опять же, кефир из специальной детской кухни для сестрички. Весь процесс ремонта происходил буквально на моих глазах. Шел он ни шатко, ни валко. Месяцами строительные леса облепляли какую-нибудь одну маковку. Потом леса исчезали, и маковка начинала светиться особенным ликующим разноцветьем на фоне своих блеклых товарок. А рабочие неторопливо брались за следующую. Через несколько месяцев та, первая маковка, – то ли по капризу климата, то ли в соответствии с качеством реставрационных работ и материалов, – ничем не отличалась от остальных. Зато на общем фоне светилась восторгом очередная – свежестреставрированная. То же было и со сте-

нами, и с лестницей. Пока чинили и красили одно – успевало подернуться пылью и поблекнуть уже отделанное.

Реставрация, напоминая Тришкин кафтан, длилась несколько лет. Сестра успела подрасти и вполне самостоятельно передвигалась по парку. А я привычно поглядывала на собор, как на старого друга. Радовалась, что ему подновили одежду, огорчалась, что выглядит она, как с чужого плеча. И помню, думала: неужели в жизни все так и происходит? Медленно, кусками, рывками. И когда придет конец-молодец – успеет снова осесть и осыпаться начало. И так – по кругу, безнадежно, бессмысленно, какая тоска...

А жизнь становилась все круче. Время набирало ход. Съехал исторический музей, и собор на десяток лет превратился в концертный зал. Гулкое белое пространство под куполом. Концерты почему-то не запомнились, хотя ходила на них довольно часто. А потом собор снова стал тем, чем всегда, по сути, и был – Храмом.

И оказалось, что все эти многолетние реставрации, советские ремонты, тришкины кафтаны и безнадёга – полная ерунда. Все можно сделать сейчас и сразу – если душа лежит к работе. Если видишь в ней внутреннюю и внешнюю логику, если не маскируешь суть, а выявляешь ее. И вновь раскрашиваешь в чистые краски заката, восхода и долгого солнечного дня. Чтобы ромбики смеялись, стекла сияли, нежные акварельные стены и снежные изразцы навевали прохладу, а каменная лестница благородным ковром ложилась под ноги всем, кто на нее, крестясь, ступил.

Напрашивается очевидная и много раз повторенная аналогия: душа человека – храм. Как бы сам он ее ни называл, в какие бы одежды ни рядил, кем бы себя ни мнил – она храм и храмом навсегда останется. Вне его воли и желаний. Пока человек этого не понимает – ждет его безнадёга и маета. То схватится за одну религию, то за другую. То в секту его занесет, то в атеизм, то в нигилизм, то в мракобесие. Сегодня одно читает, завтра выбрасывает, хватается за другое. Реставрирует одну маковку, а пока возьмется за другую, глядишь – а та уже почернела, осунулась, поскучнела... И жизнь такого человека напоминает хождение по болоту без указателей и компаса. С кочки на кочку. Не оглядываясь. Что позади – ну его. Что впереди – непонятно.

Остановиться хочу! Перестать скакать мыслями и делами. Как раньше говорили – остепениться. Отдышаться. Что я построила? Каков мой внутренний храм? Сияют ли маковки, сверкают ли чистым светом окна? Покойно ли, торжественно? Справедливо? Красиво ли, наконец? Отвечать на эти вопросы надо честно. Только тогда появится шанс остановить хождение по кругу, шанс раз и навсегда произвести реставрацию своей души, да так, чтобы выявилась и засияла ее подлинная суть!

...Сорок лет на ком угодно отразятся. Деревья стали большими, я и сама стала большой. Уже и дети мои почти ежедневно мимо него ходят, как я когда-то. А собор – на прежнем месте. Ясный, радостный, стоит посреди парка. На площади гомонят дети, вспархивают ленивые голуби, откормленные булками. Бренчит и звякает мелкий прогулочный бизнес – мороженое шариками, мыльные пузыри, прохладительные напитки, сувениры, батут для мелкоты... Деревья, улицы, машины, дома, люди, поля и трассы... Над всеми нами протянул свои могучие руки мой собор.

Ну, здравствуй, дорогой друг! Я старею, ты молодеешь. И с каждым днем становишься все прекраснее. Как и положено душе...

«Мы живем в языческом мире в его наихудшем варианте...»

На вопросы ВС отвечает поэт Инна Кулишова*

– Инна, в предисловии к вашей недавно вышедшей книге «Фрески на воздухе» московский поэт Дмитрий Веденяпин написал: «Главная тема Кулишовой – человек и Бог. Вы скажете, что это слишком общо и что все стихи крутятся вокруг этой темы. И так, и не так. Бывает по-разному. Но про стихи Кулишовой так точно можно сказать». Я понимаю, что поэту бывает сложно говорить о собственных стихах, поэтому спрошу про «все стихи»: вы согласны, что поэзия всегда «крутится» вокруг темы «человек и Бог»?

– Да, безусловно. Это единственное, что всерьез. Только через это все начинает быть. Говорить здесь можно бесконечно, а полемика в любом случае бессмысленна и приравнена к вопросу: «Есть ли Бог?», ответ на который можно найти только внутри себя. Если в этом споре и родится истина, то мертвой. Спорить можно только до потери голоса, поэтического.

Это вопрошание-тяжба четко обозначено у пророка Исая: «Разве можно считать горшечника, как глину? Скажет ли изделие о сделавшем его: “не он сделал меня”? и скажет ли произведение о художнике своем: “он не понимает”?» (Ис. 29, 16).

Все мироздание – большое стихотворение. Если бы мы знали, если бы на момент почувствовали, насколько все детальнейше продумано, взаимосвязано, сцеплено, образно и подобно, сконцентрировано, осмыслено... То же самое – и стихотворение. В нем все остро, больно, некомфортно. Протоиерей Александр Шмеман писал о «раненой красоте» природы. И каждый звук стиха пронзен этим сквозным ранением.

Естественно, попытка преодолеть Время, чем занимается поэзия в первую очередь, обречена на провал. Но бороться может. Техническими средствами, «звукосмыслом». После прочтения стихотворения, по идее, становишься другим человеком. То есть оказываешься далеко не там, где находился прежде. Стих должен быть колю-

* См. предыдущие беседы этой рубрики: «Поэзия растворена во всем...» На вопросы ВС отвечает поэт Галина КЛИМОВА. – 2013, № 3 (XXXI); «Нити из церковнославянского клубка...» На вопросы ВС отвечает поэт Мария ИГНАТЬЕВА. – 2013, № 3 (XXXI); «Поэзия в высшем своем проявлении есть благодатный дар...» Беседа со священником и поэтом Константином КРАВЦОВЫМ. – 2013, № 4 (XXXII).

щим и режущим предметом. Убивать, пронзать насквозь, – иначе это «щебет». В поэзии завораживает именно *серьезность* каждого слова. Стих – событие и состояние измененного, проясненного сознания. Меняется состав крови, ритм дыхания, размеры горизонта. Главное, появляется ощущение неизбежности сказанного.

Поэзия – постоянное движение и никогда не возвратится на прежнюю точку... Вы замечали, что обычно прав идущий не в ногу?

– В каком смысле?

– Вся рота идет неизвестно в каком направлении (иногда – в пропасть), а один – идет иначе, иногда и на Крест.

Примерно такой путь у поэта, а человек, в тело которого помещен поэт, пытается «угнаться» за ним, и далеко не всегда успешно. Спотыкается, падает. Выступает на том или ином съезде, подписывает расстрельные списки, бездарные письма, не принимает, не говорит, не поступает или поступает... Но его вытаскивают его же произведения, его же. Хотя они не индульгенция.

Помните мысль Чехова: «То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может, есть нормальное состояние. Влюбленность указывает человеку, каким он должен быть». При чтении или написании стихотворения мы испытываем примерно то же самое. Если мы все похожи на то, что любим, что читаем и на что смотрим, то есть куда расти. Стихотворение – максимальное существование человека на осознанном пределе его возможностей, оно всегда работает в режиме «все включено». «Высшая форма существования языка» позволяет человеку быть – хотя бы в этот момент – в своем лучшем образе и, следовательно, подобии. Здесь можно просто вывести формулу творчества, она же – и любви. Творчество и есть максимальное саморастворение, равное максимальной самоконцентрации. Все остальное – только строительный материал. Жизнь в каком-то смысле превращается в первый этаж, который надо пройти, чтобы подняться на следующий – стихотворение. Другой вопрос – степень мастерства. Чем выше мастерство, тем вторичнее жизнь.

Когда пишешь, не боишься смерти. А Бог смерти не создал. Это переходит в отсутствие страха, – пожалуй, единственное занятие на земле, дарующее это чувство. Иначе говоря, все в этом деле прямым или косвенным образом указывает на истоки и цели поэзии.

«Поэтическая концепция существования чуждается любой формы конечности», – сказал Бродский. Придать смертному бессмертные черты, дорисовать недорисованное, досотворить и продолжить – за счет собственной жизни, которая становится в некотором смысле вторичной и оттого еще более трагичной, разбуженной, балансирующей на грани, – все это характерно для каждого поэта. Все, помещенное в стихотворение, можно сказать, автоматически приобретает то ли больший, то ли настоящий свой смысл, будь то «ночь, улица, фонарь, аптека» или любой звук. Приобретает вертикаль, свой стереоскоп и телескоп.

Вера так же неуловима, как иной раз самое нужное слово в строке. Все от всего зависит. От слуха, от дара, от гласа. Может, вера тоже дар. В своем давнем стихе я писала:

Чем сильнее вера, тем меньше гарантий.
В душе копошатся черви...

Руки тянутся вверх, пустуя
(пустоту еще никто не истратил).
Но чем с больших «нет» звучит «Аллилуйя»,
тем скорее услышит Создатель.

Стихи, к счастью, не красноречие, которое повязано с гордыней. Они полны острых углов. Моисей косноязычен, и не случайно. Гладкость речи – глянец речи. Гладкость возникает от накатанности, но не от проникнутости. Это ложь речи. И как раз поэзия, как ничто больше, отучает от лжи и учит смирению. Абсолютно иное, Божественное, состояние, – не кротость или любое клише.

Буквы и звуки – плоть дара и Дарителя. Потому обладают небывалой пластичностью. Поэзия, испытывая беспокойство, одухотворяет каждую деталь мира сего. Который известно в чем лежит. Надо ведь ухватиться за что-то конкретное, чтобы поднять, потому литература детальна. Как ни странно, она приучает – и приручает – к реальности, к ее ядру, зерну, если угодно, – той реальности, в которую вошел Христос. Действует детально, ненавязчиво, закономерно и непредсказуемо, беспощадно и милостиво, если присмотреться. Это взаимозависимость всего и вся, притяжение всего и вся, охваченное понятием любви во всех ее болезненных и болеющих подробностях. Любви беспощадной.

Конечно, в поэте слишком много разбужено, и ангельского, и демонического. И разбуженность никогда не даст покоя. Ни ему, ни непосредственно окружающим его. Мир воспринимается более обостренно, аномально обостренно иной раз. Поэт всегда живет на грани здравого смысла, потому великие поэты боялись сойти с ума, а некоторые и в психбольницах лживали. Это тоже преломление Духа.

А Дух, кажется, не любит копаться в одном месте и рушит все, что человек хочет заключить в рамки. Дух ведет и выводит. Вектор у поэзии тот же. Любое стихотворение – движение вовне. Любая точка для поэта – не точка, а точка отсчета. Зацепившись за конкретное, она выводит за пределы всего привычного и знакомого. Движение от себя. Если угодно, отказ от себя. Даже не сознательный, а невольный, сопутствующий основному процессу. Чего от нас требует вера? Отказаться от себя. Отказаться и идти за Ним. Но пусть кто-то скажет, что это процесс нимало не приятный. Какие бы «муки творчества» ни были, они гораздо плодотворнее, перспективнее и объемнее любых иных.

Помеха и подмога. Платишь довольно тревожной, мучительной жизнью, царапаясь о каждую секунду. Как-то во сне фраза пришла такая: *птицы поневоле*. Примерно так. И сомнения, и тревоги, и ошибки, и осознание своей грешности. Я не имею в виду слащавое, не без самолюбования, «сокрушение» о грехах, которым заслоняются и защищаются настоящие грехи.

Как известно, жизнь поэта, и не только поэта, всегда отстает от его произведений. По всем уровням. Тот же Бах, возможно, на первый взгляд был немного бюргер. С поэтами так же.

Для меня остаются вопросом взаимоотношения дара и совести. «И меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он», да? Дух дышит, где хочет, и правил, видимо, нет. Это как бой часов – бой без правил. Как любовь – без правил. Чеслав Милош считал, что поэт, писатель обязан быть нравственно чистым человеком. Но это большей частью не так.

– *Поэтому и было такое количество неверующих поэтов?.. Впрочем, было и есть.*

– Почему-то человек интеллектуальный и человек, верящий в Создателя, сегодня в умах либерального большинства (хотя нынче уже трудно разобрать, где большинство, где меньшинство) никак не соединяются. Это не лишено оснований, любой религии обычно сопутствует невежество – где больше света, там всегда околачивается больше тьмы, – но оно-то и есть зло, от которого призывает уходить Всевышний. На то и дается путь, который открывает вера. Помните слова Анастасии Цветаевой, сестры Марины: мол, какой же умный человек не верит в Бога!

Сегодня, когда мир раскачивает до расшатывания всего и вся, когда уже не измены, а подмены, как мелкие бесы, занимаются профанацией и колоссальным упрощением, грех замазан «психологией», вплоть до его отмены. Но поэтами и святыми рождаются и становятся вопреки психологии!

Поэзия – более чем что-либо – жанр одиночества и свободы, наедине с языком, через него – наедине с Дарителем языка. Никаких других взаимоотношений в такие моменты и быть не может. Но они не должны осознаваться и осмысливаться, просто живешь внутри процесса, в неизмеримое количество раз интенсивнее, чем во все остальные минуты жизни. И нельзя не чувствовать этой смены дыхания. Ни от кого не зависишь, ни с кем не связан, но «раз голос дан – остальное взято». Что больше можно сказать о человеке и Боге?

– *С начала 90-х в русской поэзии происходит всплеск духовной лирики: христианские мотивы, образы, темы появляются у очень разных поэтов. Можете назвать какие-то имена или тексты, вам наиболее близкие?*

– Набрать по автору сложно. Писать на христианские темы не обязательно значит писать по-христиански, равно как и писать о любви – писать с любовью.

Мотивы и духовность иногда различаются. Духовная поэзия для меня духовная не по тематике, а по отношению к любой теме. Да, открылись шлюзы, хлынула христианская тема, стало можно об этом писать... Но христианская тема еще не делает поэзию духовной. Потому я бы с осторожностью подходила к «духовной лирике». Если нет в стихотворении острых углов, боли, масштаба, то в лучшем случае это не интересно, какие-то стерильные стихи, точнее, не стихи.

Да, отдельно и Елену Шварц назову, с ее духовными стихами, Тимура Кибирова, Владимира Гандельсмана, Ивана Жданова, многие вещи Сергея Гандлевского, Бориса Херсонского, и еще, и еще... Но это, скорее, было и до 90-х, а после распада советской идеологии стало доступным и легальным, как, например, Вениамин Блаженный. Сейчас иногда читаю стихи и письма Инны Лиснянской к дочери, 90-х годов, и понимаю, насколько интересны мне ее размышления на религиозные темы, ее пронзительное видение.

В основном, авторы нового времени хороши сами по себе и полны – для меня, подчеркиваю, – скорее в сочетании друг с другом. Я опасюсь одних назвать, а других забыть, – буду жалеть. Мне нравится, как мыслит Ольга Седакова – пожалуй, наиболее крупная личность нашего времени. Мне близка Улицкая. И человечески, что важно. Но это уже не поэзия.

Сегодня ни один поэт не создает ощущения неизбежности. Замечательные, умные, оригинальные, наполняющие стихи метафорами и духовной энергией – есть.

Насколько «большие» поэты, которых сегодня таковыми считают, причисляя к классикам, сказать трудно. Большие – может быть. Великие – вряд ли.

Подаренная новым временем скорость избавляет от необходимой медленности и усилий. Close reading, иначе говоря внимательное чтение, становится делом избранных, отважных. А чтения самих стихов их авторами часто более норовят походить на шоу, и чтецы выглядят скорее как видеоинсталляции... Нет ощущения борьбы с временем, все течет как-то одновременно... Да и дробление – всеобщая, повсеместная характерная черта. Будущее поэзии вполне возможно аудиовизуальным. Этаким семь Симеонов Полоцких, за которыми потянутся новые воплощения языка. Насколько духовным – вопрос соотношенности больше, чем тематики.

– В дневниковых записях выдающегося православного богослова XX века протоиерея Александра Шмемана рассказывается, как Иосиф Бродский на встрече в американском пен-клубе на вопрос, почему он христианин, ответил: «Потому что я не варвар...». Вопрос к вам уже не просто как к поэту, а как к одному из исследователей поэзии Бродского: можно ли говорить о христианской поэзии у Бродского, или у него это было просто «обще-интеллигентское» увлечение православием, характерное для мыслящих людей конца 60-х – начала 70-х?

– Ни в коем случае ничего «обще-интеллигентского», тем более, к счастью, он интеллигентом себя не считал, о чем, в частности, говорил в беседе с Адамом Михником.

Во-первых, пожалуй, он последний поэт – на сегодняшний день – со столь масштабным ощущением присутствия Бога, без посредников... Во-вторых, он последний поэт – на сегодняшний день – со столь масштабным чувством первородного греха. Как говорила Татьяна Щербина, Бродский – проповедник, и он учит, как вести себя христианину в современном мире. Очень любят цитировать в соцсетях его «Речь на стадионе»...*

– Где он вспоминает фразу Фроста: «Жить в обществе – значит прощать»...

– Да... И обязательно рядом должно быть и «Напутствие», тоже речь перед выпускниками колледжа. Это же каким свежим, незамутненным взглядом можно увидеть и услышать сказанное в Писании! Он говорит потрясающие вещи! Правая и левая щека... Это именно на уровне проповеди, без морализаторства и стереотипов. Совершенно новое понимание, когда зло надо довести до абсурда, а жертва ставится в активную позицию. Не быть жертвой – вот один из его христианских уроков. Даже когда силы неравны. Любые клише только помеха и вере, и литературе. И тут – прорыв. Он разрывает сеть привычных координат, открывает новый горизонт, «новое небо», если угодно, ведь никакое небо не предел, да? Какая ж тут «обще-интеллигентность», и даже культура?

«Христианин, потому что не варвар»? Да тысячи варваров номинально были христианами. Речь не о плавном движении троеперстия ко лбу и дальше, не только о культурной традиции, а строго о вертикали, которая бьет без промаха. И без пощады.

По сути, мы живем в языческом мире в его наихудшем варианте. Это не древнегреческий или древнеримский просвещенный политеизм – прообраз демократии, как считал Бродский, а мир жертвоприношений и бездушных кумиров, мир карикатуры

* Эта речь была произнесена перед выпускниками Мичиганского университета в Анн Арборе в 1988 году. (Прим. ВС.)

и пародий, сплошной подмены, суеты и равнодушия. Не бывает христианских стран. Есть отдельный человек. Это дело глубоко личностное, личное и индивидуальное. Поэтому границы личности беспредельны, в отличие от коллектива, который и есть мир. Поэзия как раз об этом, что Бродский более чем чувствовал. Потому и не варвар.

При сознательном чтении его произведений исчезает любое «я», любое эго. Уход от эго в эхо, о чем он писал в эссе о Марине Цветаевой. Как при стихописании и чтении. Слишком явно отсутствие мелодрамы. Слишком ясен масштаб, где настолько растворяется и исчезает любая мелочность, насколько проявляется любая мелочь.

По степени беспощадности, – истина разве гладит по головке? – по глубине прозрений и мыслей, по умению сдирать покров и пелену, иногда с кожей, – только с Цветаевой и могу сопоставить.

Валентина Полухина считает, что треугольник «Дух–Человек–Вещь» Бродский разрушил и создал четырехугольник, введя четвертый элемент – Слово, Язык. А ведь, получается, он создал трапезу – восходящую к греческой *тетрапезе*, четырехугольному столу или помещению, – где собираются на причастие они, поэты, едят и пьют из Языка, самого милостивого послания Дарителя.

Главное, – снова упомяну Шмемана, – отнесенность человека с Богом, та мера, «которая одновременно есть и граница, грань». Она как раз и свойственна Бродскому, говорившему не раз, что писание начинается с личного стремления к святости. Всем его творчеством и мышлением задан уровень отношения к Богу, и столь высокий, что по нему можно мерить поэзию прошлую и последующую.

– *Инна, вы всю жизнь живете в Тбилиси. Что означает быть русским поэтом сегодня в Грузии? Чувствуете ли вы какое-то влияние со стороны грузинской поэзии – как классической, так и современной?*

– Не могу этого сказать, хотя всегда мне очень интересно переводить... Грузинский – довольно теплый язык, и если какие-то слова и обороты дословно переводить на русский, фразы могут показаться сентиментальными, хотя в оригинале это совсем не так. А я стараюсь уклоняться от такой интонации.

Что значит быть русским поэтом в Грузии? Ничего. Поэт – везде иностранец. Все земли чужие. Нет такой страны и земли, где бы я ощущала себя дома, в полном смысле слова.

Свое и чужое здесь, свое и чужое в другой стране... Свойство любого поэта, по сути, это чужеродность. Даже в своей среде, языковой, национальной, любой. Снова не могу обойтись без Цветаевой: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы».

Влияние оказывает нечто другое. Ландшафт, какие-то встречи, разумеется, отношения... Неязыковые факторы. Вот война августа 2008 года была одним из последних всплесков, которые слегка взорвали мозг. Тогда спаслась стихами. Но не только. Я, ко всему прочему, поняла, насколько всерьез дорога мне эта земля, потому что раньше не очень и задумывалась, а просто жила. Не задумываетесь же о какой-то части тела, пока она болеть не начнет.

В каком-то смысле война повенчала меня с Грузией еще больше. Я столкнулась с развалинами, со сгоревшим виноградом... Мне всегда видятся какие-то иные смыслы. Развалины открывают больше неба. Странный символ нашла тогда: лозы и по-

черневшие гроздья винограда, сохранившие форму, но только прикоснешься – превращаются в горький пепел. Верно ли, что «только пепел знает, что значит сгореть дотла»*, или нет, трудно сказать. Вспоминаются слова другого нобелевского лауреата Эли Визеля, прошедшего концлагеря Второй мировой, потерявшего там семью, не смирившегося с этим. После того, как его друг-художник написал портрет его бабушки и сжег картину, пытаясь примирить его с прошлым, настоящим и будущим, он подумал: «Но у меня остался пепел». Что ж... «Бог сохраняет все».

Недавно как-то сформулировалось: хочется уехать из всех стран одновременно. И потом увидела, что поэт и священник Сергей Круглов прочел эту фразу в фейсбуке и продолжил: «Древние греки говорили – “Если хочешь быть сильным – бегай, хочешь быть красивым – бегай, хочешь быть умным – бегай”. Ангел добавил: “Бегай людей – и спасешься”».

Но я бы не преувеличивала необходимость одиночества... Добровольное – да, оно нужно. Скорее так: уединение и единение.

Конечно, одно из главных ощущений – нехватка живого языка. Полноценного, с богатой лексикой и коннотациями. Со всем возможным сленгом и диалектами. Помню, в Москве на Биеннале поэтов в 2009 году по программе мы должны были читать стихи у памятников поэтам. Возле памятника Мандельштаму самыми благодарными слушателями оказались бомжи – оказывается, облюбованное ими место. Пьяные, разные такие... Один прямо-таки застыл в полунаклоне и слушал стихи Мандельштама, открыв рот. Потом, когда мы поспешили обратно в автобус, он пристал к какой-то девочке и, получив отказ, разразился «небоскребом». Я внутри себя застыла почти так же, как жители ночлежки перед пассажем Гиляровского. Так и хотелось крикнуть: подождите, помедленнее, дайте записать. Чисто профессиональный интерес.

В Тбилиси я слышу русский язык достаточно редко... Он существует очень ограниченно и фонетически, и лексически, в очень ограниченном пространстве. Поэтому берет оторопь, когда в России попадаешь в интенсивное пространство русского языка, от которого человек, пишущий по-русски и живущий вдали от него, отвык. Чтобы понять московский русский язык, надо знать о питерском русском языке, о языке деревень, языке где-то за пределами Садового кольца. Поражает то, что у этого языка разные тона: на улице, в метро, – и тон в обычных разговорах. В одном случае этот тон может быть грубоватым, в другом очень насыщенным, и этого как раз не хватает. Испытываешь нехватку – это именно языковое чувство, никакой другой подоплеку нет, – это нехватка языка, нехватка речевых оборотов, идиом, фонетическая даже нехватка есть...

– Два года назад в «Востоке Свыше» вышли ваши заметки о замечательном фестивале анимационных фильмов «Никози», проводимом под патронажем Никозской епархии. Думаю, нашим читателям было бы интересно узнать о дальнейшей судьбе этого фестиваля.

– Фестиваль продолжается. В этот раз приехали европейцы: французы, итальянцы, немцы, из Америки и Японии гости и, как всегда, из Польши и России. За четыре года на нем побывали мои любимые аниматоры, выдающиеся режиссеры Гарри Бардин, Андрей Хржановский, Александр Петров. Привозятся фильмы-победители Суз-

* Из стихотворения И. Бродского. (Прим. ВС.)

дальского фестиваля, Дрезденского, фестиваля в Аннеси, – такие анимационные Канны... Лора Гуэрра привезла с собой картины Тонино и, представьте, подарила часть коллекции Никози. Сейчас работы Тонино Гуэрра висят в Никозской школе искусств, которую создал владыка Исая*. Как и весь фестиваль. Он сердце и солнце этого фестиваля. Ради него, на самом деле, многие и приезжают. В нем есть необыкновенный дар привлекать и прилеплять к себе людей, есть внутренний и внешний свет, умение дарить внимание и теплоту так, что почти каждый чувствует себя особенным и выделенным из других. Он еще потрясающий рассказчик, его истории всегда имеют композицию, яркие моменты – иной писатель бы позавидовал, – и, естественно, основаны, как говорится, на реальных событиях.

Владыка – художник, аниматор, о чем я писала, и восприятие мира у него довольно обостренное, он тонко чувствует состояние находящегося рядом человека, очень чутко относится к творческому началу в людях. Он – настоящий, такое бывает редко. И народ к нему тянется. Но и вся обстановка вокруг там... Деревня бедная, в километре от Цхинвали, со следами войны. Человеческое обогащение важно не менее профессионального. И детям радость: с ними проводят мастер-классы, делают мультфильмы, – и взрослые изменяются, ненадолго или немного, но все же.

И мир, кругозор расширяются... Если не встретиться с другими, если не узнать Бога в *другом*, то не узнаешь Его ни в себе, ни в мире, не возлюбишь. Возлюби ближнего – довольно конкретная заповедь. Абстрактно это сделать невозможно никак. Надо, чтобы перед тобой был ближний, потом ближний подальше, потом еще дальше, дальний... – развивать любовь. Ближние тоже разные, и себя тоже не всегда любишь, разве что с элементами мазохизма, столь необходимого поэтам, например. Но чтобы быть собой, чтобы любить, *нужен* другой, и легче всего это найти, встречаясь с самыми разными людьми. Возможности у ума и сердца велики, научиться бы желать их расширять и развивать. Потому фестиваль – довольно условное название по сути, поскольку все естественно сосуществует: природа, храм, искусство; нет раздельных линий. Так и должно быть.

Сегодня амплитуда колебаний от абсурдного и воинствующего атеизма до не менее абсурдной и воинствующей религиозности не просто растирает личность в полную аморфность. Сегодня торжество православия зачастую, в горизонтальном измерении, тождественно торжеству страхов, перенесенных в область религии, веры – что еще хуже... Скажем, какая метафизическая чушь: «оскорбить чувства верующих»! Оскорбить верующего нельзя по определению. Как поэтическое чувство... Чувство цвета. Чувство звука. Чувство формы. Разумеется, если вера настоящая. То есть если – вера. Ибо она, как и поэзия, прилагательных не терпит. Чувство веры, – чувство оно или что повыше, – делает бессильным все остальное.

И потому очень важно – встречаться с творческими, образованными людьми на территории монастыря. Есть надежда, что монастыри хоть где-то могут вернуть себе просветительскую функцию, которая была у них в древние времена. Вера без просвещения перестает быть верой и становится идеологией, властью, догмой, убивающей всякое живое начало, торжеством византийщины и приматом законов, расшитым какими-то кружевами.

Христианство начинается не в мире, а в человеке. Ради одной овцы могут быть

* Митрополит Никозский и Цхинвальский Исая (Чантурия). (Прим. ВС.)

оставлены остальные – которые и так дружны и одинаковы. Ради Моисея Бог спас народ. Ради нескольких праведников – город. В конце-то концов, «возлюби Бога и делай что хочешь» (Блаженный Августин).

* * *

Если только зима потому,
что Ты хочешь увидеть всю голую нашу
безлиственность, нервных поэтов безлистье,
больше неба в закрытых глазах, промеж пальцев деревьев,
если только зима потому, что Тебе нужен шелест не листьев, а губ

несвершаемый шепот; молчанье Твое, ни к кому
не направленное бесполезно, пока месяц мутную кашу
сапоги в не ухоженных душами храмах, нас чистит и чистит,
словно дворник заброшенный двор, до такой пустоты, что поверят
в то, что мы тоже были здесь, той же зимой, и тенями баюкали ясли, и скуп

свет небесной звезды был над нашими спинами, дул
ветер в новый пещерный шофар.
Если только зима потому,

доверяю Тебе вместо истин и слабых молитв мою ту,
несвершенную к тварям любовь, что Ты звал.
Доверяю Тебе. Доверяю Тебе. Одному.

* * *

Вот построим для Бога дом.
Заведем вокруг него траву.
Горсть земли, семена в горсти.

Будут свечи в ночи потом.
Будут лица, как наяву.
Будет Он каждый взгляд нести.

А как к Богу придут – в приют.
Камень долю колен возьмет.
Руки вспыхнут речной водой.

Ранен утром церковный люд,
входит в окна чужой восход,
и не ранним грехом – с Тобой.

Ранним шагом из двери – прочь,
по другим отзвенят ключи.
Будет трапеза поздним днем.

Коротка, словно выстрел, ночь.
А как встанем средь всей ночи
и построим для Бога дом.

«Мы живем в языческом мире в его наихудшем варианте...» На вопросы ВС отвечает поэт *Инна КУЛИШОВА*

* * *

Купание в любви – это по воде ходить яко посуху,
это горы, скачущие, как ягнята,
это вспыхнувшая смоковница,
и взрыв листьев на всех деревьях,
и рухнувший снег, и гроза во все небо,
бьющая в острия всех соборов молния.
Это исчезновение имени, тела, души.
И одиноко дрожащая на асфальте травинка...

* * *

Я не знаю, где больше Бога:
в развалинах, в новых, отстроенных монастырях,
в древних храмах с крестами и камнями, крытыми пылью;
в пустынях, – Боже, какие творишь пустыни! – в траве,
пропахшей капелькой утра, стертой подошвами, в осколках;

в мутной грязной воде, засасывающей, как берлога
медведя, взгляд, провожающий облако, в прах
обращенное, страх не узнающий, прячущий в боль и былъ у
бытия на пороге остальное тело; в крове-
носных сосудах сгоревшей лозы после долгих ласканий огня, долгих...

Обрубки дома того и другого с перерезанными глотками
кирпично-каменно-серых колонн, деревья
черные, словно дыры, вырезанные из белой бумаги
воздуха, черные точки горелых сморщенных виноградин, за-
вершившие продолжение монастыря –

врастают в Его объятья.

Глотками здесь ничего не выпить. Каплями. И походка ми-
молетна, и чернильный пепел на перья
веток сгоревших ложится, и что-то пишется, аки
посуху, по бегущим дождям и летящим снарядам, день за
днем продолжается трапеза, песнь молчания для

разговорами, шутками тихими, смехом, врастающими...

Ничего не закончено, ничего. Не дашь
и гроша за цветущий сад, лишенный этих цветов.
Утешение выглядит как утеха.
Цеваот, Имя воинств шепчется, Саваоф!
И чем тише звучит «Отче наш»,
тем слышнее эхо.

Ирина БОГОСЛОВСКАЯ

Библейские сюжеты Стефана Бакаловича

В отделе русского искусства Государственного музея искусств Узбекистана особое внимание посетителей привлекают две картины – «Суд в Древнем Риме» (1889) и «Римлянин в библиотеке» (1890). Трудно представить, что их автор, бывший одним из самых востребованных художников в так называемом «помпейском» стиле, первоначально получил известность благодаря своим работам на библейские сюжеты.

С творческой биографией Стефана Бакаловича (1857–1947) до недавнего времени мало кто был знаком. Лишь в последние годы его имя стало упоминаться в отдельных книгах и альбомах, посвященных исторической, салонной живописи или живописи позднего академизма. Но и эти публикации содержат лишь отрывочные сведения об удивительной судьбе этого уроженца Царства Польского, художника России и жителя Италии.

Искусство Бакаловича не вписывается в рамки одной определенной национальной школы. Как писала Т.Л. Карпова, «в эпоху, озабоченную национальной идеей, [Бакалович] воспринимался чужаком, что в контексте русской национальной школы, что в контексте польской культуры»¹. Однако высокий профессионализм никогда не «выходил из моды» и в любую эпоху оценивался по достоинству. В конце XIX – начале XX века, когда восхищались классицизмом и художественным изображением жизни античных греков и римлян, изящество работ Бакаловича соотносили с высоким уровнем произведений английского художника, мастера классического стиля Лоуренса Альма-Тадема (1836–1912). Однако почерк Бакаловича оставался всегда узнаваемым и неповторимым.

В академической живописи по мере ее развития укреплялось стилевое единство. Для одних «академистов» основными темами становились ветхозаветные и новозаветные сюжеты (М. Боткин, К. Вениг, И. Ксенофонтов, С. Постников), для других источником вдохновения были сюжеты из русской истории (Г. Седов, А. Литовченко, А. Новоскольцев, К. Маковский). Отдельная страница в развитии академической живописи принадлежит произведениям, в которых оживала история Древней Греции и Древнего Рима. Зародился новый вариант постклассического искусства – стиль

«неогрек». «На этой тематике, – писал Д.В. Сарабьянов, – были сосредоточены самые “блестящие силы” академической живописи»². Среди них – Г. Семирадский, Ф. Бронников, В. Смирнов, братья А. и П. Сведомские и сам С. Бакалович.

Первоначальные навыки юный Стефан перенял у своего отца, известного художника Ладислава Бакаловича, и у талантливого педагога Войцеха Герсона в Варшавской частной рисовальной школе, где учился с 1874 по 1876 годы.

Особую роль в жизни будущего художника сыграла его мать – известная актриса Варшавского театра «Розмаитости» («Rozmaitości») Викторина Шимановская (1835–1874). Стефан фактически вырос за кулисами этого театра, с детства наблюдая за работой режиссеров, бутафоров и художников-постановщиков. Все эти наблюдения отразятся в его будущих живописных и графических работах.

В 1876 году Бакалович поступает в Санкт-Петербургскую Академию художеств. После сдачи им экзаменов великий князь Владимир Александрович, в то время президент Академии, повелел позволить на содержание новопринятого студента «из сумм Царства Польского платить стипендию по 300 рублей в год до окончания курса в Академии»³.

С самых первых дней обучения в Академии художеств Стефану (или Степану, как его называли в России) Бакаловичу выпал счастливый жребий учиться мастерству у талантливейших педагогов и художников.

Преподаватель исторического класса Академии Василий Петрович Верещагин (1835–1909) стремился выработать у своих учеников высокое исполнительское мастерство, выверенное построение картин и отменный рисунок. Этими же качествами отличались и живописные работы самого В.П. Верещагина.

Значительную роль в становлении и развитии молодого художника сыграл и другой мастер, Павел Петрович Чистяков – учитель Серова, Врубеля, Коровина... Чистяков резко отрицал эскизную манеру в живописи, «которая начинала господствовать во второй половине XIX века и которая была представлена в России рядом блестящих произведений Репина. Все наставления со стороны Чистякова показывают, что он требовал подмалевка в два тона, прежде чем приступить к работе красками... После смело и резко набросанного в два тона подмалевка должна была быть сделана тщательная проработка этюда, а последний этап – лессировка – должен был напрячь все силы художника, который, отдаваясь всецело своему чувству и натуре ... возвращал этюду всю свежесть непосредственной правды видения»⁴. Под воздействием Чистякова сложилась манера письма Бакаловича.

В конце каждого года практических занятий, к 1 декабря, ученик представлял подробный отчет о своих занятиях, с описанием проектов и пояснением всего хода работы (положенные по программе рисунки).

Так, Бакалович по прошествии года обучения в Академии (к концу 1877 года) выполнил ряд эскизов на библейские сюжеты: «Вениамин, сын Иакова, уличенный в похищении чаши Иосифа», «Изгнание Адама и Евы из рая», «Иисус Христос исцеляет расслабленного, которого спустили в дом, где он учил, через кровлю», «Воскрешение Лазаря». За эти работы он получал поощрительные медали и похвалу Совета Академии художеств.

1879 годом датируются его новые эскизы: «Явление Христа миру. Проповедь Ио-

анна Крестителя на Иордане во время пришествия Христа», «Христианские мученики» и другие. В них заметно увлечение художника внешними деталями, но не всегда отмечается психологическое углубление в натуру. Так с первых ученических работ стал проявляться особый интерес Бакаловича к изображению умиротворенного, гармоничного состояния персонажей его картин.

В таких работах, как «Иисус Христос умывает ноги ученикам» («Омовение ног») (1880) и «Иаков узнает одежду сына своего Иосифа, проданного братьями в Египет» (1881), художник продемонстрировал все наработанное им за годы учебы мастерство.

В основу картины «Омовение ног» лег известный сюжет из Евангелия от Иоанна (Ин. 13, 5-11). ...В полутемном каменном помещении, освещаемом лишь прямоугольным окошком в стене, двенадцать учеников Христа с удивлением наблюдают за действиями своего Учителя. Коленопреклоненный Христос приподнимает ногу Петра, готовясь омыть ее водой из кувшина. Лица и весь облик учеников выражают чувства смятения и смущения от происходящего. Сидящий напротив Христа Петр жестом левой руки пытается остановить Учителя: *Господи! Тебе ли умывать мои ноги?* (Ин. 13, 6).

Умелое размещение фигур, которые условно образуют четыре группы, их разнообразные позы и жесты создают динамичность всей композиции и раскрывают индивидуальность каждого из персонажей.

Особое внимание Бакалович уделяет одежде, мастерски выписанным сложным драпировкам. Композиция больше напоминает некую декорацию к театральной постановке. Вероятно, в ней сказывается влияние оформления спектаклей, в которых играла мать художника и впечатления от которых он пронес через всю жизнь. Не только в картине «Омовение ног», но и во многих других его работах будут заметны приемы, характерные для художников театра, и это станет своеобразной «визитной карточкой» мастера.

Эскиз рисунка «Христианские мученики» создан Бакаловичем в смешанной технике. Предание зверям (лат. *damnatio ad bestias*) – вид смертной казни в Древнем Риме, когда осужденных оставляли на цирковой арене один на один с голодными львами. Подобное действо стало излюбленным зрелищем у древних римлян. Этот сюжет притягивал не только художников, но и писателей: на нем строится фабула «Камо грядеши» – известного романа Генрика Сенкевича, соотечественника Стефана Бакаловича.

Изображаемая сцена передана начинающим художником с особым драматизмом: на арене амфитеатра, собравшего несколько сотен зрителей, происходит растерзание последователей учения Христа дикими животными. Это один из первых сюжетов в творчестве Бакаловича, связанных с античной историей, и одна из немногих его работ, насыщенных такой динамикой.

В многофигурной композиции первый план проработан автором более тщательно по сравнению с дальним – обобщенным. Перед художником стояла достаточно сложная задача – поиск многообразных поз людей, сражающихся за свою жизнь или уже гибнущих. Мастерства требовало и изображение сразу целой группы разъяренных тигров, львов и медведей, с их характерными анатомическими особенностями

и позами, и чувствуется, что ко времени создания «Христианских мучеников» Бакаловичу еще не доставало навыков, например, в изображении животных. Тем не менее, эта композиция, хотя и не давалась молодому художнику легко и нуждалась в некоторой доработке, свидетельствовала о его растущем мастерстве. При том, что она включает в себя общую плотную массу людей и животных, в ней различимы и отдельные группы, в которых просматривается каждый персонаж.

За время учебы в Академии художник неоднократно награждался золотыми и серебряными медалями. Большая золотая медаль была присуждена ему за картину «Иаков узнает одежду сына своего Иосифа, проданного братьями в Египет» (1881). Картина написана на известный ветхозаветный сюжет (Быт. 37, 32-34)*. В журнале «Всемирная иллюстрация» в 1881 году был опубликован довольно обширный и несколько критический отзыв об этой картине:

Воспроизводя буквально текст книги Бытия, прежде всего, требуется раздрание одежды своей, а не волоченье разноцветной одежды сына. Термин, даже означающий печаль у евреев и оплакивание горя, – сидеть во вретнице, т.е. набросить на себя разодранную, никуда негодную одежду, – оказывается полным контрастом с видимым нами у художника. Не сидит, а стоит и произносит в длинной светлой ризе как бы заклинания при совершении жертвоприношения... Изобрази художник палатку, да сидящего в ней в разорванной ризе старца с горем на лице, и перед ним двух еврейских пастухов в милотях, растягивающих пестрый плащ с пятном крови, – картина вышла бы поразительная и не требовала бы объяснений⁵.

Такой подробный анализ картины и сравнение сюжета полотна с библейским описанием указывает на то, что живописный холст Бакаловича не оставлял равнодушным ни зрителей, ни критиков.

В конце пятого года обучения в Императорской Академии художеств (в 1881 году) Стефану Бакаловичу было выдано свидетельство

в том, что во время пребывания в Академии он окончил с успехом Академический курс наук и за весьма хорошие познания в живописи, доказанные полученными им медалями и пенсионной конкурсной программой, определением Совета Академии, 30 октября 1881 года состоявшимся, удостоен звания Класного Художника первой степени с присвоением оному, на основании 293 ст. т. III кн. I Уст[ава] о сл[ужбе] гражд[анской] по опред[елению от] правит[ельства] (прод. 1863), права на чин десятого класса⁶.

Став пенсионером Императорской Академии художеств (с 1882 по 1887 годы), Бакалович жил и работал в Париже (1882–1883), Алжире (1883), Риме (с 1883). Путешествуя по Египту, Алжиру, Нубии, художник знакомился с древней культурой христианства и ислама. Помимо своего уникального дарования живописца и графика, Бакалович обладал богатейшими знаниями в области истории, археологии, архитектуры, а также даром полиглота – говорил и писал на нескольких языках. Польский был его родным языком; в молодости, живя в России, художник выучил русский. Пу-

* После того, как Иосиф был продан братьями в рабство, они взяли одежду Иосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью... и доставили отцу своему [Иакову], и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли это твоего одежда, или нет. Он узнал ее, и сказал: это одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф. И разодрал Иаков одежды свои, и возложил вретнице на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни. (Прим. ВС).

тешествуя по Европе, он овладел французским, немецким и английским. Во время своих поездок по Ближнему Востоку освоил испанский и арабский. В Италии прекрасно общался на итальянском и великолепно владел греческим...

Впитав христианские традиции, художник создавал картины на библейскую тематику, интересовался странами и святыми местами, связанными с историей зарождения христианства. Однако, как уже говорилось, еще со студенческих лет Бакалович тяготел больше к внешним проявлениям культурных традиций, нежели к изображению глубокой эмоциональной жизни своих персонажей.

Бакалович – яркий пример мастера кисти, который в своем творчестве отражал тенденции исследования библейского наследия в XIX веке. Благодаря новым археологическим и географическим открытиям, которыми художник очень интересовался, он сумел воссоздать на своих полотнах мир Римской империи и Средиземноморья, где христианство зародилось и распространилось.

Стефан Бакалович – яркий представитель академического направления русской живописи. Быть подлинно историческим живописцем художнику помогал его своеобразный талант «путешественника во времени», умение глубоко погружаться в давно минувшие эпохи. Почти не касаясь тем современности, окружающей его действительности (за исключением отдельных городских и морских пейзажей), он предпочитал воплощать на своих полотнах мир древних римлян, греков, египтян, нубийцев, представлять и домысливать детали их жизни, воссоздавая далекое прошлое.

Ранние работы Стефана Бакаловича на библейскую тематику стали для начинающего художника первоначальной, но вполне серьезной «разминкой», позволившей выработать умение воображать и оживлять давно ушедший мир античности и классицизма – мир, который он так любил и изображению которого оставался верен в течение всей своей долгой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карпова Т.Л. Генрих Семирадский. Альбом. – СПб.: Золотой век, 2008. – С. 212.

² Саратьянов Д.В. История русского искусства второй половины XIX века. – М.: МГУ, 1989. – С. 310.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 789, оп. 10, ед. хр. 163. л. 1876.

⁴ Лясковская О.А. П.П. Чистяков. – М., 1950. – С. 39, 54-55.

⁵ Всемирная иллюстрация / Еженедельный иллюстрированный журнал. – Т. 1-59. – СПб.: Г.Д. Гоппе: 1869-1898. – Т. 36, № 20 (670) от 7 ноября 1881 г. – С. 47.

⁶ ЦГИА СПб., ф. 789, оп. 10, ед. хр. 163. л. 1876.

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

За пределы истории

Два романа о миссионерских путешествиях в русские земли

Чаще всего в роли героев романов-путешествий выступают мореплаватели, благородные пираты и разлученные влюбленные. Но сейчас хочется остановиться на двух недавно изданных книгах, главными героями которых стали христианские миссионеры. Правда, в первом случае речь идет, скорее, о предтече всех последующих миссионеров, а во втором – о миссии не столько христианского, сколько политического свойства.

Роман Андрея Виноградова и Александра Грищенко «Андрей Первозванный: Опыт небιοграфического жизнеописания»^{*} примечателен не в последнюю очередь серией, в которой он выпущен: «Жизнь замечательных людей». «Молодой гвардии» уже приходилось издавать в этой серии книгу о столь же легендарной фигуре – «Гомер» Алексея Лосева. Но в данном случае перед соавторами стояла, пожалуй, более трудная задача: у них не было возможности реконструировать биографию по «голосу» героя. Сохранившиеся сведения о жизни апостола ограничиваются несколькими упоминаниями в Новом Завете, не дошедшей до нас в оригинале рукописью II века «Деяния Андрея» и рядом апокрифических источников, в которых правда так причудливо переплетена с вымыслом и легендами, что вычленению не поддается.

Как признаются Виноградов и Грищенко во вступительном слове – столкнувшись со скудостью материала, они смогли найти только один выход: «показать читателю, как создавалось и изучалось предание об Андрее Первозванном, начиная с первых веков христианства и кончая нашими днями». Таким образом, главным героем книги стал сюжет об апостоле и его приключения в истории – от первых агиографий до попыток пробиться к образу Андрея сквозь сумрак преданий и летописей.

Для византийского монаха Епифания, спасающегося от иконоборцев, фигура апостола почти так же притягательна, но трудноразличима, как и для исследователей (и героев романа), живущих в начале XXI века – Григория, Льва, Ампелия, Нины... Вместе с ними мы следим за путешествием Андрея вдоль черноморского побережья и его фантастическими приключениями, где чудеса, которые он мог совершить, уже неотличимы от вымысла. Быстроходный корабль с командой из ангелов; окруженный стеной огня город людоедов; статуя, извергающая воду, в которой, как во времена всемирного потопа, тонут тысячи нечестивцев; путь по Днепру «из греков в варяги» верхом на диковинной рыбе... На фоне этих невероятных событий герои спорят, влюбляются, странствуют, открывают и похищают рукописи.

^{*} Виноградов А.Ю., Грищенко А.И. Андрей Первозванный: Опыт небιοграфического жизнеописания. – М.: Молодая гвардия, 2013. 406 с.: илл. Отрывок из романа был опубликован в ВС, 2013, № 3 (XXXI), С.40-71. Для бывшего ташкентца Александра Грищенко «Андрей Первозванный» стал вторым крупным прозаическим произведением после написанного десятилетие назад «большого стихотворения в прозе» «Вспять».

Епифаний из девятого века, Никита из десятого, российские персонажи из двадцать первого воспринимаются как современники друг друга: места и обстоятельства событий прописаны реалистично, движущие героями мотивы убедительны и понятны читателю. Во всем же, что касается биографии апостола, авторы воздерживаются от попыток реконструировать реальные события. Мы видим карту предполагаемых путешествий апостола, которая наряду с подробными комментариями, указаниями источников и иллюстрациями приложена к книге, но с приключениями апостола, описанными в преданиях, она связана крайне опосредованно. В итоге перед нами две реальности – не пересекающиеся, но отражающие друг друга. Предание не укладывается в историю, но влияет и до некоторой степени определяет ее.

Неподтвержденные данные об основании Андреем епископской кафедры в пригороде Византия Аргирополе становятся одним из главных аргументов Константинополя в споре с Римом. Безоглядная вера в описанное летописцем путешествие Андрея на север Руси оборачивается для его тезки-россиянина скандалом на международной конференции. Энkratический характер «Деяний Андрея» отзывается уходом Нины, в которую влюблен Григорий, в закрытую христианскую общину, проповедующую воздержание. Крупные и мелкие совпадения и чудеса сопутствуют героям книги, не давая забыть о мире невидимом.

Пока кормчий вел свое судно в сторону Прусиады, Епифания одолел глубокий сон, и снился ему на корме вместо Димитрия миловидный мальчик с сияющим лицом, который лишь указывал простертой рукой на восток – и корабль сам несся туда, бесшумно и плавно. А рядом с мальчиком сидел как будто молодой еще мужчина, но весь седой – с белой лохматой бородой, белыми кустистыми бровями и совершенно белыми взъерошенными волосами на голове.

Другой роман, также представляющий собой опыт исторической реконструкции, попал сразу в два «длинных» списка престижных литературных премий («Русский Букер» и «Национальный бестселлер»). «Архитектор его величества»*, как гласит аннотация, написан на основе реальных летописных и архитектурно-археологических данных. Автор этого эпистолярного романа – художник, писатель и ученый Сергей Заграевский, специализирующийся на истории архитектуры, – поначалу никак не намекает нам о том, что свод писем католического аббата Готлиба-Иоганна фон Розенау не что иное, как мистификация.

Письма прелата-архитектора, который отправляется на Русь по указу императора Фридриха Барбароссы строить храмы и налаживать мосты между католичеством и православием, аккуратно пронумерованы по описи Венской библиотеки. Читатель не сразу догадывается, что не только оных писем в Венской библиотеке не существует, но и сам Готлиб-Иоганн – фигура вымышленная. Да, русский историк Василий Татищев пишет о том, что в середине XII века на Руси работал присланный императором Фридрихом Барбароссой архитектор, который по заказу князя Андрея Боголюбского построил во Владимире Успенский собор и Золотые ворота; а в одной из древнерусских летописей в связи с обрушением свода собора во Владимире в качестве причины упоминается «неискусство» некоего «немчины Куфира». Однако скудость исходного материала не смущает Заграевского, который отваживается возводить на нем здание своего романа.

* Заграевский С.В. Архитектор его величества. – М.: ОГИ, 2014. 368 с.

И замысел, к чести автора, удался. Если как историческая личность аббат растворяется в своих произведениях так же, как биографический апостол Андрей – в предании о нем, то в качестве литературного персонажа Готлиб-Иоганн не только убедителен, но и симпатичен. А кроме того, он становится идеальным зеркалом для изображения быта и нравов Древней Руси.

Не найдя в русских землях людей с песьими головами и медведей, заменяющих сторожевых собак, герой неоднократно попадает в передраги и спасается от предателей-купцов, волков, разбойников и злокозненных тамплиеров. В финале, выбирая между жизнью и смертью, Готлиб-Иоганн принимает православие и превращается в Иоанна Карловича. И в этот момент его множественные чудесные спасения в самых безнадежных и отчаянных ситуациях приобретают отчетливо промыслительный характер, несколько проясняя авторский замысел.

Самым интересным в романе по прочтении оказывается не интрига с обретением на Руси Святого Грааля, которое должно помочь окатоличить этот обширный край, и не нюансы средневековой европейской и русской архитектуры, на которых автор останавливается подолгу и со знанием дела. Гораздо больше захватывает фатальный разрыв между героем и его родиной, который нарастает с каждым следующим письмом и в конце концов делает окончательную разлуку с Вормсом неизбежной, несмотря на кажущийся благоприятным вплоть до последних страниц исход предприятия. Достигается это достаточно умелым приемом: переписка нам показана только в одном направлении – от аббата к его духовному наставнику Конраду, архиепископу Вормскому. На протяжении большей части романа Готлиб-Иоганн не получает ответов на свои послания, и постепенно возникает ощущение, что пишет домой он уже из некоего заснеженного иномирия, не предполагающего почтовой или иной физической связи. Меняется тон и содержание писем: все больше они превращаются в дневниковые записи, а то и в поток сознания, обращенный, скорее, к внутреннему собеседнику.

После совместных богослужений с православными священниками, покушений на жизнь аббата и прочих событий возвращение на родину становится для него столь же невозможным, как для другого, смертельно отравленного иноземными ветрами странника – Афанасия Никитина. Строя храмы на русской земле, Иоганн-Готлиб незаметно для себя пускает в нее корни, и его «вероотступничество» в финале логично и предопределено всем ходом повествования.

...Православные считают, что в рай попадут только они, а католики – что только они. Жаль, что нам неведомо, как на самом деле установил Господь наше посмертное бытие. Может быть, в раю окажутся только те, кто всю жизнь честно и хорошо выполнял свою работу? Не знаю, ибо никогда не был силен в богословии, просто строил храмы. Честно и, смею надеяться, хорошо.

(Древне)русский характер при этом вовсе не идеализируется автором. Готовность к самопожертвованию, отвага и гостеприимство честно уравновешены воровством, предательством, распущенностью. Спасший аббата после бегства от волков Микола спустя короткое время покушается на его жизнь, пытаясь отомстить за разоблаченное хищение. И все же миссионер и обращаемые в итоге меняются местами. В этом кроется главная тайна романа. А может быть, и всей российской истории.

Бах АХМЕДОВ

Собака, река, ветер...

*Река души моей. Сборник современных узбекских рассказов.
Ташкент: Адиб, 2013. 312 стр.*

В ташкентском издательстве «Адиб» вышел сборник рассказов современных узбекских прозаиков «Река души моей» в переводах Саодат Камиловой. Сборник был отмечен наградой Союза писателей Узбекистана, а в 2013 году переводчица представила его на ежегодном Международном форуме переводчиков стран Балтии и СНГ в Ереване.

Действительно, за последние два десятилетия это – первая серьезная попытка представить современных, активно работающих узбекских прозаиков в одной антологии. Лишь некоторые из этих авторов (Улугбек Хамдам, Исожон Султон) до этого публиковались в русских переводах в «Звезде Востока» и «Дружбе народов». Теперь у читателя появилась возможность получить более-менее полную картину состояния современной узбекской прозы и представление о ее основных направлениях.

Под одной обложкой собраны произведения ведущих современных узбекских прозаиков: Адыла Якубова, Мухаммада Али, Хайриддина Султонова, Хуршида Дустмухаммада, Назара Эшонкула, Собира Унара, Абдукаюма Юлдашева, Зульфии Куролбайкизи, Улугбека Хамдама, Исожона Султона, Рахимжона Рахмата и Уйгуна Рузиева. Это писатели разных поколений и стилистических почерков, начиная от, фактически, классика современной узбекской прозы Адыла Якубова до, условно говоря, «младших» (Собир Унар), пытающихся экспериментировать с формой. Обращает на себя внимание и жанровое разнообразие новелл. Тут и бытовые сюжеты, и исторические зарисовки, и философские притчи.

К последним относятся, например, рассказы Назара Эшонкула, Исожона Султона и Улугбека Хамдама. В них метафоричность и символизм притчи органично переплетены с конкретным сюжетом, наполненным более чем узнаваемыми современными деталями и атмосферой. Это удачное пересечение двух разных плоскостей текста не только заставляет читателя размышлять, но и вызывает в нем ощутимый эмоциональный отклик. Особенно характерны в этом смысле рассказы «Собака Баховуддина» Назара Эшонкула и «Ночной ураган» Исожона Султона.

В первом рассказе есть что-то кафкианское – в постепенном прорастании реального в ирреальное. Небольшой группе звукорежиссеров поручено записать звуки природы для того, чтобы создать необходимый фон в некоей радиопьесе. Они отправляются рано утром в городской парк и записывают на магнитофон утреннее пение птиц, шум ветра и прочие вполне «невинные» звуки. Но когда возвращаются в студию и прослушивают запись, то вдруг обнаруживают вместо птичьего щебета тоскливый собачий

вой, хотя никакой собаки в парке в момент записи не наблюдалось. Откуда взялся этот странный звук? Что он означает?

Не буду пересказывать сюжет до конца, скажу лишь, что темы, которые были так глубоко затронуты столетие назад Кафкой (тотальное отчуждение человека от самого себя, отчаяние и одиночество), не утратили своей актуальности и в наше время. Не случайно и название рассказа – «Собака Баховуддина», указывающее на великого среднеазиатского суфия Баховуддина Накшбанди. История его жизни, вероятно, умалчивает о том, имел ли он в действительности собаку, но это в контексте рассказа и не так важно...

Рассказ Исожона Султона «Ночной ураган» тоже начинается незамысловато: двое детей, брат и сестра, отправляются по степной дороге к бабушке, которая живет в другом кишлаке. Однако начинается ураган – и мальчик теряет свою сестренку, не заметив этого...

Ни у вывороченных ветром деревьев, ни чуть дальше, на пыльной дороге, слабо освещаемой луной, девчушки не было. Только что, причитая «брат, брат», она бежала за ним! Только что растрепанные косички выбивались из-под маленького узорчатого платка! <...> Где осталась она? Весь этот мир, улицы, сады во власти страшной стихии, и только ветер, свирепый ветер, рожденный в далеких безлюдных вершинах гор, кружит и сметает все вокруг.

Рассказ перерастает в притчу, и мы задумываемся даже не о том, что хотел сказать ею автор, а скорее о несказанном, оставшемся за кадром, за пределами того ряда вопросительных знаков, которыми, в буквальном смысле, заканчивается рассказ.

Хотелось бы отметить и рассказы Улугбека Хамдама, один из которых, «Река души моей», дал название всему сборнику. В этой истории два главных персонажа: человек и река. Человек, погруженный в рутину своего быта (он постоянно носит с собой длинный список дел на каждый день), однажды случайно останавливает автомобиль возле реки и, подойдя к ней, вдруг понимает, что река – это единственное, что дает ему возможность хотя бы на несколько минут вырваться из бесконечного круга суеты. У героя возникает желание окунуться в реку и смыть с себя все суетное и временное. Но это, на грани просветления, состояние героя прерывает появление инспектора ГАИ: стоянка машин в этом месте запрещена! А по ходу он сообщает обескураженному герою, что и купаться здесь запрещено.

В целом, практически каждый рассказ сборника дает читателю возможность творчества: авторы предлагают поискать ответы вместе с ними. Хотя, наверное, каждый из нас всегда находит свои собственные ответы – или не находит...

Несколько слов о Саодат Камилевой – замечательной переводчице, благодаря которой стало возможным появление этого сборника. Это первая книга ее переводов, хотя Саодат давно работает в жанре художественного перевода. (В «Звезде Востока» в 2012-2014 годах вышел в ее переводе роман-эпопея Мухаммада Али «Амир Темур Великий»).

Хотелось бы надеяться, что «Река души моей» будет переиздана дополнительным тиражом, и с более тщательной редактурой, поскольку, к сожалению, в сборнике немало стилистических недочетов. Хотя, разумеется, эти небольшие огрехи никак не умаляют значение книги для знакомства русского читателя с современной узбекской прозой.

АВТОРЫ НОМЕРА

- АХМЕДОВ Бах – поэт, прозаик, эссеист. Публиковался в альманахе «Анор», сборнике «Буквы на камнях» (2013), журнале «Звезда Востока». Живет в Ташкенте.
- БАБАДЖАНОВ Бахтияр – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Института востоковедения АН РУз, доцент Ташкентского Исламского университета. Автор более 100 научных работ, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США, Франции, Японии. Живет в Ташкенте.
- БОГОСЛОВСКАЯ Ирина – кандидат искусствоведения. Работала старшим научным сотрудником Государственного музея искусств Узбекистана, главным хранителем Музея антиквариата и ювелирного искусства, старшим научным сотрудником Государственного музея истории. Автор многочисленных публикаций по изобразительному и декоративно-прикладному искусству Узбекистана.
- Диакон Владимир ВАСИЛИК – кандидат филологических наук, доцент исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Диакон Храма Покрова Божией Матери на пр. Косыгина (Санкт-Петербург). Автор работ по истории Византии, истории византийской гимнографии, средневековой истории Сербии и Болгарии.
- ГОМОЛИЦКИЙ Николай – геолог, кандидат биологических наук. С 1965-го по 1995 годы работал в лаборатории палеоботаники Института ботаники АН Узбекистана (с 1975-го года – старшим научным сотрудником). Автор более 45 научных работ на русском и английском языках. Прихожанин Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора с 1945 года.
- ДЖУМАЕВ Александр – музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведческих наук. Автор более 150 научных статей, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США. Живет в Ташкенте.
- ДОРОФЕЕВ Роман – религиовед; проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.
- КАЛАУС Лилия – писатель, книгоиздатель; главный редактор журнала «Книголюб» (Алма-Ата). Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). Живет в Алма-Ате.
- КУЛИШОВА Инна – поэт, переводчик. Автор книг стихов «На окраине слова» (Тбилиси, 2000) и «Фрески на воздухе» (Москва, 2014). Стихи переводились на грузинский, английский, украинский, публиковались в антологии «Modern Poetry in Translation» (Лондон) и «An Anthology of Contemporary Russian Women Poets» (США). Живет в Тбилиси.
- МЕЛАМЕД Игорь (14 июля 1961 – 16 апреля 2014) – поэт, переводчик, эссеист. Автор поэтических книг «Бессонница» (1994), «В черном раю» (1998) и «Воздаяние» (2010). Переводил Уильяма Вордсворта, Джона Донна, Сэмюэля Кольриджа, Эдгара По. С 1988 по 1990 годы работал редактором отдела критики журнала «Юность», 1990-1997 – научным сотрудником в музее Бориса Пастернака в Перedelкино.
- МОИСЕЕНКО Виктор – историк, преподаватель истории и обществоведения. Работал директором школы в Сонковском районе Тверской области, заведующим методическим кабинетом городского отдела народного образования г. Сырдарья. С 1995 года живет в Ташкенте.
- МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Один из основателей объединения «Ташкентская поэтическая школа», член редакционного совета журнала «Восток Свыше». Автор пяти книг стихов. Живет в Подмосковье.
- НАЗАРЬЯН Рубен – литературовед, историк, журналист и кинодокументалист. Кандидат филологических наук, доцент Самаркандского государственного университета, председатель правления Самаркандского общества преподавателей русского языка и литературы. Живет в Самарканде.
- Владимир САРИШВИЛИ – поэт, переводчик. Лауреат литературной премии имени Юрия Долгорукого (2010). Автор книг «Стихи. Поэмы. Переводы» (Москва, 1990), «Afterlife» (Тбилиси, 2007), «Осенняя жатва» (Тбилиси, 2011). Президент Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии. Живет в Тбилиси.
- Иеродиакон Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.
- Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекстанской епархии, член редакционного совета журнала «Восток Свыше». Живет в Ташкенте.
- УСТИМЕНКО Алексей – журналист, писатель. Окончил Ташкентский государственный университет. Был собственным корреспондентом по Средней Азии ряда московских изданий, главным редактором журнала «Звезда Востока», основателем и главным редактором «Востока Свыше» (2001–2011). Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.
- ШУЛЬПЯКОВ Глеб – поэт, прозаик, драматург, зам. главного редактора литературно-художественного журнала «Новая Юность». Автор трех книг стихов и четырех романов. Живет в Москве.

Errata

Помещенные в четвертом номере «Востока Свыше» за 2013 год (вып. XXXII, с. 140) в рубрике «Авторы номера» данные об Ольге Борисовой являются неточными. Правильные данные: «БОРИСОВА Ольга – магистр богословия, секретарь редакционно-издательского отдела Культурно-просветительского фонда «Преображение». Автор исследований по истории Русской православной церкви XX века, православных братств, наследию новомучеников и исповедников российских».

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал

Выпуск XXXIV

№ 3, июль-сентябрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**

Литературный редактор **Лейла Шахназарова**

Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан

Рег. № 02-15

Подписано в печать 28.10.2014 г.

Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.

Заказ № 100 (28.10.2014).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.

Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»

100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz